

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»

На правах рукописи

ЕСЕНОВА Галина Борисовна

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАРТИНЫ МИРА КАЛМЫКОВ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ ПИСАТЕЛЯ-БИЛИНГВА
А.М. АМУР-САНАНА

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная
лингвистика

Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор Сусеева Д.А.

Элиста – 2023

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ ПИСАТЕЛЯ-БИЛИНГВА	11
1.1. Художественный билингвизм как лингвокультурный феномен.....	11
1.2. Культурно значимые языковые единицы в художественном дискурсе писателя-билингва А.М. Амур-Санана «Мудрешкин сын»	22
1.3. Лексические и синтаксические выразительные средства формирования картины мира калмыков в тексте романа-хроники «Мудрешкин сын»	36
1.4. Эмотивно-прагматические характеристики текста романа-хроники «Мудрешкин сын» как средство репрезентации национальной картины мира калмыков.....	52
Выводы по Главе I.	67
ГЛАВА II. ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАРТИНЫ МИРА КАЛМЫКОВ В РОМАНЕ-ХРОНИКЕ «МУДРЕШКИН СЫН»	71
2.1. Концепт «Степь» и его языковая актуализация в романе-хронике «Мудрешкин сын».....	71
2.2. Языковая репрезентация материального мира калмыков в романе-хронике «Мудрешкин сын»	81
2.3. Духовный мир калмыков и его языковая репрезентация в романе-хронике «Мудрешкин сын»	89
2.4. Передача национально-специфических особенностей картины мира калмыков средствами русского языка	98
Выводы по Главе II.	103
ГЛАВА III. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ТИПАЖЕЙ В РОМАНЕ-ХРОНИКЕ «МУДРЕШКИН СЫН»	105
3.1. Лингвокультурный типаж «калмыцкий интеллигент» в романе-хронике «Мудрешкин сын»	106

3.2. Лингвокультурный типаж «хар ясн» в романе-хронике «Мудрешкин сын»	111
3.3. Лингвокультурный типаж «цаган ясн» в романе-хронике «Мудрешкин сын»	115
3.4. Лингвокультурный типаж «мать» в романе-хронике «Мудрешкин сын» ..	123
3.5. Лингвокультурный типаж «женщина-хар ясн» в романе-хронике «Мудрешкин сын».....	127
Выводы по Главе III.....	130
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	134
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	138

ВВЕДЕНИЕ

Исследование разнообразного языкового материала, накопленного в нашей многонациональной стране, имеет важное научное значение в связи с тем, что билингвизм стал реальностью современности. Для многих людей неродной язык является не только средством коммуникации, информации, но и творчества. Нет никакого сомнения в том, что в дальнейшем творческий билингвизм будет только расширяться, в связи с чем важны дискурсивные исследования языкового материала, созданного средствами приобретенной лингвокультуры. Настоящее диссертационное исследование посвящено анализу языковой репрезентации национальной картины мира калмыков в русскоязычном художественном тексте писателя-билингва.

Степень разработанности проблемы. В последние годы активно изучаются художественные тексты писателей-билингвов В. Набокова [Дюдяева 2011; Коровина 2016 и др.], Ч. Айтматова [Бахтикиреева 2005; 2009; Ибраев 1985; Касымалиева 2017; Мирза-Ахмедова 1981 и др.], О. Сулейменова [Бахтикиреева 2005; Туксайтова 2007 и др.], В. Санги [Вуколов 1990; Смольников 2000] и др., для которых языком художественного творчества стал неродной язык. В связи с расширением границ межкультурной коммуникации стали популярны художественные произведения, созданные национальными писателями на языке приобретенной культуры (Ю.Г. Чуяко, Т. Керашев, А.А. Хагуров, Ч. Онер, М. Кандур, А. Мидхат, З. Апцацэ, К. Натхо, С. Харахок, О. Сейфеддин [Тимижев 2006], С.Б. Балыков [Топалова 2017] и др.). Длительна и богата история изучения творчества писателей-билингвов в аспекте литературоведения [см., например, Акматалиев 2013; Айылчиев 1992; Преображенский 1984; Гусейнов 1988 и др.], с позиций культурологии [Гачев 1989; 2002 и др.], в аспекте перевода [например, Зайдия 1979; Дадажанова 1986; Джолдошева 1997 и др.]. В последние годы предпринимаются попытки исследования личности двуязычных писателей,

соединивших в себе достижения родной и приобретенной лингвокультуры [например, Дадье 1968; Балеевских 2002; Бахтикиреева 2005; Тимижев 2006; Ахиджакова 2007; Балагова 2009; Кремер 2015, Зекох 2012; Кумук 2019; Басте 2021 и др.]. В ряде работ прослеживается типология художественного творчества писателей, пишущих на неродном языке [например, Алексеев 1981; Гируцкий 1990; Хугаев 2010; Топалова 2014; 2017; Хасанов 1990; Абдокова 2009; Тимижев 2006; Кремер 2009 и др.]. В исследованиях ставится сложная проблема оценки художественного творчества писателей-билингвов: как явление русской литературы (основываясь на языке), национальной литературы (основываясь на обращенности к историко-культурному наследию своего этноса). В связи с этим изучается отражение национального взгляда на мир в творчестве писателей-билингвов. В этом контексте нами рассматривается литературное наследие калмыцкого писателя-билингва А.М. Амур-Санана, который все свои произведения писал на русском языке. Его самое крупное произведение – роман-хроника «Мудрешкин сын» – опубликован в 1925 г., поэтому А.М. Амур-Санана по праву можно назвать одним из основоположников художественного национально-русского билингвизма в нашей стране.

В настоящей работе осмысление феномена художественного билингвизма проводится с использованием достижений теории дискурса: художественный текст рассматривается с учетом общественно-политического, историко-культурного контекста эпохи, социо- и этнокультурных особенностей личности автора и читателя.

В целом литературное творчество А.М. Амур-Санана и его роман-хроника «Мудрешкин сын», в частности, до настоящего времени не изучались лингвистами, не исследовалась также картина мира калмыков на материале художественного текста писателя-билингва.

Актуальность работы определяется тем, что:

1) всестороннее изучение художественного билингвизма способствует научному осмыслению механизма передачи этнокультурных и языковых особенностей средствами приобретенной лингвокультуры;

2) в современной лингвистике признается необходимым исследование художественного дискурса как продукта речевой и ментальной деятельности человека, интерес вызывает представление в ней результатов осмысления билингвом окружающей действительности языковыми средствами неродного языка;

3) русскоязычный художественный текст романа-хроники «Мудрешкин сын» калмыцкого писателя-билингва А.М. Амур-Санана не изучен с учетом актуальных направлений лингвистической науки.

Объект исследования – языковая картина мира калмыков в художественном дискурсе писателя-билингва А.М. Амур-Санана.

Предмет исследования – лингвокультурные особенности репрезентации картины мира калмыков в художественном дискурсе писателя-билингва А.М. Амур-Санана «Мудрешкин сын».

Цель исследования – изучить и описать особенности языковой репрезентации национальной картины мира калмыков в художественном дискурсе писателя-билингва А.М. Амур-Санана.

Задачи исследования:

1) выявить и проанализировать лексико-семантические и грамматические средства формирования национальной картины мира калмыков в художественном дискурсе писателя-билингва А.М. Амур-Санана «Мудрешкин сын»;

2) определить эмотивно-прагматические характеристики романа-хроники «Мудрешкин сын»;

3) проанализировать лингвокультурную специфику репрезентации материального и духовного мира калмыков в романе-хронике «Мудрешкин сын»;

4) выявить и охарактеризовать значимые для картины мира калмыков лингвокультурные типажи калмыков в романе-хронике «Мудрешкин сын».

Материал исследования – русскоязычный текст романа-хроники писателя-билингва А.М. Амур-Санана «Мудрешкин сын» (Элиста, 1987, 203 с.).

Методы, которые использовались в работе: общенаучные и частнонаучные методы и приемы исследования, такие как методы наблюдения, сравнения и обобщения; методы контекстуального и дефиниционного анализа языковых единиц в пространстве художественного текста; приемы лексико-семантического, морфологического, синтаксического анализа языковых единиц для установления особенностей их функционирования в пространстве художественного дискурса; метод лингвокультурологического анализа единиц репрезентации картины мира калмыков для выявления и описания их этнокультурной специфики.

Теоретической и методологической основой исследования послужили научные концепции и положения отечественных и зарубежных ученых, изложенные в трудах по теории билингвизма [Багираков 2004; Бахтикиреева 2005, 2009; Николаев 2004 и др.], лингвокультурологии [Алефиренко 2002; 2016; Болдырев 2004; Вежбицкая 1999; 2001; Воробьев 2008; Демьянков 1982; 1992; 2016; Маслова 2007; 2014; Телия 1996; Токарев 2009; Бабушкин 1996; Воркачев 2007; 2014, Карасик 2004; 2009, Красных 2002; Лихачев 1993; Попова, Стернин 2010 и др.], социолингвистике [Аврорин 1975; Бондалетов 1987; Беликов, Крысин 2001; Белл 1980; Звегинцев 1976; Вахтин, Головкин 2004; Дешериев 1977; Крысин 1989; Лабов 1976; Дьячков 1993; Мечковская 1996; Швейцер 1976 и др.], психолингвистике [Выготский 1999; Жинкин 1982; Зимняя 2001; Леонтьев 2003; Леонтьев 1975 и др.], дискурсологии [Арутюнова 1990; Бахтин 1986; Ван Дейк 1989; 1998; Гийому, Мальдидье 1999; Карасик 2000; 2004; 2007; Кашкин 2004; 2010; Красных 2003; Шейгал 2000 и др.], эмотиологии [Шаховский 1987; 2010; Болотнов 1981; Жельвис 1990; Филимонова 2001 и др.].

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые

художественный дискурс писателя-билингва А.М. Амур-Санана «Мудрешкин сын» становится объектом комплексного лингвистического исследования. В работе представлена специфика языковой репрезентации картины мира калмыков в художественном дискурсе писателя-билингва; выявлены и описаны понятийная, образная и ценностная характеристики лингвокультурных типажей, значимых для языковой репрезентации картины мира калмыков.

Теоретическая значимость исследования определяется вкладом в теорию художественного дискурса применительно к творчеству писателей-билингвов. На основе анализа языковых единиц и их функционирования в художественном дискурсе, созданном писателем-билингвом, выявлен характер репрезентации картины мира калмыков в художественном тексте на русском языке. Результаты проведенного исследования могут использоваться при изучении феномена художественного билингвизма. Использованный в работе подход к описанию языковых единиц художественного дискурса писателя-билингва может быть применен при исследовании других типов дискурса.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты могут использоваться в вузовских курсах лингвокультурологии, психолингвистики, социоллингвистики, эмотиологии, стилистики, а также в спецкурсах по лингвистическому анализу художественного текста.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Художественный дискурс писателя-билингва является результатом межъязыкового и межкультурного взаимовлияния. Языковая картина мира в художественном дискурсе писателя-билингва А.М. Амур-Санана «Мудрешкин сын» формируется с учетом социокультурных и этнокультурных факторов.

2. Спецификой языковой репрезентации национальной картины мира калмыков в русскоязычном художественном тексте писателя-билингва А.М. Амур-Санана является сочетание лексико-семантических и грамматических средств

русского языка с культурно маркированными лексическими единицами калмыцкого языка.

3. Бинарные оппозиции «свой-чужой», «счастье-несчастье», «прилично-неприлично», «вежливо-невежливо» являются концептуальными доминантами в художественном дискурсе писателя-билингва А.М. Амур-Санана «Мудрешкин сын» и отражают лингвокультурную специфику национальной картины мира калмыков.

4. Выделенные лингвокультурные типажи калмыков «цаган ясн», «хар ясн», «калмыцкий интеллигент», «мать», «женщина-хар ясн» актуальны для традиционного калмыцкого общества конца XIX – начала XX вв. и значимы для языковой репрезентации национальной картины мира калмыков в художественном дискурсе писателя-билингва А.М. Амур-Санана «Мудрешкин сын».

Апробация работы. Основные положения диссертации были представлены в докладах на Российской научно-практической конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. «Трудовой вклад народов Юга России в победу в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (Элиста, 4 декабря 2020 г.), Всероссийской научной онлайн-конференции с международным участием «Лингвистическое моделирование в теории коммуникации» (Грозный, 15-17 января 2021 г.), Международной научной конференции, посвященной 90-летию профессора Серафимы Алексеевны Хаврониной «Русский язык в современном научном и образовательном пространстве» (Москва, 28-29 октября 2020 г.), Межрегиональной онлайн-конференции «Сохрани свою речь навсегда: роль художественных переводов в гармонизации межнациональных отношений» (Элиста, 8 июня 2021 г.), V Международном научном форуме «Сетевое востоковедение: мир Востока и Восток в мире» (Элиста, 30 ноября 2021 г.), Международной научной конференции «Наследие Давида Кугультинова и литературные традиции в современном культурном пространстве» (Элиста, 15 марта 2022 г.), II Международной научной

конференции «Слово о слове» (Астрахань, 8 апреля 2022 г.), II Международной научно-практической конференции «Векторы развития русистики и лингводидактики в контексте современного филологического образования» (Астрахань, 27-28 октября 2022 г.).

Основные научно-теоретические положения диссертации отражены в 14 научных статьях, из которых 3 – в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ ПИСАТЕЛЯ- БИЛИНГВА

1.1. Художественный билингвизм как лингвокультурный феномен

В художественном дискурсе взаимодействуют автор, читатель и контекст, а одна из главных особенностей заключается в том, что составляющие его единицы в совокупности создают нереальную, вымышленную действительность.

Прежде всего следует отметить, что исследование языка художественной литературы имеет в нашей стране давнюю и большую историю. Достаточно напомнить о вкладе В.В. Виноградова в изучение языка произведений русской классической литературы, основные идеи которого нашли отражение в его известных трудах «Язык Пушкина», «О языке художественной литературы». Работы В.В. Виноградова зародили целое направление в русском языкознании – исследование языка художественной литературы. Кроме того, большую известность получили работы философа, литературоведа М.М. Бахтина, исходившего из того, что «за каждым текстом стоит система языка, состоящая из языков множества социальных групп» [Бахтин 1986: 299], – «Проблемы поэтики Достоевского», «Эстетика словесного творчества». Необходимо сказать и о вкладе Ю.М. Лотмана в изучение художественного текста, анализ поэтического текста. В отечественном языкознании благодаря работам данных ученых и их последователей установилась традиция изучения языка художественной литературы и художественного стиля в рамках теории функциональных стилей.

С зарождением теории дискурса и появлением работ по анализу разного вида дискурса [Шейгал 2000; Попов 2001; Бейлинсон 2001; Демьянков 2002; Бобырева 2007; Карасик 2009; Гуляева 2009; Детинкина 2010 и др.] все больший интерес у филологов вызывает и возможность изучения произведений художественной литературы в аспекте дискурса. Отметим, что при дискурсивном анализе

художественного текста учитываются и все достижения, полученные в рамках исследования языка художественной литературы и художественного стиля. Основными признаками художественного текста определены образность и эстетичность, которые реализуют в художественном произведении категории «возвышенное» и «прекрасное». Его конститутивными особенностями считают «антропоцентричность и ориентированность на внешнюю форму» [Руднев 1996]. Антропоцентричность художественного текста объясняется тем, что «человек – это не только объект описания, но и его центр, та семантическая доминанта, которая обуславливает принципы организации текста и в совокупности создает текстовое единство» [Дымарский 1999: 118-119].

В настоящее время предложено несколько обозначений дискурса художественного произведения, а также его определений. Так, предложены термины «художественный дискурс», «дискурс художественной литературы», «дискурс художественной прозы», «дискурс лирической поэзии» [Тюпа 2002; 2008; 2009]. В.А. Миловидов предпочитает термин «литературно-художественный дискурс», под которым понимается «диалогическая и динамическая мыслительно-речевая практика, протекание которой обусловлено местом, временем, культурно-историческим и социально-психологическим контекстом говорения (креативным контекстом) и слушания (рецептивным контекстом), характером намерений говорящего и слушающего, характеристиками объекта, особенностями специализированных языков, которыми кодируется сообщение, а также особенностями языков декодирования» [Миловидов 2016: 13]. В.А. Маслова художественный дискурс понимает как дискурс «коммуникативно-направленного вербального произведения, обладающего эстетической ценностью, выявляемой в процессе его восприятия» [Маслова 2014: 13].

Л.А. Манерко, рассматривая термины, которые используют разные авторы применительно к литературному произведению, приходит к выводу: «В отличие

от термина «художественный текст» или «текст художественной литературы», который указывает на конечный результат коммуникативного события, термин «дискурс художественного произведения» следует понимать как явление динамичное, имеющее отношение к динамике понимания взаимодействия текстового и концептуального-смыслового пространства, помогает понять не только его семантику и семиотику, но и связать это явление с «вертикальностью» текста, показать возможность его интерпретации. Это дискурс, посредством которого реализуется обмен знаниями, эмоциями и ценностями» [Манерко 2013: 112]. В определении учитываются особенности художественного дискурса, в том числе его семантическая, семиотическая, концептуальная и интерпретативная стороны.

Более широкую интерпретацию применительно ко всем разновидностям художественного дискурса, характеризующимся эстетической функцией, предложил В.В. Фещенко. В его определении учтены свойства, характерные для разных видов и форм художественного дискурса: «совокупность вербальных высказываний, сформированная в результате взаимодействия автора-художника и читателя (зрителя, слушателя) посредством произведения искусства, с учетом эстетических факторов порождения и восприятия этих высказываний в конкретных видах и формах искусства» [Фещенко 2021: 35].

В рассмотренных выше определениях художественного дискурса в качестве его основных характеристик называются семантическая, интерпретативная, эстетическая, когнитивная составляющие. Предметом анализа определяется семантика, прагматика дискурса, а также его интерпретация, которая проводится через анализ особенностей функционирования характерных для дискурса данного художественного текста концептов. В ходе интерпретации исследователь привлекает фоновые знания о реальной действительности, активизирует все свои ментальные данные и когнитивные способности. При таком подходе дискурс понимается не просто как результат речевой деятельности

субъекта, но как показатель того, что он знает, мыслит и транслирует в своем тексте.

Установлено, что связность дискурса создается благодаря «единству темы (топику)» [Демьянков 2000: 101], это связность информационная, обусловленная историческими, социальными и культурологическими сведениями, заключенными в нем. Тематический подход к художественному дискурсу сводится к изучению его «вокабуляра и стилистических средств» [Карасик 2014: 147], которые соотносятся с конкретной описываемой ситуацией.

Прагматический подход к исследованию художественного дискурса предполагает анализ обстоятельств, при которых формируется авторская интенция, и того, как она воплощается. Авторская интенция заключается в стремлении воздействовать на мировосприятие читателя посредством художественного текста и изменить его. В связи с этим при дискурсивном анализе художественного текста важно рассматривать обстоятельства его создания. И именно учет интенции автора позволяет рассматривать содержание дискурса как послание читателю. Не случайно, по мнению исследователей, прагматическая сущность художественного дискурса является его основным фактором: художественный дискурс воздействует на эмоционально-волевую и эстетическую сферы личности читателя; этим художественный дискурс отличается от других видов дискурса. Для определения влияния художественного дискурса на эмоционально-волевую и эстетическую стороны личности читателя анализируются языковые средства, передающие чувства, переживания как действующих персонажей, так и автора текста.

Эстетическая функция, как известно, обуславливает эмотивность и экспрессивность художественного дискурса. Как отмечено В.В. Виноградовым, «общение в художественно-эстетической области в полной мере может осуществляться лишь в том случае, если речь выразительна, образна, эмоциональна, если она будит воображение читателя, т.е. если она выполняет

еще и эстетическую функцию» [Виноградов 1959: 122]. В связи с этим любое слово в художественном тексте может приобретать переносное, окказиональное, эмоционально-оценочное значение. Кроме того, в художественный текст автор может включить просторечные, диалектные, иноязычные единицы для реализации определенной художественной задачи. Помимо лексических, могут использоваться словообразовательные, морфологические, синтаксические средства выразительности. Это относится не только к строительным элементам, но и структурным моделям, их комбинаторике. В зависимости от художественных целей в пространстве дискурса возможно употребление средств из различных функциональных стилей, поскольку для создания достоверного образа того или иного персонажа автор вкладывает в его уста такие слова и выражения, синтаксические конструкции, которые характерны для данного социального типа людей или эпохи. Этой цели служат и используемые персонажами невербальные средства. Выбор темы, проблемы, сюжета, образов художественного текста, структурирование его композиции, выбор манеры изложения зависят от эстетических вкусов автора, его мастерства, целей, среди которых ведущая – «воздействовать на эмоционально-когнитивную сферу читателя» [Одинцов 1980: 178]. Для анализа этой стороны художественного дискурса рассматриваются все изобразительно-выразительные и эмоционально-оценочные языковые средства, которые использует автор для воздействия на эстетическую и эмоциональную сферы личности своего читателя.

Когнитивно-семантический подход к художественному дискурсу предусматривает анализ языковых единиц, грамматических категорий, связей и стилистических средств. Когнитивная сторона связана с речемыслительной деятельностью автора и адресата, характеризуется взаимодействием их когнитивных баз. В связи с этим некоторые исследователи определяют художественный дискурс «как процесс взаимодействия текста и читателя» [Стародубова 2021]. В работах исследователей указывается на необходимость

учета социокультурного, общественно-политического контекста, характерного для эпохи создания произведения, а также реального исторического времени, в котором живет читатель. Исследователь должен учитывать особенности когнитивных баз создателя произведения и читателя, живущего в другую эпоху с характерными для нее реалиями и, возможно, разделяющего другие ценности. Напомним в этой связи, что Ю.М. Лотман говорил о значимости для возникновения художественного дискурса понятий «личность повествователя» и «личность читателя», чтобы читатель и повествователь «были на одной волне».

Художественный текст в аспекте теории дискурса рассматривается как многоуровневое явление, компонентами которого являются текст, составленный конкретным автором, контекст, включающий характерные для исторического времени создания текста явления и события, и гипертекст, включающий реакцию на данный текст современников и общественных деятелей. Дискурс-анализ художественного текста предполагает изучение историко-культурного контекста произведения, в частности времени и условий, в которых создавался текст, личности автора, его общественно-политических и гражданских взглядов, миропонимания писателя, ценностей, которые он разделяет, и т.д. В связи с этим возможен диалог между читателем и персонажем, читателем и автором, создается поле для размышлений и интересных раздумий. В этом заключается воздействующая сила художественного дискурса, когда читатель рефлексивирует: соотносит содержание текста с собственным жизненным опытом и на основе этого обогащает себя, делает выводы применительно к своей ситуации. Феномен художественного дискурса заключается в том, что один и тот же художественный текст на разных читателей воздействует неодинаково, у каждого будет свое прочтение. Это зависит от субъективных характеристик конкретного человека, его жизненного багажа, уровня образования и культуры, сферы деятельности, среды, в которой воспитывался, жил и работал человек. Более того, один и тот же человек может по-разному воспринимать и оценивать один и тот же художественный

дискурс в разные периоды своей жизни. Это зависит от того, насколько изменились жизненные обстоятельства, расширилось его мировоззрение, какими смыслами обогатился его менталитет. Все это по силе воздействия на читателя делает художественный дискурс совершенно уникальным явлением культуры и интересным объектом лингвистического исследования.

Когнитивный анализ художественного дискурса предполагает выявление лингвокультурных концептов, особенностей их функционирования в пространстве данного художественного дискурса, т.к. художественный дискурс «создается социально-индивидуальной действительностью, т.е. через концепты, категории и другие смыслопорождающие процессы речи» [Маслова 2014: 11]. Когнитивный анализ помогает определить функционирование лингвокультурных концептов в рамках конкретного художественного дискурса. Значит, исследование художественного дискурса предполагает обращение не только к лингвистическим сведениям, но и к фоновым знаниям о мире, поскольку в ходе создания текста и восприятия его читателем взаимодействуют все знания, которыми владеет человек.

Так как художественный дискурс является результатом когнитивной и лингвокультурной деятельности его автора, то при исследовании художественных текстов двуязычных писателей особое значение приобретает фактор билингвизма. В этой связи следует отметить, что в лингвистике давно и плодотворно изучается двуязычие, являющееся естественно-исторической реальностью в нашей многонациональной стране [Аврорин 1975; Бертагаев 1972; Дешериев 1977; Багироков 2004; Блягоз 2006 и др.].

В настоящее время в связи с глобализацией и активными миграционными процессами с явлением билингвизма сталкиваются жители не только национальных регионов, но и крупных промышленных городов России, которым ранее явление двуязычия не было известно. В связи с этим в последние годы билингвизму уделяют повышенное внимание не только лингвисты, но и психологи, педагоги, социологи, историки и др. К настоящему времени хорошо изучены

разновидности билингвизма. В последние годы активно исследуется художественный билингвизм, который по праву называется высшей формой билингвизма [Гируцкий 1990; Хасанов 1990; Туксаитова 2005; Кремер 2009; Бахтикиреева 2009; Хугаев 2010; Зекох 2012; Блягоз, Багироков, Зекох 2012; Коровина 2016; Кумук 2019; Ахиджакова, Ахиджак 2020; Басте 2021 и др.]. Большой вклад в разработку вопросов художественного билингвизма вносят лингвисты Адыгейского государственного университета, где сложилась школа по изучению актуальных проблем двуязычия и художественного билингвизма в том числе. Кроме того, заметный вклад в исследование художественного билингвизма вносят языковеды из других национальных республик России, а также Москвы (Российский университет дружбы народов), Краснодар, Ростова-на-Дону, Ставрополя, Екатеринбурга и других городов нашей страны.

В научной литературе можно встретить разные определения художественного билингвизма. А.А. Гируцкий определяет его как «творчество с использованием для создания художественного произведения инонациональных языковых средств» [Гируцкий 1990: 55]. Х.З. Багироков и Э.Д. Шеуджен художественный билингвизм интерпретируют как «ориентированное на читательскую аудиторию определенного типа творчество писателей-билингвов – создателей оригинальных художественных ценностей на адыгском и русском языках» [Багироков, Шеуджен 2017: 149]. В определении А.В. Кузнецовой акцент делается на билингвальной личности автора: «Билингвальный художественный текст, очевидно, имеет двойственную природу: он является результатом лингвокогнитивной и лингвокреативной деятельности билингвальной (и литературной!) личности, и в таком случае когнитивный потенциал билингвального художественного текста обеспечивается посредством «второго» языка: кроме того, в нем могут быть намеренно сохранены в целях реализации эстетических задач писателя-билингва показатели различных ярусов «первого» языка» [Кузнецова 2020: 78-79]. По мнению З.З. Зекох, «художественный

билингвизм представляет собой неоднородную и одновременно цельную речевую ткань, в которой зафиксировано два речевых кода» [Зекох 2012: 13]. Мы будем придерживаться приведенных выше точек зрения и художественный билингвизм будем понимать как художественное творчество билингвальной личности с использованием инонациональных языковых средств.

Так как в билингвальных дискурсах взаимодействуют не только языки, но и культуры, то важным аспектом исследования становится анализ представления национальной личности автора в таком виде дискурса. Предлагается «выделить лингвокультурологический аспект двуязычия, проявляющийся в творчестве писателей-билингвов» [Багироков, Тлехутак 2017: 21]. Эта сторона проблемы так же разрабатывается в работах лингвистов [Кушу 2004; Тимижев 2006; Бахтикиреева 2009; Олизько 2011; Зекох 2012; Туманова 2012; Кремер 2015; Кумук 2019; Панеш 2020; Басте 2021 и др.]. При этом художественное творчество билингвальной личности понимается как «способ отражения объективной действительности, параллельное или попеременное, или последовательное использование языковых систем в художественном тексте» [Багироков, Шеуджен 2017: 142]. Поскольку в художественном тексте писателя-билингва прослеживается связь между результатами когнитивной и лингвокультурной деятельности по отражению окружающей действительности, то исследуются языковые предпочтения в национальном и русском (неродном) языках, а также национально-региональный компонент, который может содержаться в средствах языка. Как отмечает А.В. Кузнецова, «билингвальный художественный текст интересен ... категоризацией объектов действительности первичной культуры и нахождения их актуального значения на языке приобретенной культуры» [Кузнецова 2020: 69].

В билингвальном дискурсе индивидуально-авторская картина мира писателя-билингва выражается через лингвокультурные концепты, как общечеловеческие, так и этноспецифические. При этом в пространство

художественного дискурса автор включает такие лингвокультурные концепты, с которыми связаны ключевые смыслы его родной культуры. В билингвальном дискурсе они могут выражаться через безэквивалентную лексику, которая является важным средством выражения национальной лингвокультуры, ее этнокультурной специфики, поскольку реалии, стоящие за национальными обозначениями, не характерны для другой, в данном случае – русской лингвокультуры. Это могут быть номинации одежды, национальных блюд, напитков, предметов быта, элементов интерьера, декора и т.д. Поэтому употребление безэквивалентной лексики в художественном дискурсе уместно и оправдано: она реализует прагматическую цель – передает читателю, носителю иной культуры, не знакомому с этнической культурой автора, особенности его национальной картины мира. В ходе приобщения к ресурсам родного языка индивид, постигая семантику слов и выражений, «начинает видеть мир под углом зрения, подсказанным его родным языком, сживается с концептуализацией мира, характерной для соответствующей культуры. В этом смысле слова, заключающие в себе лингвоспецифические концепты, одновременно отражают и “формируют” образ мышления носителей языка» [Шмелев 2001: 7]. Вот почему безэквивалентная лексика в билингвальном художественном дискурсе помогает «распредмечивать» этническую картину мира его автора.

В последние годы увеличивается количество писателей-билингвов. Читатели познакомились с творчеством двуязычных писателей, создающих произведения на русском и осетинском, калмыцком, адыгском и русском языках, арабском, турецком, адыгском языках. Произведения двуязычных авторов плодотворно анализируются филологами [Ахиджакова 2007; Абдокова 2009; Балагова 2009; Кушу 2004; Тимижев 2001; 2006; Топалова 2014; 2017; Хачемизова 2005; Хугаев 2010; Зекох 2012; Кумук 2019; Басте 2021 и др.].

В Калмыкии в связи со сложившейся социокультурной ситуацией русский язык все чаще используется в качестве инструмента для художественного

творчества. Как известно, в 20-ые годы XX в. подавляющее большинство калмыков не владело русским языком, однако при создании художественных текстов А.М. Амур-Санан обращается к русскому языку. Он считал русский язык проводником новой жизни для калмыков и именно с русским языком связывал будущее народа. А.М. Амур-Санан стал первым писателем из числа калмыков, создавшим художественный текст на русском языке.

В настоящее время существуют художественные тексты на русском языке, авторами которых являются калмыки (Р. Ханинова, В. Лиджиева, П. Дарваев, Д. Насунов, В. Сухотаев и др.), которые, безусловно, отражают в них особенности картины мира калмыков. В конце XX в. читатели познакомились с художественным творчеством калмыков, проживающих в эмиграции, в странах дальнего зарубежья. В частности, повестью С. Балыкова «Девичья честь», рассказами «Сильнее власти», изданными в Мюнхене в 1983 г., которые были написаны на русском языке. К сожалению, русскоязычные тексты калмыцких авторов, в том числе находящихся в эмиграции, рассматриваются лишь в аспекте литературоведения [Топалова 2014; 2017], с лингвистической точки зрения не изучаются.

Автобиографическое произведение А.М. Амур-Санана «Мудрешкин сын» изображает обыденную жизнь калмыков в естественной среде обитания, материальную и духовную культуру народа, изменение уклада жизни, а также привычек людей в процессе общественно-политических и социокультурных перемен эпохи. Для воплощения своих творческих планов писатель сознательно выбирает русский язык по нескольким причинам. Он хотел, во-первых, познакомить широкую читательскую аудиторию с жизнью калмыков, во-вторых, пропагандировать русский язык среди калмыков, поскольку с ним связывал будущее народа. Русский язык стал для прозаика средством пропаганды социалистических идей, новой жизни, вовлечения калмыков в революционные перемены.

Итак, художественный дискурс в работе будем понимать как совокупность высказываний, посредством которой происходит обмен знаниями, эмоциями и впечатлениями между автором и читателем. В художественном дискурсе взаимодействуют автор, читатель и контекст, а одна из главных особенностей заключается в том, что составляющие его единицы в совокупности создают художественный мир. В билингвальном художественном дискурсе находят отражение базовые ценности и лингвокультурные концепты этноса и в целом эпохи, ее историко-культурные, общественно-политические особенности, а также личность автора-билингва. Русский язык сознательно избирается А.М. Амур-Сананом для художественного творчества, приобщения калмыков к новым реалиям, тем историческим изменениям, которые происходили в стране в конце XIX – начале XX вв.

1.2. Культурно значимые языковые единицы в художественном дискурсе писателя-билингва А.М. Амур-Санана «Мудрешкин сын»

В последние годы наблюдается новый подход к рассмотрению художественного билингвизма – с точки зрения изучения возможностей русского языка в отражении разных национальных культур [Гируцкий 1990; Хасанов 1990; Багирокв 2004; Николаев 2004; Туксайтова 2005; Ахиджакова 2007; Бахтикиреева 2009; Блягоз, Багирокв, Зекох 2012; Зекох 2012; Туманова 2012; Кремер 2015; Амалбекова 2017; Кумук 2019; Басте 2021 и др.].

Одна из задач, которую решал А.М. Амур-Санан, заключалась в том, чтобы познакомить как можно большее количество читателей с калмыцкой культурой и калмыцким этносом. По свидетельству автора, для него сложной проблемой стала передача самобытной культуры калмыков средствами русского языка. Это связано с национально-специфическим характером отражения результатов осмысления окружающей действительности в языке, поскольку «предшествующий уровень

познания действительности, в определенной степени зафиксированный в языке, не может не оказывать известного влияния на последующие этапы познавательной деятельности человека, на сам подход познающего субъекта к объектам действительности, в частности, в связи с категоризацией мира в языке» [Панфилов 1977: 29].

В семантическом пространстве художественного текста романа-хроники «Мудрешкин сын» представлены языковые системы родного для писателя калмыцкого языка и русского языка, который является основным инструментом повествования. В последующих разделах изучим языковые и эмотивно-прагматические средства репрезентации картины мира калмыков в художественном дискурсе романа-хроники «Мудрешкин сын».

Лингвистическая специфика данного художественного текста обусловлена включением в него лингвокультурных единиц, свойственных калмыцкой языковой картине мира, что требует специального лингвистического анализа. Как известно, для категоризации мира в тексте на неродном языке используются национальные единицы, которые выполняют информативную (знакомство с экзотическим миром чужой культуры) [Орешкина 1994], эстетическую [Блягоз, Багироков, Зекох 2012] функции, а также особую функцию «проводника толерантности» [Туксаитова 2005].

В рассматриваемом тексте использовано свыше 250 калмыцких единиц (слов и словосочетаний, пословиц, поговорок, этикетных формул), которые обозначают особенности материальной и духовной культуры, социальной организации, национального характера, речевого этикета и коммуникативного поведения калмыков, являются лексико-семантическими маркерами билингвизма автора. Национально маркированные языковые единицы должны встраиваться в русский текст, не нарушая его единство. Рассмотрим, как употребляются калмыцкие языковые единицы в художественном тексте на русском языке.

Графика

В начале XX в. калмыки использовали старокалмыцкую письменность «Тодобичиг», однако ею владела лишь незначительная часть калмыков, подавляющее большинство народа было неграмотным, не владело ни старокалмыцкой, ни кириллической письменностью. В это время еще не была разработана калмыцкая письменность на кириллической основе, не были определены графические способы передачи специфических калмыцких фонем. В связи с этим понятно, что А.М. Амур-Санан столкнулся с определенными трудностями.

Анализ показал, что калмыцкие слова и выражения в художественном тексте обозначаются буквами кириллицы. При этом отсутствующие в русском языке фонемы автор обозначает кириллическими буквами следующим образом: *ү – ю (кюн); э – я (сян) / ай (саин) / э (омктэ) / а (даркэ); ң – нг (зайсанг); ө – о (овгн) / ё (хён) / е (мечн); һ – г (мога); ж – дж (Джимбеев)*. В некоторых случаях отмечается непоследовательность написания: одни и те же слова пишутся по-разному (*сян, саин*, современное орфографическое написание *сэн*).

Редуцированные гласные последовательно обозначаются на письме в зависимости от ряда гласного первого слога слова: *алык* (в современной орфографии *алг*), *мендэ* (в современной орфографии *менд*), *терме* (в современной орфографии *терм*). Однако в отдельных случаях гармония гласных не соблюдается: *омктэ* (в современной орфографии *омкта*). Отмечается непоследовательность в обозначении долгого гласного: например, наряду с *бьятн* (в современной орфографии *бэятн*) встречается *ал-ха-дг* (в современной орфографии *эал хээдг*).

По-разному пишутся словосочетания: через дефис (*сян-кюн*), отдельно в два слова (*худ кевюн*), слитно в одно слово (*галтайнэ, ханэрмини*). Словосочетание *эал хээдг* написано в одно слово с двумя дефисами, аффикс *-дг* отделен от корня дефисом: *ал-ха-дг*. Одни и те же словосочетания в тексте пишутся то отдельно (*цаган ясн, хар ясн, сян кюн*), то через дефис (*цаган-ясн, хар-ясн, сян-кюн*).

Итак, калмыцкие языковые единицы, являющиеся маркерами двуязычности автора, в русскоязычном тексте «передаются кириллицей, не нарушая его графическое единство. Отмеченную непоследовательность обозначения национальных элементов можно объяснить неразработанностью в период создания художественного текста принципов калмыцкой орфографии на кириллической основе» [Есенова 2023: 126].

Лексические особенности

В художественный текст романа-хроники включены лексемы, словосочетания, пословицы и поговорки, синтаксические конструкции, свойственные калмыцкой языковой картине мира. Большая часть национальных слов в тексте – это имена существительные, обозначающие реалии, связанные с миром калмыков. Так называемые «этнографические лакуны», безэквивалентные слова, «план содержания которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями» [Верещагин, Костомаров 1990: 42], выполняют в данном русскоязычном художественном тексте лингвокультурологическую функцию, создают национальный колорит, «калмыцкую атмосферу».

Имена собственные

В тексте среди иноязычных включений заметное место занимают имена собственные (антропонимы: *Мудре, Монцхор, Лидже, Муковен, Буштынъ, Овше, Кару, Бембе, Нюдэ, Нооха* и т.д.; топонимы: *Чилгир, Харахусы, Элиста, Цорос* и т.д.), функция которых – пространственная локализация текста.

Топонимы представлены калмыцкими географическими терминами «улус ‘административно-территориальная единица, соответствующая прежнему уезду’» [Амур-Санан 1987: 39], «*хотон* ‘село, деревня’» [Муниев 1977: 601], «*аймак* ‘аймак’» [Муниев 1977: 62], которые русскоязычного читателя отсылают к калмыцкому языковому сообществу. В составе составной номинации национальный термин располагается после прилагательного, называющего

географический объект, образуя гибридное именное словосочетание: *Яндыкомочажный улус*.

Национальные антропонимы представлены калмыцкими терминами родства (*ээджи* ‘мать’) и личными мужскими (*Санджи, Анджи, Эренцен* и т.д.) и женскими (*Алдэ, Буштынъ, Ангирь* и др.) именами. В совокупности система имен собственных, широко представленная разными единицами в художественном тексте, также выполняет лингвокультурологическую функцию, обеспечивает его когнитивно-прагматическую целостность.

Особый интерес вызывает гибридное имя *Мудрешка*, вынесенное в название произведения. Оно образовано от калмыцкого антропонима *Мудра*, к которому присоединен русский суффикс *-ешк-*, придающий имени оттенок пренебрежительности. Данное слово является маркером низкого социального статуса членов семьи *Мудрешки* в родовом калмыцком обществе того времени.

Этнокультурную специфику рассматриваемого художественного текста формируют лексико-семантические средства калмыцкого языка, обозначающие социальный статус людей в калмыцком социуме: *нойон* ‘князь’, *зайсанг* ‘представитель дворянского сословия’, *хар ясн* ‘черная кость’, *цаган ясн* ‘белая кость’ и др., употребляющиеся в препозиции к антропониму (*нойон Гахаев, зайсанг Бегеле Онкоров* и др.).

Калмыцкие имена собственные в русский художественный текст вводятся несколькими способами. Наиболее частотным способом является употребление антропонима: *Наран, Монцхор, Ботохэ, Анджа* и т.п. Действующие лица могут обозначаться через фамилию: *Доржинов, Чапчаев, Гахаев, Долдунов, Лиджинов* и т.д. Встречаются созданные по аналогии с русскими обозначениями двухчастные номинации: *Шерин Джунгруев, Улюмджи Лавгаев, Лидже-Убуши Гаряев* и др., а также трехчастные номинации, в составе которых личное имя, отчество, фамилия: *Ока Иванович Городовиков* и т.п., так же образованные по модели русского языка.

Следует обратить внимание на гибридные обозначения *Лиджик*, *Манджик*, в которых калмыцкая корневая морфема сопровождается русским уменьшительно-ласкательным суффиксом *-ик*. Данные гибридные обозначения отражают результат калмыцко-русского билингвизма, взаимодействия двух языковых систем.

Большинство антропонимов, использованных в тексте, – это калмыцкие личные имена. Среди них отмечены имена реальных людей *Араша Чапчаев*, *Нарма Шапукова*, *нойон Гахаев*. Через номинации реальных личностей и населенных пунктов Калмыкии формируется историческая достоверность рассматриваемого художественного текста. Кроме того, в тексте встречаются имена реальных исторических деятелей России XX в. (*Владимир Ильич Ленин*, *Иосиф Сталин*, *Семен Буденный*, *Михаил Калинин* и др.), что так же свидетельствует о достоверности текста романа-хроники.

Следует обратить внимание на имя собственное *Антон*, в произношении бабушки *Анутон*, которое наглядно иллюстрирует фонетические закономерности калмыцкого языка: невозможность сочетания согласных в начале слова.

Индивидуальные имена собственные в тексте иногда сопровождаются комментариями, которые приводятся в низу соответствующей страницы: «*Дооктябрьский Карвенов совсем был не похож на послеоктябрьского Карвина, как стал себя именовать на калмыцкий лад мой прежний учитель. О Карвине-контрреволюционере будет особая речь*» [Амур-Санан 1987: 79]. Приведенная подстрочная сноска разъясняет исторический контекст происходящего: изменение общественно-политических взглядов *Карвенова*. В данном примере наблюдаем разные способы передачи калмыцкой фамилии. *Карвенов*, будучи гибридным обозначением, образованным от калмыцкого личного имени *Карвин* с помощью русского аффикса *-ов*, может рассматриваться как результат калмыцко-русского языкового взаимодействия, в то время как *Карвин* образован от того же

антропонима *Карвн* с помощью калмыцкого аффикса *-ин* по модели калмыцкого языка.

Нарицательные имена

Нарицательные имена существительные в художественном пространстве романа-хроники выступают в качестве лексико-семантических маркеров картины мира калмыков, формируя калмыцкий национальный колорит. В тексте культурно значимые единицы представлены одушевлёнными (*бё* ‘знахарь’, *бакша* ‘настоятель монастыря’ и др.) и неодушевленными конкретными существительными (*модн* ‘пастушеская палка’; *ташач* ‘мордохлест’; *тирпуг* ‘подпилочек’; *терме* ‘решетка кибитки’, *унюн* ‘шесты, составляющие остов кибитки’; *таган* ‘небольшой котелок’, *сулга* ‘конусообразная кадушка для закваски молока’ и др.).

Из использованных в тексте калмыцких существительных наиболее многочисленной является группа одушевлённых имен существительных, которые формируют историческую достоверность текста, обозначая людей по социальному (*саин* ‘господин’, *оруд* букв. ‘вошедший’, ‘чужой’, *нойон* ‘князь’ и др.), гендерному (*нойха* ‘девушка’, *кевюн* ‘мальчик’, *эмгн* ‘старуха’, *овгн* ‘старик’ и др.), родственному (*ээджи* ‘мать’, *худ кевюн* ‘сват’), религиозному признакам (*гелюнг* ‘буддийский священнослужитель’, *бакша* ‘настоятель монастыря’). Достоверность картины мира калмыков создается и через употребление слов, номинирующих представителей тогдашнего калмыцкого общества с точки зрения занятия: «*шинкарь* ‘человек, тайно занимающийся продажей водки’» [Амур-Санан 1987: 90], образа жизни: «*шивкчин* ‘оскорбительное унижительное обозначение для девочки, предназначенной быть публичной женщиной’» [Амур-Санан 1987: 28]. Заметим, что последние два слова не содержатся в современных словарях калмыцкого языка, возможно, являются диалектизмами.

В художественном тексте романа-хроники культурно значимой языковой единицей является словосочетание *сян кюн*, передающее авторский замысел и социокультурную реальность описываемой эпохи. Автор толкует смысл

словосочетания как «умный, образованный человек» [Амур-Санан 1987: 76]. В современном калмыцком языке «сән күн» значит ‘хороший, добрый человек’ [Муниев 1977: 445; Пюрбеев 2021: 90].

Морфологические особенности

В тексте калмыцкие имена существительные согласуются в роде, числе, падеже с соответствующими русскими словами, род нарицательного имени существительного определяется по конечному согласному, в соответствии с правилами русского языка. Если существительное заканчивается на гласный, присваивается I склонение (из *Кердеты*, в *Кердете*), на твердый согласный или гласный о, – II склонение (*жалкий оруд*, *свой модн*, *старый зайсанг*, *благородного зайсанга*, *в представители старого зайсангства*, *попечитель улуса*, *связь с родным улусом*, *принадлежала не родному улусу*, *сидящих под бараном*, *бедный хотон*, *соседний аймак*, *ни одного захудалого нойона*, *Цорос был занят* и т.п.). Вместе с тем склонение может определяться не по конечному звуку калмыцкого существительного, а по окончанию русского существительного, обозначающего родовое понятие (*делают так называемый «яслга»*, *большой и дорогостоящий яслга* – по существительному «обряд»).

Род имен существительных-антропонимов определяется исходя из биологического пола человека: *бедный Шатурэ*, *Лидже Великий*, *бедная Дельгир*. По полу же определяется род имени существительного *лама*: *добрый лама*.

Следует отметить, что таким именам-топонимам, как *Харахусы* и *Чоносы*, присваивается множественное число исходя из формы калмыцких этнонимов *харахс*, *чонс*, где *-с* – аффикс множественного числа (*пробирались через зловещие пустынные Харахусы*, *в Чоносах*).

В тексте использовано всего несколько прилагательных (*зайсангский*, *улусный*, *аймачный*, *орудский*, *гелюнгский*), мотивированных калмыцким именем существительным. Они являются гибридами, образованными от калмыцких корневых морфем с помощью русских словообразовательных элементов (*двор*

улусного управления, улусный быт изживался с большим трудом, порог гелюнгского дома и др.). Наиболее часто употребляется гибридное прилагательное *зайсангский* (она чувствовала себя в зайсангской среде чужой, мать троих зайсангских детей, эти разговоры зайсангских дочек, вырвать меня из зайсангских лап и т.п.).

Анализ показывает, что некоторые калмыцкие слова не адаптируются в русском тексте: употребляются всегда в одной и той же форме (*узнать у зурхаче, обратиться к зурхаче*). Другие слова употребляются в разных падежных формах (*пили араку, привозят с собой три меха араки, нужна арака; не было сян-кюна, сделаться сян-кюном; попечителю Большедербетского улуса, связь с родным улусом, принадлежала не родному улусу; ташач не понадобится, от ташача нет спасения* и т.д.), демонстрируя приспособление к грамматической системе русского языка.

Только пять калмыцких существительных в тексте употребляются в форме единственного и множественного числа, разных падежных формах (*родного мне аймака, с окрестными калмыцкими аймаками; бедный оруд, стоящими выше орудов; пойти к гелюнгу, заверить подпись гелюнга, гелюнги читают молитвы; в жены зайсангу, замуж за зайсанга, детей от зайсанга, говоря о зайсангах, охарактеризовать зайсангов, была охота зайсангам, ненавистных мне зайсангов, родной улус, калмыцкие улусы*), что свидетельствует об их адаптации в морфологической системе русского языка.

В тексте отмечено гибридное существительное *зайсангша*, образованное от калмыцкого имени *зайсанг* с помощью русского словообразовательного элемента. Оно употребляется в тексте в разных падежных формах, единственном и множественном числах (*как зайсангша, стала зайсангшей, кисейных зайсанги*). Кроме того, от имени *зайсанг* образовано собирательное существительное *зайсангство* (*среди зайсангства*). Как видим, калмыцкое существительное *зайсанг* иллюстрирует высокую степень адаптации в морфологической системе русского

языка: употребляется в единственном и множественном числах, разных падежных формах, образует отыменные существительные и прилагательное.

Такую же высокую степень ассимиляции в морфологической системе русского языка демонстрирует калмыцкое имя существительное *оруд*. Это слово употребляется в разных падежных формах (*горе-горькое безродному оруду, был орудом, поступить с орудом*), в формах единственного и множественного числа (*жалкий оруд; такие, как я, оруды; стоящими выше орудов*). От него образовано собирательное существительное (*не говорили о нашем орудстве, я не забывал своего многострадального детства, орудства*) и прилагательное (*печать на моей орудской жизни*). Это же можно сказать относительно имен существительных *аймак* и *улус*. Данные слова используются в разных падежах и числах (*в Цоросовском аймаке, учеников нашего аймака, по аймаку разносится слух, всех аймаков Большедербетского улуса; в южной части Эркетеновского улуса, связь с родным улусом, калмыцкие улусы*); образуют производные существительные со значением лица (*одноаймачники отца, сколько в то время было таких «улусистов»*) и прилагательные (*в здании аймачного Совета, улусные предрассудки, с точки зрения улусного благополучия, улусный быт изживался с трудом*).

Итак, в художественном тексте романа-хроники широко используются калмыцкие имена собственные для пространственной локализации текста. Отмечается влияние русского языка в системе номинаций лиц: используются русские модели обозначения и русские словообразовательные средства, что свидетельствует о калмыцко-русском языковом взаимодействии. Анализ показывает, что несмотря на частотность употребления, высокую степень ассимиляции в тексте, большинство калмыцких слов является экзотизмами, не вошло в русский язык. Исключение составляют те национальные слова, которые, будучи монголизмами (например, *улус, аймак, арака, хотон*), буддийской лексикой

(например, лама, гелюнг, далай-лама), широко известны русскоязычному читателю, вошли в русский язык [Толковый словарь иностранных слов онлайн].

Интерферентные особенности

В тексте романа-хроники отмечен случай интерференции родного языка. В примере «*Большая лицо*», – *пренебрежительно указал он на портреты Толстого и Короленко*» [Амур-Санан 1987: 81] фиксируется ошибка в согласовании имени прилагательного с именем существительным, обусловленная грамматическими особенностями калмыцкого языка, в котором нет категории рода, а согласование как вид синтаксической связи не используется. Думается, что данная фраза вложена автором в уста персонажа намеренно: ошибка иллюстрирует характерный для описываемого времени уровень владения русским языком калмыков.

Лексико-семантические особенности

Безэквивалентные единицы, использованные в данном художественном тексте, сигнализируют об отсутствии в русской лингвокультуре средств, которые могли бы передать этнические особенности лингвокультуры калмыков. При введении калмыцких языковых единиц автор прибегает к нескольким способам передачи их семантики. Во-первых, приводится русский эквивалент: «*ээджи* ‘мать’» [Амур-Санан 1987: 31], «*бакша* ‘настоятель монастыря’» [Амур-Санан 1987: 89] и т.д. Во-вторых, используется близкое по значению русское слово: *шурган* – буран или словосочетание: *модн* – пастушеская палка. В-третьих, поясняется реалия: «*арака* – водка, приготовленная из коровьего или кобыльего молока» [Амур-Санан 1987: 18]; «*чигян* – взболтанное кислое молоко» [Амур-Санан 1987: 26]; «*будан* – нечто среднее между супом и кашей, похлебка» [Амур-Санан 1987: 27] и т.п. В-четвертых, одновременно приводятся буквальный перевод и пояснение: «*сян-чикин*, букв. «хорошее ухо» – у калмыков-мужчин левое ухо считается привилегированным» [Амур-Санан 1987: 45]. В-пятых, даются комментарии, сноски (как правило, в низу соответствующей страницы или внутри

текста). Например, словосочетание *«рябая бумага»* в тексте сопровождается следующим пояснением автора: *«так калмыки называли всякий печатный лист»* [Амур-Санан 1987: 81]. *«Рябая бумага»* – это буквальный перевод калмыцкого словосочетания *«алг цаасн»*, не представленного в художественном тексте романа-хроники. Словосочетание *алык кевюн*, образованное на базе слова *алг* ‘пестрый’, в тексте сопровождается следующим комментарием автора: *«у меня синяки никогда не сходили с тела, и меня родичи в шутку называли “алык кевюн”, то есть пегий, пестрый мальчик»* [Амур-Санан 1987: 30]. Можно заключить, что использованные в тексте разные способы передачи значения иноязычных слов способствуют органичному включению национальных элементов в основной, русскоязычный текст повествования.

Анализ показывает, что в некоторых случаях семантика калмыцкого слова передается не совсем корректно: *«гелюнг ‘монах’»* [Амур-Санан 1987: 63] – *«‘буддийский монах’, ‘гелюнг’»* [Муниев 1977: 136], *«бе ‘знахарь’»* [Амур-Санан 1987: 33] – *«‘колдун’, ‘шаман’»* [Муниев 1977: 112], *«хотон ‘группа кибиток’»* [Амур-Санан 1987: 16] – *«‘хотон’, ‘село’, ‘деревня’»* [Муниев 1977: 601], *«аймак ‘поселение у калмыков’»* [Амур-Санан 1987: 24] – *«‘аймак’, ‘административная единица’»* [Пюрбеев 2021: 68], *«улус ‘административно-территориальная единица, соответствующая прежнему уезду’»* [Амур-Санан 1987: 39] – *«‘улус’»* [Муниев 1977: 532], *«‘административно-территориальная единица’»* [Пюрбеев 2022: 237], *«нойон, зайсанг ‘калмыки-дворяне’»* [Амур-Санан 1987: 45] – *«‘феодальный князь’»* [Муниев 1977: 380], *«‘представитель дворянского сословия’»* [Муниев 1977: 244], *«саин ‘господин’»* [Амур-Санан 1987: 36] – в современных словарях это значение не фиксируется, *«бюре-бюшкюр ‘обломанная труба’»* [Амур-Санан 1987: 138] – *«‘фанфара’»* [Муниев 1977: 132]), *«домбра ‘музыкальный, вроде балалайки, инструмент с двумя струнами’»* [Амур-Санан 1987: 24] – *«‘домбра’, ‘балалайка’»* [Муниев 1977: 206], *«даркэ ‘матерь божья’»* [Амур-Санан 1987: 44] – *«‘междометие о, боже’»* [Муниев 1977: 190]. В отдельных случаях дается

буквальный перевод: «*хар эркин кевюн* ‘черного отца сын’» [Амур-Санан 1987: 45] – вместо ‘сын простолоудина’.

Итак, в тексте «семантика национальных единиц раскрывается через пояснения, комментарии, сноски, буквальный и описательный переводы, лексический эквивалент» [Есенова 2023: 129]. Это способствует адекватному пониманию русскоязычным читателем картины мира калмыков рубежа XIX – XX вв., самобытная духовная и материальная культура которых формировалась в специфических условиях, под влиянием особой географической и климатической среды, скотоводческого вида занятия, кочевого образа жизни.

Паремия

Чтобы адаптировать национальные устойчивые выражения в русском тексте, автор прибегает к пояснениям (*говорят калмыки, в народе говорят, старые калмыки считают, по калмыцким понятиям, калмыцкая поговорка говорит, сложилась калмыцкая поговорка, калмыки любят говорить, калмыцкая поговорка гласит, говорит народная мудрость калмыков* и т.д.), которые помогают русскоязычному читателю органично войти в мир калмыцкой культуры, систему ценностей народа.

Среди средств репрезентации картины мира калмыков в рассматриваемом русскоязычном художественном тексте важное место занимают пословицы и поговорки, которые обращают внимание читателей на особенности поведения, миропонимания, аксиологии калмыков. Так, поговорка «*уши даны, чтобы слышать, а глаза – чтобы видеть*» [Амур-Санан 1987: 32] отражает характер коммуникации калмыков: «*довольно хоть кому-нибудь одному заикнуться о факте, как слух о нем разнесется с молниеносной быстротой*» [Амур-Санан 1987: 32]. Противопоставление «свой-чужой», важное для миропонимания калмыков, представлено в пословице «*своя кость горяча*». В ней находят отражение родоплеменные устои калмыков: люди, принадлежащие одной кости (роду), пользуются поддержкой родственников и их защитой.

Пословица *«на чужой стороне ломай ребра»* [Амур-Санан 1987: 180] иллюстрирует отношение калмыков к краже скота: *«Охотники-калмыки на степных просторах выслеживают как чужих зайцев, так и чужой скот. Тут ничего безнравственного, с его и с точки зрения всех его родичей, нет»* [Амур-Санан 1987: 180-181]. Это же отражает пословица *«хорошего человека плохой человек ненавидит, а лунную ночь конокрад ненавидит»* [Амур-Санан 1987: 182]. Автор поясняет пословицу следующим образом: калмыки считают, что угонять скот у своих нельзя, а у чужих – можно, это удальство, признак молодечества, а не преступление.

Поговорка *«сян-кюн санагар ‘хороший человек приходит вовремя’»* [Амур-Санан 1987: 40], передает существующее в калмыцком языковом сообществе представление об уместности / неуместности, своевременности / несвоевременности того или иного явления. В контексте данного текста – о своевременности появления человека, от которого ждали помощи. Данная поговорка весьма часто употребляется и в современной речи калмыков, например, когда тот или иной человек приходит к накрытому столу, свежеваренному чаю.

Посвященные нойону пословицы *«нойон ноха хойр адле ‘что князь, что собака – совесть одна’»* [Амур-Санан 1987: 46], *«нойн хярльтэн, нойн зэрге хярльтэн ‘князь помилует, суд помилует’»* [Амур-Санан 1987: 142] отражают негативное отношение писателя-большевика к богачам и его точку зрения на статус нойонов в калмыцком обществе.

Философским смыслом наполнена пословица *«умершего не вернуть, живого береги»* [Амур-Санан 1987: 85], которая отражает представление калмыков о ценности жизни, сформированное под влиянием буддизма.

Анализ показывает, что калмыцкие пословицы и поговорки по-разному вводятся в русскоязычный текст: некоторые даются в русском переводе (*«на чужой стороне ломай ребра»*, *«своя кость горяча»* и др.), другие приводятся на калмыцком языке с параллельным переводом на русский язык (*«нойн хярльтэн,*

нойн зэрге хярльтэн 'князь помилует, суд помилует'», «нойон ноха хойр адле 'что князь, что собака – совесть одна'»). Ввод калмыцкого оригинала в русский текст, по нашему мнению, объясняется стремлением автора передать заложенную в этих единицах экспрессию.

Таким образом, культурно значимые языковые единицы в художественном дискурсе романа-хроники «Мудрешкин сын» способствуют адекватному пониманию русскоязычным читателем картины мира калмыков рубежа XIX – XX вв. Среди них калмыцкие топонимы и антропонимы, которые пространственно локализуют художественный текст в рамках Калмыкии. Этому же способствуют и национальные имена существительные-реалемы, обозначающие связанные с калмыками и их миром понятия. Калмыцкие пословицы и поговорки знакомят русскоязычного читателя с незнакомой для него калмыцкой кочевой культурой, выполняют лингвокультурологическую функцию. Калмыцкие языковые единицы не нарушают графическое, семантическое, грамматическое единство русскоязычного текста.

1.3. Лексические и синтаксические выразительные средства формирования картины мира калмыков в тексте романа-хроники «Мудрешкин сын»

Писатель-билингв А.М. Амур-Санан, используя средства русской и калмыцкой лингвокультур, создал глубоко национальный художественный текст с ярко выраженной этнической спецификой, которая определяется обращенностью к самобытному миру калмыков-кочевников, культура которых формировалась под влиянием степной природы, буддийского вероисповедания, скотоводческого типа хозяйственной деятельности и кочевого образа жизни. Основным языком повествования в рассматриваемом художественном тексте является русский язык, при этом картина мира калмыков передается средствами двух языков.

Анализ показывает, что в художественном тексте романа-хроники этническая картина мира калмыков создается в первую очередь благодаря использованию безэквивалентной лексики, имен собственных, пословиц, поговорок, наименований обычаев и традиций калмыков. Кроме того, национальная картина мира калмыков в тексте создается благодаря употреблению русской лексики, тематически связанной со скотоводческим видом деятельности, кочевым образом жизни, степной природой, а также с внутренним миром и переживаниями героев. Остановимся на этом более подробно.

Лексика первой части романа-хроники, повествующей о традиционной жизни народа в естественной среде обитания, номинирует предметный мир калмыков, культуру, природу, поскольку русскоязычный читатель должен познакомиться с самобытной картиной мира номадов. Для этого автор вводит в текст имена существительные, связанные с занятием калмыков, средой их обитания, например: *кибитка, кочевье, телега, аркан, кошма, войлок, колодец, пастбище, водопой* и др. Кочевое жилище кочевника описывается следующим образом: «...закоптелая, убогая кибитка, со множеством прорех в кошме. В прорехи со свистом дул холодный ветер, пороша мелким снегом-заметухой. В кибитке было почти так же холодно и неудобно, как и под открытым небом» [Амур-Санан 1987: 168].

В такой же кибитке бедняка родился и сам рассказчик: «*Невольно вспомнилось мне мое горемычное прошлое, мое скорбное детство: такая же убогая кибитка, моя бедная плачущая мать, вечно обижаемый и вечно обижающий свою семью, всегда горько пьяный отец. Мои маленькие, забитые, запуганные насмерть, как звереныши, сестры*» [Амур-Санан 1987: 168].

Образ бедняцкой кибитки создается благодаря словам с субъективной эмоциональной оценкой (*закоптелая, убогая, множество прорех, холодно и неудобно, холодный*). Образ родных создают слова, так же содержащие субъективную эмоциональную оценку (*бедная, плачущая, вечно обижаемый и*

вечно обижающий, горько пьяный, забитые, запуганные насмерть, как звереныши). При описании внутреннего убранства кочевой кибитки оправданно используются калмыцкие имена существительные, обозначающие отсутствующие в русской культуре реалии (*укюг* ‘посудный шкаф, ларь’, *баран* ‘скарб, имущество’, *терме* ‘решетка кибитки’ и др.).

Для обозначения кочевого образа жизни калмыков в тексте используются глаголы *зимовать, летовать, кочевать*. Разнообразная глагольная лексика употребляется для обозначения занятий калмыков, связанных со скотоводством: *пасти, скакать, ехать, мчаться (верхом), сесть на лошадь, лететь (быстрее ветра), поить (скот), рыть (колодец), валять (кошму), гнать (коров на водопой), собирать (аргсн ‘кизяк’)* и др. В тексте употребляются разные обозначения людей, занятых скотоводством (*наездник, всадник, верховой, ямщик, пастух, чабан*). Использование в тексте таких номинаций, как *конокрад, скотокрад*, объясняется тем, что в описываемый период времени скотокрадство было распространено среди калмыков и не воспринималось как противоправное занятие.

Картина мира калмыков в тексте воссоздается через разнообразную лексику русского языка, связанную с основным занятием калмыков – скотоводством. Так, используются имена существительные, обозначающие виды скота, которые традиционно разводят калмыки: *рогатый скот, лошадь, верблюд, овца, конь, корова*. Употребляются имена, обозначающие животных с точки зрения пола (*кобыла, телка, мерин, бык, вол, баран*), возраста (*жеребенок, теленок*), количества (*стадо, отара*). Встречаются обозначения, которые детализируют животных с точки зрения внешнего вида (*гнедой красавец, вороной, кляча, скаковые лошади* и т.п.). Используются имена, называющие части тела животных: *грива, копыта, шкура, морда, хвост, холка, горб* и др. Отмечены слова и словосочетания, характеризующие действия животных: *подняться на дыбы, закусить удила, нестись рысцой, бешено захрапеть, рвать поводья, шарахнуться в сторону, рваться в сторону, убежать в сторону, сорваться, чуют, мирно пастишь* и др.

Широко представлены имена существительные, обозначающие предметы скотоводства: *седло, поводья, нагайка, плеть, удила, стремяна, аркан, сбруя, хомут, вожжи, войлок, дышло, коновязь* и др., а также средства передвижения (*телега, мажара, подвода*) и загоны для скота (*конюшня*). Встречаются существительные, обозначающие продукты жизнедеятельности животных: *навоз, кизяк, аргсн* ‘кизяк, помет’; продукты питания, получаемые от животных: *молоко, мясо, конина, баранина* и др.

Таким образом, русские слова, использованные в тексте романа-хроники, создают реалистическую картину мира калмыков, детально обозначая все элементы, формирующие представления о занятиях калмыков-скотоводов, их жизни.

Картина мира калмыков в тексте романа-хроники создается и через описание природной среды. Для того чтобы познакомить читателей с природой, в окружении которой живут калмыки, автор употребляет имена существительные, обозначающие характерные для степной зоны понятия: *степь, горизонт, балка, курган, холм, купол (неба), песок, колодец, солончак, диск (солнца), подножный корм* и др. Разнообразна лексика, номинирующая погоду калмыцкой степи: *метель, пурга, буран, метелить, снег, заметуха* – с одной стороны, и *суховей, зной, жара, жажда, засуха, ветер* – с другой.

С большой любовью автор описывает чарующую красоту весенней степи, для чего употребляет прилагательные (*пряный, прозрачный, светло-голубой, пунцовый, золотистый, синеокий, нежный, бесконечный, влажный, мелодичный* и т.д.), наречия (*высоко, переливчато* и др.), глаголы (*краснели, желтели, смешивались, разливались, звенели* и др.). Неповторимую картину весенней степи создают существительные, обозначающие флору (*зелень, лепестки цветов, тюльпаны, петушки ирисов* и др.), фауну (*тушканчики*), насекомых (*кузнечики, бабочки*), птиц (*жаворонки, орел*) степи. Конкретизируют красоту степи в этот сезон

существительные, обозначающие ее характеристики (*аромат, стрекотанье, звон, щебетанье, нежный цвет* и др.).

Для обозначения картины степи в ненастье автор употребляет существительные *ветер, слякоть, снег, холод, дождь* и т.д. Обозначающие признаки прилагательные *резкий, холодный, пасмурный, мокрый, голый, бурый, безотрадный* и др. создают картину хмурой осени. Автор тщательно подбирает слова и выражения для описания картины изнуряющего зноя летней степи (*жажда, растрескавшаяся земля, засуха, пожухшая трава* и др.) или продирающего до костей холода буранной степи (*морозный день, бушевала злая метель, сильный мороз, глубокий, скрипящий снег, жестокие снежные бураны, метели, злая погода* и др.).

Как показывает анализ, основными единицами, обозначающими среду обитания, образ жизни, занятия, материальную культуру калмыков являются имена существительные с конкретным значением, имена прилагательные, обозначающие отличительные признаки называемых объектов, глаголы, передающие характерные действия. С этой целью используются и национальные слова (*терме, укюг, баран* и т.д.).

Большое внимание в первой части романа-хроники уделяется описанию внутреннего мира, переживаний, мыслей, настроений героев, в первую очередь рассказчика. Его чувства, которые типичны для всех бедняков, передаются именами существительными-эмотивами (*горе, обида, страх, боязнь, ужас* и др.), существительными с абстрактным значением (*ненависть, несправедливость, огорчение* и др.). Тяжелое положение бедняков передается через существительные *побои, угрозы, кулаки, тумаки, синяки, ушибы*; глаголы *ругать, оскорблять, унижать, обижать, пробить (голову), бить, угрожать, тиранить, издеваться* и др. Существенную роль в создании эмоциональной составляющей текста играют фрагменты, описывающие чувства и переживания героя. Например: «С раннего детства не по-детски осмысленно, но по-детски впечатлительно анализировал я

эти отношения и мучительно переживал их. Было горько, обидно за все поношения, за все издевательства, которым подвергалась наша семья» [Амур-Санан 1987: 28].

Многочисленные текстовые фрагменты позволяют оценить эмоциональные переживания героя. Например: *«...я все время видел дикие, отвратительные картины: то бьют моего отца, то отец бьет меня или мать. Сколько раз пьяные, озверелые родичи называли отца «оруд ноха» – чужая собака» [Амур-Санан 1987: 18].*

Употребляя слова с негативной коннотацией (*дикие, отвратительные, озверелые, собака* и др.), автор дает свою оценку порядкам, которые существовали среди калмыков того времени. Морально-психологическую обстановку, в которой жили калмыки в тот период времени, создают многочисленные контексты, в которых описываются негативные поступки людей. Например: *«...отец и Бадгэ угнали пару огромных волов у русского хуторянина. Он "заработал" на этом деле на шею рублей двадцать, если не больше. При нашей бедности это было несчастьем, разорением» [Амур-Санан 1987: 184-185]; «Индалук так же, как отец, ссыпал чужой хлеб и, получив на руки пять рублей, запьянствовал» [Амур-Санан 1987: 185-186].*

Автор, описывая жизнь бедняков в обстановке унижений и издевательств, сообщает, что он *«задыхался в атмосфере морального и материального гнета и, за отсутствием другого способа критики, кулаком и палкой реагировал на позорные антиобщественные явления» [Амур-Санан 1987: 186-187].*

Разнообразна лексика, называющая бедных, среди которой средства русского (*сирота, вдова, бедняк*) и калмыцкого языков (*«оруд – в буквальном переводе значит «вошедший», т.е. «чужой» [Амур-Санан 1987: 17], «хар яси – черная кость» [Амур-Санан 1987: 45]). Кроме того, встречаются собирательные существительные, например: беднота, простолюдье, батрачество.*

Положение калмычки, вышедшей замуж за пьяницу-оруда, обозначают слова *избитая, истерзанная (горем), ни в чем не повинная, измученная* и др., которые рисуют портрет бесправной, покорной, униженной женщины того времени. Например: «*Я побежал искать мать и наконец нашел ее, всю избитую, в слезах...*» [Амур-Санан 1987: 27]; «*Отец довольно спокойно отнесся к пропаже сына и только лишний раз побил ни в чем не повинную, истерзанную горем мать... измученная, продрогшая, она (мать) вернулась домой*» [Амур-Санан 1987: 42].

В тексте романа-хроники среди лексики, обозначающей богатых, отмечены русские (*привилегированный класс, богач, богатеи, князь, аристократ, дворяне* и т.д.) и калмыцкие (*нойон, зайсанг* ‘представители дворянского сословия’, *цаган ясн* ‘белая кость – богатые, знать’ и т.п.) существительные, в том числе собирательные (*зайсангство, нойонство* и др.). Например: «*Князь Гахаев был типичным представителем калмыцкого нойонства, до 1892 года имел своих крепостных. Калмыки-дворяне (нойоны и зайсанги) – цаган ясн – были типичными рабовладельцами... Отношение привилегированного класса к “черной кости” было сплошным насилием*» [Амур-Санан 1987: 45]; «*...старались отвоевать калмыцкое население от влияния на него нашего зайсангства – богатых владельцев крупных земельных участков*» [Амур-Санан 1987: 106].

В романе-хронике передается однозначно негативное отношение автора к угнетателям бедняков, для чего используются оценочная лексика (*самодур, драчун, охочий до чужих жен, мстительный* и т.п.); глаголы, передающие характерные действия: *избил (ни в чем не виновных работников), затаил злобу, сорвал шапку, угрожал, ударил (кулаком, палкой)* и др. Свое отношение к представителям калмыцкой знати автор передает через слова-квалификаторы с отрицательной оценкой (*упырь, мироед, сволочь, туineaдец, паразит, кровосос* и т. д.). Например: «*А богатые просвещенные калмыки являлись паразитами, туineaдцами, питавшимися соками своего народа*» [Амур-Санан 1987: 82-83]; «*Сколько бездельников, пропойц, зубоскалов, воров и мошенников – людей, способных с*

величайшим усердием показать вид общественно-полезных работников, но по существу своему глубоко антиобщественных, вредных!» [Амур-Санан 1987: 188].

Отметим, что слова-квалификаторы с негативной оценкой редко употребляются во второй части романа-хроники, отмечено лишь несколько слов (*проходимцы, прихвостни, кулак-кровосос, богач-мироед, угнетатель*). Например: «*Этим положением мы всецело обязаны нашим нойонам, зайсангам и их прихвостням*» [Амур-Санан 1987: 124]; «*За этими проходимцами шли широкие массы...*» [Амур-Санан 1987: 111]; «*...начали жаловаться на местного кулака-кровососа Чимидова*» [Амур-Санан 1987: 169]; «*...на съезде не было ни одного...богача-мироеда, ни одного угнетателя-попечителя*» [Амур-Санан 1987: 171].

Во второй части романа-хроники рассказывается о тех грандиозных переменах, которые произошли в жизни Антона и всех калмыков на рубеже XIX – XX вв., событиях, в которых непосредственное участие принимал автор. Изменение традиционной жизни калмыков, установление нового миропорядка, связанного с общественно-политическими изменениями начала XX в., тоже является частью той картины мира, которая была характерна для калмыцкого общества на рубеже XIX и XX вв. и которая нашла отражение в художественном тексте романа-хроники. В связи с этим интерес представляет лексический состав данного раздела текста. На смену лексики, связанной с материальным и духовным миром калмыков, приходит лексика из общественно-политической, административной, военной, идеологической сфер.

Для передачи происходящих преобразований в жизни народа автор использует общественно-политическую лексику и словосочетания: *революция, гражданская война, советы, земельная реформа, власть трудового народа, общественный интерес* и т.д. На смену существительным с конкретно-предметным значением, встречающимся в первой части романа-хроники, пришли существительные с абстрактным значением из общественно-политической сферы

(демократия, солидарность, влияние, ненависть, антагонизм, борьба и т. д.). В этом разделе романа активно используются «советизмы» (советы, всесоюзный староста, комиссар и др.) и сложносокращенные слова-советизмы (совнархоз, комбриг, ликбез, колхоз, совхоз, исполком, губчека, губисполком, Реввоенсовет, завполит, Наркомнац и т. д.), аббревиатуры (РКП (б), ЦК). Весьма часто в тексте употребляются слова и устойчивые обороты, характерные для описываемой эпохи. Это номинации организаций (Красная армия, Коминтерн, Совет Народных Комиссаров, Политбюро ЦК РКП (б), Совет рабочих и солдатских депутатов, Временное правительство, Совет трудового калмыцкого народа и т.п.), мероприятий (II конгресс Коминтерна, III Коммунистический Интернационал, Всероссийский съезд советов), города (Петроград), должности (Председатель совета народных комиссаров), гимнов («Интернационал», «Марсельеза»), документов («Обращение Совета Народных Комиссаров к калмыцкому трудовому народу»), а также имена исторических деятелей эпохи (В. Ульянов (Ленин), Сталин, Буденный, Городовиков, Деникин, Юденич, М.И. Калинин). Помимо того, частотны устойчивые сочетания слов-идеологем, характерные для советского периода истории: *классовые и национальные противоречия, Октябрьская революция, классовая борьба, классовая ненависть, борцы революции, последний решительный бой* и др. В многочисленных текстовых фрагментах воссоздается атмосфера эпохи. Например: *«Все слилось в один запутанный клубок классовых и национальных противоречий, причем на разжигании последних старались поживиться вместе с царскими чиновниками-колонизаторами как калмыцкие богатеи-зайсанги, так и русские кулаки ... в обстановке острой классовой борьбы, сложных национальных противоречий...застала нас Октябрьская революция»* [Амур-Санан 1987: 106-107]; *«...вдувая в них пламя классовой ненависти к угнетателям, Кануков выковал железных героев и беззаветных борцов за революцию»* [Амур-Санан 1987: 159]; *«впервые в калмыцких степях «Интернационал» зазвучал понятным и близким,*

родным могучим призывом к последнему решительному бою» [Амур-Санан 1987: 171].

В этом ряду находятся слова-квалификаторы эпохи: с одной стороны, *враг, бездельник, туняедец, грабитель, угнетатель*; с другой – *великий вождь, товарищ, брат, железный солдат революции* и т. п. Например: *«...калмыки выдвинули из своей среды одного из славнейших героев гражданской войны и красных командиров всемирно известной Первой Конной армии – железного солдата революции товарища Оку Городовикова ... Они разогнали туняедаствующих бездельников, взяли полк в свои руки, одели, обули голодных и оборванных красноармейцев, воспитали военно-политически и бросили на врагов Советского государства» [Амур-Санан 1987: 161]; «Товарищи, братья! Теперь настало время, когда вы можете приступить к организации настоящей священной войны против грабителей и угнетателей» [Амур-Санан 1987: 172].*

В тексте частотны клишированные выражения, характерные для «советского слога»: *мировая революция, борьба с контрреволюцией, великое социалистическое строительство, трудящиеся массы под руководством партии большевиков и рабочего класса идут к коммунизму, строительство светлого будущего* и т. д. Вторая часть романа-хроники изобилует «советской риторикой». Например: *«Сквозь все лишения рабочий класс во главе со своей партией, в союзе с крестьянством отражал врага...Ленин – глашатай величайшей на земле справедливости, самый честный, самый бескорыстный и мужественный защитник угнетенных миллионов людей» [Амур-Санан 1987: 137]; «Речь Ленина...была началом великого перелома в победоносной борьбе российского пролетариата с отечественной и иноземной контрреволюцией» [Амур-Санан 1987: 139]; «...трудящиеся массы Калмыкии под руководством партии большевиков и рабочего класса идут к коммунизму» [Амур-Санан 1987: 202]; «Вместе с вождями партии...вершили дело мировой революции» [Амур-Санан 1987: 127].*

Если о социалистических переменам автор пишет с большим воодушевлением, что передают слова с положительной оценкой (*грандиозный скачок, светлое будущее, новая жизнь, возрождение трудовой Калмыкии* и т.д.), то при описании поведения противников перемен автор использует слова с негативной окраской: *половить рыбку в мутной воде, гнули преступную линию, пользовалась худой славой, стереть в порошок* и т. п. Совершенно однозначно отрицательно оценивает автор калмыцкую знать, употребляя для этого слова с отрицательной коннотацией (*зайсангские проделки, кучка богатеев, туняядцы, шайка вооруженных грабителей* и т. д.). Негативно оценивает автор пережитки родовизма: «*Родовой быт ... Он мертвец. Но этот мертвец, как упырь, как вурдалак, выходит из своей могилы и пьет живую кровь народа*» [Амур-Санан 1987: 32].

Таким образом, выявляется резкий контраст: положительно окрашиваются происходящие социалистические перемены, отрицательно – все, что связано с прошлым, авторское негативное отношение передается через оценочную лексику, коннотативные оценочные значения.

Так как во второй части произведения заметное место занимает изложение участия калмыков в гражданской войне, борьбы с бандитизмом в калмыцких степях, здесь широко представлена военная лексика: *пулемет, наган, кобура, винтовка, маузер, штык, пули, сабля, конница, шашка, кавалерийская дивизия, тачанка, пулемет* и т. д. Кроме того, встречаются устойчивые обороты речи из военно-административной сферы: *производится в кавалеристы, представляется к званию, ведение военных операций* и т. п.

Перемены в жизни калмыков передаются не только через общественно-политическую, идеологическую лексику, но и слова, обозначающие новые занятия калмыков. На смену лексики скотоводства приходит лексика земледелия (*сенокосилки, грабли, жнейки, молотилки, сепаратор* и т.п.), промышленности (*слесарные, кузнечные, литейные мастерские, рыбный и мясной промысел,*

железные дороги, судостроение и т. д.). «На протяжении романа наблюдается изменение состава слов, называющих воинские звания. Если в первой части романа-хроники это такие номинации, как *есаул, хорунжий, вахмистр, унтер-офицер, атаман* и т.п., которые обозначают звания и должности военных царской России, то во второй части – это *командир, комбриг, комиссар, начдив* и т.п., обозначающие воинские звания и должности советских военных» [Есенова 2021b: 115].

Анализ показывает, что тщательно подобранный лексический состав создает реалистическую картину описываемого исторического времени. При этом автор совершенно однозначно обозначает свои симпатии, употребляя слова с положительной оценкой при изложении перемен, связанных с социализмом, с негативной оценкой – при описании пережитков родового строя.

Таким образом, в художественном тексте романа-хроники разнообразные средства русского языка из разных сфер, калмыцкие слова и выражения создают картину мира калмыков: традиционную кочевую жизнь скотоводов, отношения между членами калмыцкого общества того времени, а также ломку старых родовых устоев и установление нового миропорядка. Соответственно, в первой части романа-хроники частотны номинации элементов материального и духовного мира калмыков, природной среды, чувств и переживаний рассказчика, во второй части доминируют общественно-политическая, административная, военная лексика, а также слова и устойчивые выражения, характерные для «советского слога», редко употребляются национальные единицы.

Рассмотрим выразительные средства романа-хроники. Анализ показывает, что выразительные средства русского языка используются «при описании картин степной природы, для характеристики персонажей, происходящих событий, а также для передачи переживаемых чувств, эмоциональной оценки поступков, поведения героев, пережитков родового строя. Особенно часто автор прибегает к разнообразным лексическим средствам» [Есенова 2021a: 26]. Из числа лексических

выразительных средств часто используются контекстуальные синонимы (*тихо и бессильно мычала* – о корове; *милый, хороший, добрый, умный* – о сян-кюне ‘хорошем человеке’; *обе сироты, обе презираемые, обе несчастные* – о матери и Ботохэ). К лексическим повторам автор прибегает для эмоционально-экспрессивной оценки ситуации, например: *дорога все хуже и хуже, путь все труднее и труднее* – о переходе в осеннюю распутицу. Антонимы используются для контрастной оценки субъектов, происходящих событий. Например, для характеристики Мудре автор использует антонимические пары: «*трезвый, в здоровом уме, он тиранил нас, а пьяный истязал безумно*» [Амур-Санан 1987: 203-204].

Большой выразительной силой обладают цепочки однородных членов, которые довольно часто употребляются в романе-хронике. При этом благодаря градации передаваемое значение усиливается с каждым последующим элементом. Эти лексические средства выразительности используются для усиления воздействующей силы той или иной эмоции: «*отец бил меня, мать, сестер так, как бил нашу рыжую кобылу, безрогую корову и старую собаку*» [Амур-Санан 1987: 25]. Чаще всего эти средства встречаются в тех контекстах, в которых рассказывается о тяжелом положении бедняков. Например, положение женщины-калмычки характеризует цепочка однородных членов, выраженных глаголами: «*она делает все: стряпает, стирает, обшивает семью, доит и поит коров*» [Амур-Санан 1987: 62]. Сообщая о соблюдении замужней калмычкой обычая почитания родственников мужа, автор перечисляет всех тех, по отношению к которым он соблюдается: «*сюда входят отец и мать мужа, все деды, прадеды и вообще все дяди, тети, старшие братья, их жены, сестры и их мужья*» [Амур-Санан 1987: 62]. Использованный автором лексический прием усиливает складывающееся представление о бесправном положении замужней женщины: «*смотря по степени провинности молодайки, приносятся в жертву духам халаты, деньги, бараны, даже лошади и коровы*» [Амур-Санан 1987: 63].

В некоторых случаях автор комбинирует средства выразительности в пределах одного и того же отрезка текста. Например, использует одновременно и лексический повтор, и контекстуальные синонимы: *«только потому что она – детище родового общества, детище бедности и нужды»* [Амур-Санан 1987: 62]. Это могут быть не только лексический повтор и контекстуальные синонимы, но и ряды однородных членов, например: *«такая же убогая кибитка, моя бедная плачущая мать, вечно обижаемый и вечно обижающий свою семью, всегда горько пьяный отец»* [Амур-Санан 1987: 168]. Могут использоваться, помимо этих средств выразительности, сравнения, например: *«мои маленькие, забитые, запуганные насмерть, как звереныши, сестры»* [Амур-Санан 1987: 168]. Рассмотренные выше лексические средства выразительности используются для воздействия на эмоциональную сферу читателя, создания определенного настроения.

В романе-хронике, помимо лексических, используются самые разные синтаксические средства выразительности. Риторические вопросы характерны для тех эпизодов, в которых говорится о тяжелом положении рассказчика, его переживаниях. Такие вопросы в самые трудные моменты жизни задает самому себе рассказчик: *«А что тогда станет с нами – со мной, с бабушкой Алдэ, с отцом? Что было делать?»* [Амур-Санан 1987: 19]. Подобные вопросы имеют большую воздействующую силу, оказывают влияние на восприятие читателем контекста, вызывают сочувствие.

Анализ показывает, что риторические вопросы в романе-хронике используются реже, чем риторические восклицания. Эти средства выразительного синтаксиса передают всю глубину переживаемых героем эмоций, например: *«И хоть бы раз дал этому сыну леденец, хоть бы раз приласкал его! Никогда! И как же тот был ему благодарен!»* [Амур-Санан 1987: 30]. С помощью восклицательных конструкций рассказчик дает свою отрицательную оценку отцу, горькому пропойце и дебоширу. Следующее риторическое восклицание адресовано родовым пережиткам, с которыми боролся писатель. Его негативная

оценка имеет яркую эмоциональную окраску, которая передается и через оценочную лексику. Например: *«Проклятый обычай проклятого родового быта, отжившего, но живучего и мешающего жить новым поколениям!»* [Амур-Санан 1987: 66]; *«Сколько было тут вывернутых наизнанку, до неузнаваемости, под цвет и тон революционного времени, индалуков!»* [Амур-Санан 1987: 188]. В данных примерах отмечено сочетание нескольких средств выразительности: риторическое восклицание, лексический повтор, однородные члены, антонимы. Эти средства используются автором для реализации прагматической цели: оказать воздействие на читателя, изменить под воздействием сообщаемой информации его мировосприятие.

Синтаксические средства выразительности могут создавать определенный эмоциональный контекст, передавая чувства любви, нежности по отношению к двум самым дорогим для рассказчика существам. Риторические восклицания адресуются матери: *«Так безгранична любовь матери!»* [Амур-Санан 1987: 170] и бабушке Алдэ: *«Сколько прекрасных сказок она мне рассказала!»* [Амур-Санан 1987: 21].

Особой эмоциональной силой наделяются конструкции с прямой речью. Глубокое эмоциональное воздействие на читателя оказывают конструкции, передающие речь маленького мальчика: *«Сколько раз я плакал и думал: “Неужели никогда не придет сян-кюн и не скажет, что так жить нельзя и не заступится за нас?”»* [Амур-Санан 1987: 33]. Прямая речь может передавать всю глубину переживаемых рассказчиком чувств: *«Как бы хорошо мне надеть такой мундир, учиться и узнать все, – мечтал я»* [Амур-Санан 1987: 33].

В романе-хронике определенную эмоционально-оценочную функцию реализуют вставные конструкции: *«Я купил три ведра водки – будь она проклята! – и посещение сестры состоялось»* [Амур-Санан 1987: 66]. Негативная оценка такому злу, как пьянство, дается автором и при характеристике поведения калмыков-мужчин, которые обычно ходят по кибиткам в поисках выпивки.

Вопросно-ответные конструкции, которые отмечены в пространстве романа-хроники, являются средством передачи раздумий рассказчика, его сомнений. Адресованные самому себе вопросы выражают переживания рассказчика, его обеспокоенность своим будущим. Ответ, который он дает на поставленный вопрос, говорит о том, что путь выбран: *«Значит, недостаточно вырасти, чтобы стать сян-кюном. Для этого надо что-то еще. Что же? Вероятно, надо учиться»* [Амур-Санан 1987: 33].

Такое средство синтаксической выразительности, как назывные предложения, употребляется в романе-хронике реже, чем рассмотренные выше конструкции. Как показывает анализ, номинативные предложения автор употребляет в особо значимых эпизодах. Так, назывной конструкцией *«Группа кибиток»* начинается рассказ о Бадгэ.

Нельзя не отметить и такое выразительное средство, как синтаксически однородные конструкции, которые не редко используются в романе-хронике. В примере *«Мои маленькие, забитые, запуганные насмерть, как звереныши, сестры. Хромая, вечно голодная рыжая кобыла. Худые от недоедания коровы... Всегда голодная, с опаленной шерстью на боках, старая, но верная собака...»* [Амур-Санан 1987: 168] синтаксически однородные конструкции усиливают воздействующую силу назывных предложений. Можно еще раз отметить, что автор комбинирует несколько средств выразительности в пределах одного контекста для усиления воздействующей силы сообщаемой информации.

Определенный налет разговорности, непосредственности вносят в художественный текст парцеллированные конструкции, которые являются выразительным средством разговорного синтаксиса. На наш взгляд, парцелляции (*«Я же ходил голодный и оборванный. Главное – голодный»*; *«И хоть бы раз он дал этому сыну леденец, хоть бы раз приласкал его. Никогда!»* [Амур-Санан 1987: 30]; *«И тут впечатлительный ребенок искал вместо своего родственника чужого. Чужого, но хорошего человека – сян-кюна»* [Амур-Санан 1987: 33]) в

художественном дискурсе романа-хроники уместны. Не нарушая стилистическое единство контекста, они сигнализируют об эмоциональном состоянии рассказчика, реализуют прагматическую функцию, воздействуя на мироощущение читателя.

Таким образом, можно заключить, что в художественном дискурсе романа-хроники «Мудрешкин сын» широко используются разнообразные лексические и синтаксические выразительные средства. Синонимы, антонимы, лексические повторы, ряды однородных членов, парцелляции, риторические вопросы и восклицания, номинативные предложения, вопросно-ответные конструкции, синтаксически однородные конструкции создают эмоциональный фон художественного дискурса, воздействуют на когнитивную и эмоциональную сферы читателя.

1.4. Эмотивно-прагматические характеристики текста романа-хроники «Мудрешкин сын» как средство репрезентации национальной картины мира калмыков

Эмоциональный фон художественного дискурса является одним из аспектов, важных для понимания содержания текста романа-хроники «Мудрешкин сын», поскольку «в художественном тексте, созданном писателем-билингвом, особая роль отводится экспрессивности и эмотивности» [Басте 2021: 6]. Так как роман-хроника написан на русском языке, нас интересует передача эмоций, переживаемых персонажами произведения, а также автором-билингвом, через средства русского языка.

Прежде всего следует отметить, что эмоциональная сфера человека имеет большую и богатую историю изучения. Она плодотворно исследуется в психологии, физиологии, педагогике и других науках, как в теоретическом, так и практическом аспектах. Можно отметить работы известных ученых, которые дали определение понятия, провели классификацию эмоций, описали их характеристики

[Экман 2010; Изард 1980, 2000; 2006; Рубинштейн 2012; Izard, Kagan, Zajonc 1984]. О значимости эмоций свидетельствует тот факт, что известные психологи Дж. Мэйер и П. Сэловей предложили понятие «эмоциональный интеллект» – «способность воспринимать и понимать проявления личности, выражаемые в эмоциях, управлять эмоциями на основе интеллектуальных процессов» [Mayer, Salovey 1997]. В ходе дальнейшего обсуждения и исследований эмоциональной сферы человека было введено понятие «эмоциональная культура» – «система знаний о формировании эмоций, способах анализа и управления ими» [Якобсон 1976; Goleman 1995; Ильин 2011]. С учетом значимости эмоций для осмысления окружающей действительности высказывается мнение о выделении «эмоциональной картины мира этноса» [Эванс 2008]. Особое значение приобретает изучение вербализации эмоций.

Лингвистический аспект эмоций так же имеет плодотворную историю осмысления, в результате которой сформировалась относительно новая отрасль языкознания – эмотиология [Шаховский 1987; 2010; Болотнов 1981; Филимонова 2001 и др.]. В лингвистике эмотивность понимается «как присущее языку свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики, обозначение в единицах языка эмоций посредством их названия и различных видов выражения в речи» [Шаховский 1987: 24]. К средствам обозначения эмоций относят имена существительные, прилагательные, глаголы, наречия [Арутюнова 1988; Бабенко 1989; Зализняк 2003 и др.], оценочные номинации [Вольф 1985; Гак 1996; Булыгина, Шмелев 2000 и др.], эмоциональные концепты [Вежбицкая 1999; Красавский 2001; Воркачев 2007 и др.].

Сложной проблемой эмотиологии является типология эмоций. Общепринята классификация, учитывающая такие параметры, как интеллектуальная оценка (простые-сложные), характер переживания (положительные-отрицательные), направленность (личные-неличные), влияние на человека (активизирующие-тормозящие деятельность человека), степень интенсивности (сильные-слабые).

При всем разнообразии классификаций эмоций общепризнано выделение так называемых базовых, фундаментальных и «второстепенных» эмоций. При этом исследователи выделяют разное количество базовых эмоций: от шести [Экман 2010] до десяти [Izard, Kagan, Zajonc 1984] и восемнадцати [Plytchik 1980]. Установлено, что невербальные средства участвуют в передаче эмоции: в тончайших изменениях бровей, глаз, губ и поведения проявляются нюансы эмоционального статуса человека, колебания его настроения, что так же требует научного осмысления.

Таким образом, эмоциональный аспект – одна из важных сторон изучения романа-хроники «Мудрешкин сын». В связи с тем что эмоции относятся к глубоко этническим компонентам лингвокультуры, большой интерес представляет анализ того, как писатель-билингв передает эмоции своих персонажей в средствах неродного языка.

Проведенная нами классификация эмоций, выделенных методом сплошной выборки из текста, позволяет условно распределить эмотивы в две группы. В первую вошли те средства, которые передают отрицательные эмоции, во вторую – положительные. Выявилось, что первая группа представлена большим числом единиц, а вторую составило всего несколько единиц.

Эмоции передаются через чувства, которые возникают в зависимости от того, в какой ситуации оказывается субъект/объект, к кому он испытывает то или иное чувство. На протяжении романа-хроники положение рассказчика меняется. Если в начале повествования перед нами мальчик-бедняк, сын оруда, представитель социальных низов тогдашнего калмыцкого общества, то в дальнейшем его самосознание и отношение к нему общества резко меняется. Молодой человек занимается самообразованием, занимает активную жизненную позицию, участвует в важнейших исторических событиях, происходящих на рубеже веков в калмыцкой степи и России, становится защитником сначала членов своей семьи, а затем и всех обездоленных бедняков, устанавливает новые порядки, меняет жизнь людей.

Соответственно, меняется и отношение окружающих к нему – это прослеживается в изменении эмоционального фона произведения.

В начале романа-хроники можно наблюдать все разнообразие чувств, которые испытывают мальчик-бедняк, члены его семьи, бедняки: горечь, обида, злость, беспомощность, незащитность и др. Нередко эти чувства проявляются в речи и поведении невербально в виде нерешительности, застенчивости, молчании. Бедняки используют, как правило, глаголы речи, которые имеют коннотацию ‘невысокая интенсивность’. Они чаще молчат в ответ на несправедливые обвинения, оскорбительные слова, о чем свидетельствует проведенный нами анализ фигуры умолчания в художественном пространстве романа-хроники [Есенова 2022а]. Чувства, которые испытывают представители знати (богатые родственники, нойоны, зайсанги) по отношению к беднякам, – это злость, гнев, ярость, презрение, отвращение; они способны на унижение, оскорбление, издевательство и т.п. Негативное отношение богатых к бедным проявляется вербально, в частности, в использовании глаголов речи с семой ‘повышенная интенсивность’ и невербально (во взгляде, жестах, действиях и др.).

Эмоциональный фон произведения включает, с одной стороны, чувства, которые испытывают сами персонажи (личные), а с другой – чувства, которые проявляют окружающие к действующим лицам (неличные). Лексико-семантический анализ материала позволяет дать характеристику эмоциональной сфере калмыков разных социальных классов описываемого периода. Она включает такие эмоции, как горе, гнев, отвращение, страх, презрение, которые, согласно П. Экману [Экман 2010] и К. Изард [Изард 1980], входят, наряду с радостью и удивлением, в базовые эмоции человека. Лексические средства, выражающие эти чувства и использованные в романе-хронике, разнообразны. Они представлены такими обозначениями, как имена существительные (*горечь, оскорбление, страх, издевательство, несправедливость, озлобление, ужас, боязнь, боль, зависть, злость, тревога, робость, испуг, обида, пренебрежение, растерянность, ругань,*

разгоряченность, злоба, жестокость, горе, упрек, волнение, отчаяние, смущение, нерешительность, презрение, удивление, настороженность, гнев, испуг, глумление, раздражение, ярость, злорадство, насмешка, жуть, возбуждение, равнодушие, изумление, беспокойство и др.); глаголы (оскорблять, бить, унижать и др.); наречия (больно, тяжело, оскорбительно, унижительно и др.), устойчивые обороты речи (стиснув зубы, выпучив глаза и др.).

Эмоции, описанные в романе-хронике, можно классифицировать с точки зрения их направленности как личные и неличные. Так, бедняки испытывают разнообразные чувства, которые обозначаются именами существительными *оскорбление, страх, издевательство, несправедливость, озлобление, ужас, боязнь, боль, зависть, злость, тревога, робость, испуг, обида, растерянность, злоба, жестокость, горе, волнение, отчаяние, смущение, нерешительность, настороженность, гнев, испуг, глумление, раздражение, ярость, возбуждение, изумление, беспокойство, унижение* и др. Отрицательные чувства сформировались у бедняков в результате несправедливого отношения со стороны богатых и тяжелой жизни в нищете. По отношению к ним богатые проявляют негативные чувства, которые обозначаются через имена существительные *ярость, злость, гнев, насмешка, жестокость, раздражение, злорадство, равнодушие, безразличие* и др. Эти чувства являются личными и активными, т.к. воздействуют на эмоциональную сферу окружающих. Бедняки осознают чувства окружающих по отношению к ним, но вынуждены терпеть, сдерживать свои эмоции, подавлять их. На этом основании с точки зрения влияния эмоций на человека перечисленные чувства можно считать тормозящими деятельность человека.

Нередко чувства, переживаемые бедняками, выражаются не словесно, а невербально. Сказанное можно проиллюстрировать на примере эмоции злости/гнева. В тексте приводится следующее описание этой эмоции, которую переживает оруд Мудрешка, вынужденный сдерживаться, терпеть глумление и оскорбление богатого родственника: *«Отец в первую минуту только стиснул зубы.*

Ничего не сказал, но смотрел зверем: ноздри раздувались, а сам молчал» [Амур-Санан 1987: 30]. Эта же эмоция переживается нойоном иначе: *«Гахаев еще раз закричал: “Вон!”*. *Взбешенный Гахаев нанес страшный удар сановнику, разбив ему правый глаз»* [Амур-Санан 1987: 49].

Эмоция злости, переживаемая бедняком, реализуется не словесно, а невербально (*стиснул зубы, ноздри раздулись*), в то время как у богатого она выражается и языковыми (команда, выраженная в повелительной форме, восклицательной интонации, глаголы *«скомандовал», «закричал»*) и невербальными (стремительное передвижение, удар, разбил глаз) средствами. Вместе с тем эта же эмоция, направленная на представителя того же социального слоя, что и сам говорящий, проявляется ярко, экспрессивно, как, например, в следующем контексте: *«Шинкарь рассердился: он стал кричать, что не позволит хозяйничать у него и, схватив меня за плечо, стал трясти»* [Амур-Санан 1987: 90].

Как показывает материал, одна и та же эмоция имеет разную степень интенсивности: сильную, если направлена на бедного, слабую, если направлена на богатого; выражается в разных вербальных и невербальных средствах. Для богатых характерно реактивное проявление эмоции, а для бедных – подавление эмоции, ее сдерживание.

Остановимся на эмоции горя, характерной для бедняков. Она возникает из-за унижительного, оскорбительного отношения к ним богатых. Существительное «горе», номинант эмоции, обозначает чувства, которые испытывают бедняки-калмыки, обездоленные и униженные оруды: *«Вне себя от горя, я побежал к соседям-родичам, спрашивая, не видели ли они мою мать»* [Амур-Санан 1987: 27].

Кроме того, в начале романа-хроники эмоциональная сфера Антона раскрывается через имя существительное «горечь», которое так же обозначает переживания бедняка; горечь является одной из разновидностей эмоции горя. Рассказчик излагает историю формирования данной эмоции следующим образом:

«Мне было очень горько; меня все били: калмыки били, потому что я был орудом, отец бил потому, что его самого обижали» [Амур-Санан 1987: 17].

В тексте неоднократно говорится о том, что чувство горечи у мальчика возникло еще в детстве под влиянием несправедливого, высокомерного отношения богатых родственников, из-за их издевательств, оскорблений, побоев: *«...ведь я был орудом, а орудя можно обидеть, оскорбить, побить»* [Амур-Санан 1987: 18].

Спектр эмоций калмыков-бедняков включает неличную отрицательную эмоцию, которая номинируется именем существительным «издевательство», злое высмеивание кого-нибудь, чего-нибудь, глумление, оскорбление: *«Вдоволь наглумившись над отцом, Монцхор Джимбеев в довершение всего, без всякого повода, ударил его палкой и пробил ему (отцу) голову»* [Амур-Санан 1987: 19].

Анализ текста показал, что средства выражения эмоции «издевательство» включают оценочную лексику как русского (*собаки, подлые твари, жалкий* и др.), так и калмыцкого (*оруд* ‘вошедший, чужой’ *ноха* ‘собака’, *кишва* ‘несчастный’, *шивкчин* ‘проститутка’) языков и невербальные средства (рукоприкладство, жесты, взгляд и др.).

Эмоциональная сфера бедняков включает страх, который они испытывают по отношению к богатым и своему неизвестному будущему. Это чувство сформировалось у бедняков в ходе их безрадостной жизни, полной тягот и невзгод. Вот как описывается переживание этой эмоции бедняком: *«Мне казалось, что вот-вот все знатные родичи вернутся и станут нас бить...Я при виде их от страха забрался под кровать...»* [Амур-Санан 1987: 19].

В тексте приводятся и другие примеры, иллюстрирующие проявление целой гаммы отрицательных чувств (оскорбление, несправедливость, издевательство), которые сформировали в сознании бедняка чувство страха.

Близкую страху эмоцию – «испуг», внезапное чувство страха, боязни – испытывают бедняки перед богатыми, от которых полностью зависит их жизнь. Вот как описывается эта эмоция в следующем контексте: *«Отец мой, робко сняв*

шапку, весь съезжившись, испуганно вышел из толпы и промолвил: “Ваше сиятельство, я тут”» [Амур-Санан 1987: 74].

В художественном тексте приводятся описания чувств, которые испытывают бедняки в присутствии богатых. Это робость, несмелость, боязнь, стеснительность («*Отец робко что-то хотел доложить, разъяснить*» [Амур-Санан 1987: 74]), нерешительность, сомнение («*Я нерешительно остановился*» [Амур-Санан 1987: 19]), смущение, замешательство («*Я предпочитал смущенно молчать, когда речь заходила о моем роде*» [Амур-Санан 1987: 19]), отчаяние («*Он вскинул глаза и почти с отчаянием воскликнул: “Да, но не вышло у нас свободного времени, чтобы поговорить о народе!”*» [Амур-Санан 1987: 144]).

Постепенно под воздействием унижений, оскорблений, издевательств со стороны богатых в сознании бедняков формируется чувство несправедливости. Обида, переживаемая бедняками как чувство, вызванное несправедливостью причиненного огорчения, оскорбления, как правило, не имеет ярко выраженного внешнего проявления. Однако в отдельных случаях она реализуется реактивно, ярко. Например: «*И до такой степени обиделись калмыки, что, повалив несчастного вестника, избили его чуть не до полусмерти...*» [Амур-Санан 1987: 102]. Здесь наблюдаем невербальное проявление чувства (*избили, свалили с ног*), само же действие направлено на бедняка: обиду нанес бедняку бедняк.

Многие бедняки, в частности мать Антона, переживают ужас как крайнее проявление эмоции страха. Вот как описывается в следующем контексте формирование этого чувства и его проявление: «*Она пришла в ужас и горько заплакала. Она боялась за меня, боялась, что без меня, единственного помощника, единственного друга, останется совсем беспомощной и одинокой и продолжала плакать и умолять, чтобы я не уходил*» [Амур-Санан 1987: 38].

Данная эмоция формируется из-за боязни, беспомощности, одиночества, проявляется словесно в лексике мольбы, невербально в плаче. Она может проявляться через действие, например, движение: «*Калмык в ужасе побежал к*

лошади, отвязал ее и во всю прыть помчался домой» [Амур-Санан 1987: 102]. Отметим, что в ужасе герой направляется домой. Значит, дом воспринимается как охранная территория, где нет страха, ужаса и где человек чувствует себя защищенным.

В рассматриваемом художественном тексте можно наблюдать и проявление страха как тоскливо-беспокойного чувства: *«Арестованные замолчали, всем стало жутко»* [Амур-Санан 1987: 49].

Высшая форма проявления страха характерна для человека, испытывающего оцепенение от возникшего осознания безысходности положения, она переживается как «жуть».

По отношению к беднякам богатые испытывают личные отрицательные чувства, которые обозначаются именами существительными *жестокость, злость, злоба, пренебрежение, презрение, глумление, раздражение, ярость, злорадство, равнодушие* и т.п.

Отрицательная эмоция «злоба» как чувство гневного раздражения, недоброжелательства проявляется по отношению к бедным: *«Задыхаясь от злобы, он кричал на меня»* [Амур-Санан 1987: 86]; *«Эренджен Шарманджиев в бессильной злобе зарычал»* [Амур-Санан 1987: 108]. С точки зрения степени интенсивности она проявляется экспрессивно (в крике, рычании).

По отношению к беднякам богатые испытывают такие чувства, как гнев и ярость, которые выражаются лексически и невербально в повышении голоса, крике, в императивной форме глагола, например: *«Нойон в ярости закричал: “Не смей шевелиться!”»* [Амур-Санан 1987: 47].

Богатые способны на жестокость, крайнюю суровость, безжалостность, беспощадность, например: *«В пьяном состоянии многие родовитые калмыки страшные хулиганы: ругаются, бессмысленно и жестоко оскорбляют людей...»* [Амур-Санан 1987: 19].

Кроме того, богатые проявляют по отношению к бедным презрение, глубоко пренебрежительное отношение («*Ты чего пришел? – презрительно сказал он мне*» [Амур-Санан 1987: 20]), равнодушие, безразличие, безучастие («*Нет, – равнодушно ответили родичи, – кажется, отец бил ее опять*» [Амур-Санан 1987: 27]).

Зачастую они незаслуженно упрекают, высказывают неудовольствие, неодобрение или обвинение по отношению к беднякам («*нас встретили родичи и начали упрекать за то, что скотина до сих пор не поена*» [Амур-Санан 1987: 28]).

Таким образом, эмоциональный фон романа-хроники «Мудрешкин сын» формируют чувства, которые переживают персонажи и рассказчик. При этом эмоции бедных и богатых различны. Характер реализации эмоций, языковые и неязыковые средства их выражения позволяют сделать вывод о преобладании в целом в произведении отрицательных эмоций. Для их выражения используется эмотивная лексика русского языка, национальная специфика переживания эмоций передается через невербальные средства. С точки зрения направленности у бедных преобладают неличные эмоции, у богатых – личные; с позиций влияния на человека у бедняков преобладают эмоции, тормозящие деятельность человека; по интенсивности проявления у бедняков доминируют слабые, у богатых – сильные эмоции. Все отрицательные эмоции в первую очередь свойственны женщинам, самым бесправным, угнетенным и обездоленным существам тогдашнего калмыцкого общества. Одна и та же эмоция переживается героями по-разному, что так же зависит от социального фактора. Переживания одного и того же персонажа по мере изменения его социального положения на протяжении романа-хроники кардинально меняются.

Чтобы определить всю палитру эмоций персонажей романа-хроники, их динамику, рассмотрим положительные эмоции. Проведенный анализ свидетельствует о незначительном количестве положительных эмоций,

переживаемых действующими лицами романа-хроники. В тексте встречаем описания таких эмоций, как «интерес», «радость», «ласка».

Положительная эмоция «радость» связана с возможностью реализации основных личностных потребностей и возможностей человека, удовлетворить возникшую потребность, вероятность реализации которой до этого была невелика или неопределенна. Так, в романе-хронике описывается радость матери от встречи с сыном, которого она долго искала и не могла найти: *«Через некоторое время матери сообщили, что видели меня у князя Гахаева. Радости ее не было конца»* [Амур-Санан 1987: 42]. Эта радость возникла от вести, которую давно ожидала мать, но ее вероятность была невелика: так долго и безрезультатно она искала сына. Радостная весть принесла матери душевное удовлетворение. Это чувство доставил ей сын, которого она безмерно любила, но не могла защитить.

По мере взросления Антона, изменения в целом судьбы бедняков в жизни матери больше появляется случаев для переживания эмоции радости. Это чувство доставляет ей повзрослевший сын, который выбрал свой путь в жизни, стал на защиту бедных, в первую очередь – своей матери. Все большее место в эмоциональной сфере матери занимает радость, которая связана с улучшением ее жизни и успехами сына. Итак, изменение жизни в лучшую сторону изменило эмоциональную сферу матери и всех бедняков, которые вместо горя и ужаса впервые познали радость.

Если материнская радость связана с сыном, то радость сына имеет другие основания. В романе-хронике говорится о нескольких источниках появления этого чувства. В детстве маленький Антон радовался, когда ему удавалось поесть хлеба. *«Я говорил матери с радостью: “Сегодня я ел хлеб”. Но далеко не часто выпадало на мою долю такое счастье»* [Амур-Санан 1987: 26]; *«...если и попадал на мою долю ломтик хлеба, хоть с пол-ладони, я считал себя счастливым человеком»* [Амур-Санан 1987: 39]. Такая радость переживалась мальчиком как удовольствие от физического ощущения исполнения давней мечты, желания получить то, что

приносит физическое наслаждение. В тексте дается описание ощущения бедняка, впервые досыта поевшего хлеб: *«Я глазам своим не верил. Переломил кусок пополам, переломил еще раз, положил один на другой, положил на них левую руку, а правой стал есть. Ел жирные щи, ел хлеб, кусок за куском, инстинктивно придерживая левой рукой остальные. Я ел, ел, и казалось, – конца не будет этому счастью»* [Амур-Санан 1987: 40].

Повзрослевший юноша испытывает радость уже не от исполнения мечты, связанной с физическим удовольствием от сытости, наслаждения хлебом, а от морального удовлетворения. Все началось с решения мальчика учиться, стать *сян-кюном* ‘хорошим, т.е. образованным, человеком’. Свой путь к счастью и радости он видит в учении, поступает в школу, терпит побои отца, запретившего ему учиться, преодолевает огромные препятствия, но упорно идет к своей мечте. Вот что пишет автор о своих чувствах, которые он испытал в этот переломный период своей жизни: *«Я от радости заплакал и только тогда почувствовал, что передо мной открылся свободный путь к знаниям»* [Амур-Санан 1987: 91]. Его радость сопровождается слезами, свидетельствующими о экспрессивном, глубоком переживании эмоции радости.

Эмоция радости, испытанная Антоном, реализовавшим свою мечту и ставшим *сян-кюном*, защитником бедных, гораздо сильнее той радости, которую впервые в своей жизни испытал мальчик-бедняк от съеденного куса хлеба. Объективные исторические обстоятельства препятствовали его самореализации, а устранение исторически сложившихся вековых родовых пережитков, всех препятствий доставило Антону огромную радость, близкую к счастью. Следовательно, эмоция радости возникла в результате реализации основных личностных потребностей Антона как полноценного человека, самодостаточного, ответственного и активного. От осознания положительных результатов своей деятельности по изменению жизни обездоленных Антон испытывает удовлетворенность собой, людьми, поверившими ему, и новым миром, в изменение

которого много сил он вложил. В эти минуты автор переживает активную положительную эмоцию радости, которая выражается в хорошем, приподнятом настроении, ощущении удовлетворения и сопровождается переживанием удовлетворенности собой и окружающей действительностью.

Автор пишет и о радости, сопряженной с волнением. Волнение как сильная тревога, душевное беспокойство, связанное с воспоминанием об умершей бабушке, которую горячо любил Антон, является показателем повышенного уровня эмоционального возбуждения рассказчика: *«Как-то достал я пригоршню зерна и посеял на ее (бабушки Алдэ) могиле. Недели через две увидел молодую зелень. Душу мою охватило радостное волнение»* [Амур-Санан 1987: 20].

Положительная окраска волнения определяется прилагательным *«радостный»*. Герой переживает душевное беспокойство, сопряженное с сильной радостью, при воспоминании о любимой бабушке, ведь, по его признанию, его любили только мать и бабушка, остальные люди были способны только на оскорбления, унижения, избиения, издевательства.

Отметим, что эмоция радости не сопровождается невербальными средствами: ни мать, ни сын не передают свою радость через, например, смех, улыбку, что отражает характерную для калмыков сдержанность, неэмоциональность.

Следующее положительное чувство, которое испытывают герои романа-хроники, – это ласка, одна из проявлений эмоции любви. Следует отметить, что в тексте не дается развернутое описание этой эмоции, лишь встречаются слова, производные номинанта эмоции – существительного «любовь» (*любить, любимый*). Эмоция ласки в тексте передается через имя существительное «ласка», глагол «ласкать» и прилагательное «ласковый». Анализ текста позволяет заключить, что эмоция ласки может реализоваться через описание внешнего вида персонажей: *«Они подолгу задерживали ладони и с ласковым видом помалкивали»* [Амур-Санан 1987: 143]. В данном эпизоде речь идет о встрече революционеров с

калмыками-степняками, которым разъяснялись новые порядки, утверждавшиеся в калмыцкой степи. Свое положительное отношение к происходящему собравшиеся передают в том числе своим видом.

Кроме того, в романе-хронике эмоция ласки может выражаться невербально, тактильно, что так же свойственно коммуникации калмыков. Например: *«Я прибежал к матери и начал рассказывать ей о своем горе. У матери не было слов утешения. Она только взяла меня на колени и стала тихо ласкать»* [Амур-Санан 1987: 21].

В следующем контексте описывается реализация ласки через интонацию и кинетически: *«Был еще один человек, который также любил и ласкал меня. Это – дальний родственник, Манджик Дорджинов... Это было так необычно для меня: большой, и не только не бьет, не гонит, не толкает, но, наоборот, ласково разговаривает и даже берет на руки»* [Амур-Санан 1987: 23-24].

Не знавший доброго отношения Антон испытал глубокую привязанность к Манджику, а когда тот собрался домой, *«я не мог себе представить, как же я останусь без него, и побежал следом за ним. Не замечая меня, Манджик продолжал свой путь, а я все бежал и бежал. Он скрылся из виду, а я все продолжал бежать по степи за ним...»* [Амур-Санан 1987: 24].

Как видим, сердце мальчугана открыто для любви и ласки, но он не чувствует проявления этих чувств к нему со стороны окружающих. Не встретив теплых чувств со стороны людей, мальчик проявляет эти чувства к животным: *«Только с коровами, которых я пас, я чувствовал себя легко и свободно. Они не обижали, любили меня, и я их любил. Я ласкал их и разговаривал с ними, и мне казалось, что они великолепно понимают меня»* [Амур-Санан, 1987: 27].

В тексте романа-хроники описывается еще одно положительное чувство – «интерес», которое раскрывается как эмоциональное состояние, направленное на развитие навыков и умений человека, приобретение им новых знаний. Интерес приводит мальчика-бедняка в школу, постепенно он постигает азы грамоты, чтение

становится его любимым занятием: *«С большой жадностью читал я книги и номера журнала “Нивы”»* [Амур-Санан 1987: 51].

Интерес-возбуждение, чувство любознательности все больше овладевало Антоном. Желание расширить свой кругозор стало сильным и эффективным мотивом учиться. Антон учится сам и разными способами убеждает родителей отдать учиться своих детей. Налицо сформировавшееся в сознании юноши желание вмешаться в жизнь незнакомых людей. Так, когда Овше Насунову не выдавали свидетельство о возрасте для поступления в гимназию, Антону *«пришлось купить бутылку водки, и за это вознаграждение гелюнг выдал свидетельство»* [Амур-Санан, 1987: 69].

Интерес как эмоция, возникшая под влиянием реализации потребности, удовольствие от самого процесса, инициированного самостоятельно и увенчавшегося успехом, приносит ему глубокое удовлетворение: *«Я стал за сто двадцать верст возить в Ставрополь учеников нашего аймака, возил бесплатно и с великой радостью помогал молодежи. Я пользовался всяким случаем, чтобы уговорить молодых ребят учиться, и чувствовал себя счастливым, когда кто-нибудь на это соглашался»* [Амур-Санан 1987: 69].

Таким образом, интерес Антоном переживается как эмоция, возникшая под влиянием реализации потребности, как чувство удовлетворенности от участия в судьбе молодежи, направления их на пройденный самим путь просвещения.

Итак, в художественном дискурсе романа-хроники «Мудрешкин сын» наблюдается постепенное изменение эмоционального фона: на смену страданий, горя, унижений приходит радость, калмыки-бедняки познают новые, ранее не знакомые им эмоции. Таким новым чувством для бедняков является радость, которая возникает в результате реализации личностных потребностей, переживается как чувство удовлетворенности окружающим миром, собой, другими людьми. Радость матери связана с сыном, а источники радости сына постепенно меняются, расширяются. Если детская радость – это физическое удовольствие от

съеденного хлеба, то взрослому Антону радость приносит реализация планов, открывшихся возможностей. Его радость связана с исполнением мечты стать сян-кюном, защитником матери и всех бедняков. Положительный эмоциональный фон произведения связан и с эмоцией интереса, которая стала источником перемен жизни Антона. Интерес к познанию новой информации, постижению новых навыков и умений изменил к лучшему жизнь не только отдельно взятого человека, но и всех бедняков, доставил Антону чувство удовлетворения от самореализации своих потребностей и возможностей. Хотя в произведении не раскрывается эмоция любви, употребляются лишь ее обозначения, однако встречаются ее проявления – ласки, которая не имеет развернутого словесного описания, но выражается невербально (жесты, внешний вид). Все эмоции обозначаются через средства русского языка, редко используются калмыцкие языковые единицы; невербальные средства (взгляд, жест, движение, интонация, молчание и т.д.) передают характер переживания эмоций калмыками.

Выводы по Главе I.

1. Художественный дискурс в работе понимается как совокупность высказываний, посредством которой происходит обмен знаниями, эмоциями и впечатлениями между автором и читателем в процессе восприятия художественного текста. К важнейшим составляющим художественного дискурса относим языковые и неязыковые компоненты: контекст, автор, читатель / слушатель, ситуация.

2. Русский язык сознательно избирается А.М. Амур-Сананом в качестве средства художественного творчества, приобщения калмыков к тем историческим изменениям, которые происходили в стране в конце XIX – начале XX вв.

3. Лексический состав художественного текста, включающий разнообразные единицы русского языка из разных сфер, национальные маркеры этнической

самобытности картины мира калмыков, создает реалистическую панораму калмыцкой действительности описываемого времени. Национальная картина мира калмыков создается благодаря использованию безэквивалентной лексики, имен собственных, пословиц, поговорок, наименований обычаев и традиций калмыков; русской лексики, тематически связанной со скотоводческим видом деятельности, кочевым образом жизни, степной природой, элементами материального и духовного мира калмыков, а также чувствами и переживаниями персонажей. Особенность исторической эпохи передается благодаря использованию во второй части романа-хроники общественно-политической, идеологической, административной, военной лексики, а также слов и устойчивых выражений, характерных для «советского слога»; калмыцкие языковые единицы в этой части текста используются редко (*чатыртэ, тушутэ*).

4. В художественном тексте широко используются разнообразные лексические и синтаксические выразительные средства русского языка (синонимы, антонимы, лексические повторы, ряды однородных членов, парцелляции, риторические вопросы и восклицания, номинативные предложения, вопросно-ответные конструкции, синтаксически однородные конструкции), которые употребляются для изображения картины мира калмыков в описываемый исторический период и воздействия на когнитивную и эмоциональную сферы читателя.

5. Единицы калмыцкого языка не нарушают графическое, семантическое, грамматическое единство русскоязычного текста. Использованные разнообразные способы передачи значения национальных единиц, а также пословицы и поговорки способствуют адекватному пониманию русскоязычным читателем самобытного мира калмыков рубежа XIX – XX вв.

6. Средства русского языка используются для передачи разнообразных эмоций, среди которых преобладают базовые универсальные эмоции. Доминирование в тексте отрицательных эмоций объясняется исторически

сложившимися социокультурными условиями жизни калмыков в описываемый период времени. У бедных преобладают неличные эмоции, у богатых – личные, с позиции влияния на человека у бедняков преобладают эмоции, тормозящие деятельность человека, по интенсивности проявления у бедняков доминируют слабые, у богатых – сильные эмоции. Переживания одного и того же персонажа на протяжении повествования могут кардинально меняться, что связано с социальным фактором.

7. В романе-хронике наблюдается постепенное изменение эмоционального фона: на смену страданий, горя, унижений приходит радость. Новые эмоции открывает для бедняков новый мир, они познают ранее не знакомые им чувства. Таким новым чувством для бедняков является радость, возникающая в результате реализации личностных потребностей, переживается как чувство удовлетворенности окружающим миром, собой, людьми. Положительный эмоциональный фон произведения связан и с эмоцией интереса, которая послужила источником перемен жизни Антона. Интерес к познанию новой информации, постижению новых навыков и умений изменил к лучшему жизнь не только отдельно взятого человека, но и всех бедняков, доставил Антону чувство удовлетворения от самореализации потребностей и возможностей.

8. Писателю-билингву удалось передать переживаемые персонажами эмоции через средства русского языка. Среди них имена существительные (*гнев, злость, страх, ужас, с усмешкой* и т.п.), прилагательные (*насмешливый, благодарный, грустный, жестокий* и т.п.), глаголы (*ужаснуться, испугаться, бояться, обрадоваться* и т.п.), наречия (*злобно, бесчеловечно, испуганно, насмешливо, равнодушно* и т.д.), а также невербальные средства (жесты, взгляд и др.). В тексте используются калмыцкие языковые единицы для выражения отрицательных (*кишва амтн уга нохэ* ‘собаки, подлые твари’, *экен алдмур, танда уюзюльхев би!* ‘мать, мать...я покажу вам!’) и положительных эмоций (*ханэрмини* ‘милые мои’), приводятся описания этнических жестов (*показать подошву,*

поднеся ее к самому носу сидящего – оскорбительный жест; потуже подтянуть подпруги у лошадей и натянуть по уши фуражку – выражение наибольшего озлобления и др.).

ГЛАВА II. ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАРТИНЫ МИРА КАЛМЫКОВ В РОМАНЕ- ХРОНИКЕ «МУДРЕШКИН СЫН»

2.1. Концепт «Степь» и его языковая актуализация в романе-хронике «Мудрешкин сын»

Концепт «Степь» в художественном дискурсе романа-хроники «Мудрешкин сын» имеет существенное значение, участвует в создании картины мира калмыков. Как известно, природа влияет на психологию, характер, темп жизни человека, в связи с чем изучение природы, на фоне которой совершаются поступки, проявляется характер героев, важно с лингвистической точки зрения.

Основываясь на лингвокультурологическом анализе художественного текста романа-хроники, рассмотрим дискурсивную детализацию концепта «Степь», его понятийное, образное и ценностное содержание.

Анализ показывает, что основными средствами репрезентации концепта «Степь» в данном художественном тексте являются русские имена существительные, ассоциативно связанные с понятием «степь». В анализируемом тексте отмечены следующие обозначения концепта «Степь» и его атрибутивных признаков: *калмыцкая степь, астраханские степи, бурая степь, благоухающий ковер разнотравья, пустынные земли, безводная степь, холодная мертвая земля, безбрежная равнина, снежная равнина, бесконечное снежное пространство* и др. При этом чаще всего в тексте используются номинации «*калмыцкая степь*», «*родная степь*»: «*огромная, безводная...калмыцкая степь*» [Амур-Санан 1987: 130]; «*контуры подвижных барханов родных протяженно-тоскливых степей*» [Амур-Санан 1987: 119].

Анализ контекстов позволяет выделить в концепте «Степь» определенные признаки, которые детально характеризуют данную ментальную область с точки зрения размера (*просторная, обширная, бесконечная, безбрежная* и т.д.), цвета

(зеленая, серая, белая, снежная, желтая, черная, пожухлая и др.), формы поверхности (ровная, равнинная, плоская и др.), заселения (безлюдная и др.), температуры (теплая, прохладная, жаркая, знойная, холодная, морозная и др.), времени (весенняя, летняя, осенняя, зимняя), звука (безмолвная, наполненная стрекотаньем кузнечиков, трелями жаворонков, тихая), воздействия на эмоции человека (мертвая, зловещая, приветливая, ласковая и др.), ветра (беспрерывный, холодный, восточный и др.) и создают конкретный образ калмыцкой степи в том или ином фрагменте текста.

В художественном тексте романа-хроники наиболее часто у рассматриваемого концепта отмечаются признаки «размер», «форма поверхности», «время» и «связь с человеком». Анализ контекстов позволяет считать, что постоянными характеристиками концепта «Степь» являются с точки зрения размера *просторная, широкая, обширная, безбрежная, бесконечная*, с точки зрения формы поверхности *ровная, плоская*, времени *весенняя, летняя, осенняя, зимняя*. Следует отметить, что эмоционально-экспрессивное состояние героя прослеживается в таких дискурсивных характеристиках концепта «Степь», как *мертвая, зловещая, неуютная, приветливая, ласковая*. При этом наиболее сильные эмоции вызывает у героя картина степи в снежную холодную стужу, когда в одной из кибиток он видит *«калмыка, прикрытого овчинными шубами, а перед ним, на земле, застланной кошмой, лежала его жена с малышом, съезжившимся до последней возможности. Калмык был бедный, кибитка убогая, со множеством прорех в кошме. В прорехи со свистом дул холодный ветер, пороша мелким снегом-заметухой. В кибитке было почти так же холодно и неуютно, как и под открытым небом»* [Амур-Санан 1987: 168]. Через описание неласковой природы автор проводит параллель с неуютной жизнью кочевника, тесно связанной с окружающей природной средой, ее резкими колебаниями температуры, ветрами, осадками. Когда герой оказывается в астраханских степях, он отмечает суровые условия кочевой жизни, его восприятие действительности наполняется личными

переживаниями, поскольку *«там пришлось увидеть всю неприглядность калмыцкого житья в песках, весь ужас нищенского быта кочующих калмыков и внутренне опять пережить печальные страницы степной действительности, в которой протекало мое безотрадное детство»* [Амур-Санан 1987: 115].

Исследователи неоднократно отмечали тесную связь кочевника с природой [например: Бентковский 1868; Житецкий 1893; Нефедьев 1834; Сарангаева 2009]. В художественном тексте романа-хроники говорится не только о тесной связи калмыка со степью, но о его гармонии с природой, которая прослеживается, например, в следующих описаниях зимней степи и настроения ее обитателей: *«В конце февраля природа вполне гармонировала с настроением кочевников-степняков. Дули беспрерывно холодные восточные ветры. Степь однообразна, ее просторы бесконечны. Виднелись жалкие остатки прошлогодних трав, из-под которых плешью выступали солончаки все еще мерзлой земли. Скот худой, едва-едва перешагнувший тяжелую зиму на бедном подножном корму. Бедная часть населения далеко не сыта ... К полуголодному состоянию примешивалась общественно-политическая неопределенность, отсутствие ориентировки в событиях, давившие неорганизованные массы степи»* [Амур-Санан 1987: 147].

Через связь с человеком концепт «Степь» характеризуется в описаниях весенней степи: *«...солнце грело с особенной, нежной лаской. Голубой купол неба широко раскинулся над степью, звонки и радостны были трели жаворонков. Кругом – зеленая, молодая травка и цветы, цветы ... Как хороши первые степные цветы! ... высокие стебли травы тихо шептали какие-то неведомые тайны ... сквозь свежую прозрачную зелень краснели и желтели лепестки тюльпанов, светло-голубые петушки ирисов смешивались с пунцовыми и золотистыми цветами ... разливалось мелодичное стрекотанье кузнечиков, а высоко в небе переливчато звенели жаворонки»* [Амур-Санан 1987: 16-17]. В подобных описаниях отмечается гармоническое единство природы и человека, когда состояние природы рождает ощущение ласки, радости в сознании человека.

Анализ показывает, что остальные признаки концепта «Степь» имеют разную дискурсивную реализацию, зависят от состояния природы в конкретный сезон, т.е. от временной характеристики. Так, весенняя степь характеризуется через признак «цвет» как «зеленая», летняя и осенняя – «желтая», зимняя – «белая, серая, черная». Если колористические характеристики весенней, летней и осенней степи создаются благодаря цвету растительного покрова, то цветовая характеристика зимней степи определяется снежным покровом. Степь зимняя предстает как *белоснежная равнина, бесконечное белое пространство*. В тексте романа-хроники встречается обозначение калмыцкой степи в зимний период времени как *черная земля*, что мотивировано калмыцким наименованием *хар һазр* ‘черная, т.е. бесснежная земля’. Встречающееся в художественном тексте обозначение зимней степи через бурый цвет (*бурая степь*), на наш взгляд, является субъективно-индивидуальным, отражающим эмоциональное состояние героя: «...был холодный пасмурный день. Дул резкий ветер, и шел мокрый снег ... Кругом расстилалась голая, безотрадная бурая степь. Я был одинок, ничего не ел с утра, а рваная одежда плохо защищала от непогоды тело. Снег забивался под воротник, и холодные струйки текли по спине. Руки коченели. Чувство горького одиночества и жалости к самому себе охватило меня ... Холодный ветер осыпал меня хлопьями мокрого снега и заметал мои следы» [Амур-Санан 1987: 38-39].

Характеристика концепта «Степь» через такой признак, как температура, является весьма важной, поскольку благодаря ему создается конкретный образ калмыцкой степи. Данный признак так же является непостоянным, имеет разную дискурсивную реализацию, создавая образ степи в то или иное время года. Так, например, степь весной характеризуется через температурный признак как «теплая», летом – «знойная», «жаркая», осенью – «прохладная», зимой – «холодная», «морозная».

Анализ контекстов позволяет считать, что звуковая характеристика концепта «степь» так же коррелирует с признаком «время», меняется в соответствии с

сезоном. Ментальный объект «Степь» в пространстве художественного текста определяется признаком «ветренный», как правило, в зимний и осенний периоды. Если говорить о характеристике концепта «Степь» в зимний период времени, то его звуковая характеристика («ветренная») сочетается с цветовой («белая», «снежная») и температурной («холодная», «морозная»), создавая образ холодной, снежной пустыни: *«Лежал глубокий пушистый снег ... Поднялся буран. Хлопьями снег шел сверху и метелил снизу. Слепило глаза, не было никакой возможности различить что-либо перед собой ... Кругом было жутко: безбрежная, покрытая снежным саваном степь. Казалось, небо и земля слились в одну бесформенную серовато-темную массу. Резко завывал ветер. Разыгралась настоящая степная метель»* [Амур-Санан 1987: 167]. Такая степь вызывает у ее обитателей страх, вселяет ужас.

Анализ контекстов, в которых приводятся описания зимней степи, позволяет выделить следующие средства актуализации концепта «Степь»: имена существительные (*пурга, метель, стужа, снег, хлопья, мороз, ветер* и др.), прилагательные (*холодный, морозный, снежный* и др.), глаголы (*лежал, поднялся, метелил, шел, слились, завывал, разыгрывалась* и т.п.), которые создают образ зимней степи. Благодаря метафорическим переносам, приему олицетворения образуется зимний пейзаж (*безбрежная, покрытая снежным саваном степь*). Итак, зимняя степь в художественном тексте романа-хроники предстает как безбрежное снежное пространство, для которого характерны резкие холодные ветра, метели, бураны, шурганы. Отметим присутствие в тексте романа-хроники калмыцкого обозначения зимней непогоды *шурган*, которое сопровождается русским переводом (буран).

Совершенно другой образ степи наблюдаем в тех разделах романа-хроники, в которых приводятся описания весенней степи. Это широкое, безбрежное пространство, наполненное звуками пробуждающейся природы (*стрекотаньем кузнечиков, трелями жаворонков, писком сусликов*). Звуковая характеристика концепта в сочетании с температурной (*теплая*), цветовой (*зеленая, голубая,*

прозрачная) создает образ ожившей степи, травы, насекомые, птицы которой радуют людей своими красками, звуками, запахами, воздействуют на героя и читателя, вызывая ощущение безмятежности, нежности, ласки: *«Степь только что сбросила с широкой груди ночное покрывало. Загорелось синеокое майское утро. Ветерок лениво рассеивал нежный белесый туман. На горизонте вырисовывались силуэты степных курганов, уходящих в голубую бесконечную даль. Влажный ковер степной травы с пестротканым узором полевых цветов одевал землю в светлый наряд. В воздухе звенели жаворонки»* [Амур-Санан 1987: 47].

Как говорилось выше, образная составляющая концепта «Степь» формируется в ходе описания степи в разное время года. В частности, образ весенней степи возникает благодаря употреблению имен существительных, обозначающих характерную для степного региона растительность (*чабрец, цветы, полынь, тюльпан, ирисы* и др.), птиц (*жаворонки*), прилагательных, передающих характерные признаки объектов степной природы (*зеленая, молодая травка, хороши первые степные цветы, звонки и радостны трели жаворонков* и т.п.). Анализ текста позволяет выделить следующие характерные признаки концепта «Степь» в период весны: *ласковое солнце, голубой купол бездонного неба, трели жаворонка, стрекотанье кузнечиков, нежная зелень трав, тюльпаны, ирисы*. Итак, весенняя степь – это согретое ласковым солнцем безграничное зеленое пространство, наполненное радостными звуками, благоухающее запахами трав, над которым – купол голубого неба. Такая степь рождает у ее обитателей чувство умиротворения, наслаждения теплом, красками, звуками просыпающейся после холодной зимы природы.

Напротив, состояние усталости, которое возникает от воздействия изнуряющей жары, характеризует обитателей степи в летнее время года. Степь в этот сезон определяется максимальной температурной характеристикой, которая выражается через прилагательные *«знойный», «жаркий»*, ее почва характеризуется через температуру как *«растрескавшаяся»*. Цветовая характеристика летней степи

передается через прилагательное «желтая». В данный сезон степь предстает как знойная, безводная пустыня. Формированию данного образа степи способствуют такие ее контекстуальные характеристики, как *сухой, знойный ветер, растрескавшаяся земля, песчаные бури, желтая трава*. Характеризуется степь этого времени года через состояние живых существ, которые страдают от летнего зноя: «... в знойный летний день... солнце жгло невыносимо, и оводы роем носились над бедной лошастью... Будучи на привязи, лошадь была не в состоянии стряхнуть мух и оводов, немилосердно жаливших ее...» [Амур-Санан 1987: 58].

Однако и в этот сезон степь может дать людям ощущение отдыха, когда в конце лета по ночам наступает прохлада: «*Стояла прозрачная лунная ночь, одна из тех удивительных степных ночей, когда, по выражению калмыков, можно иголку найти на земле*» [Амур-Санан 1987: 182].

Люди и животные отдыхают от летнего зноя и в редкие дни «чатыртэ»: «*Стоял тихий июньский день. Черные, всклокоченные, лохматые тучи плыли, заслоняя жаркое солнце. Такой день с заслоняющими солнце тучами называется по-калмыцки “чатыртэ” – “день с зонтиком”*» [Амур-Санан 1987: 192]. Итак, летняя степь – это безводное пространство с характеристиками жаркая, знойная, желтая, обитатели которого испытывают усталость от изнуряющей жары и суховеев, однако дающее отдых ночной прохладой.

Температурная характеристика осенней степи передается через прилагательное «прохладный», звуковая – прилагательное «тихий». В приводимом ниже контекстуальном описании осени, помимо температурной, присутствует тактильная характеристика осени («мягкая»): «*Было начало сентября. По выражению калмыков, в это время “наступает ранний период осенней прохлады”, и с нею вместе приходит осенняя дремотная усталость. Высоко в ночном небе виснет густо насаженная дробная, появляющаяся с первыми осенними сумерками звездная “Плеяда”, носительница, по нашим поверьям, ключей от зимних холодных ворот. Ночи глубоки и темны. Пестрое небо с тихо мерцающими кострами*

несчетных звезд уходит бесконечно далеко, но дни продолжают стоять все еще мягкие, нежные, по-осеннему задумчиво-тихие. Усталое от летнего зноя солнце дарит земле прощальный кивок – бабье лето» [Амур-Санан 1987: 183]. Обратим внимание на характеристики степного осеннего неба (*высокое, с тихо мерцающими кострами несчетных звезд*) и солнца (*усталое от летнего зноя*). Образ осенней степи в художественном тексте романа-хроники создается через существительные (*прохлада, ночь, небо, звезды, солнце* и т.д.), а также благодаря метафорическим обозначениям (*дни мягкие, нежные, задумчиво-тихие, осенняя дремотная усталость*) как пространство с характеристиками «*прохладный*», «*с дремотной усталостью*», «*с глубокими и темными ночами, мягкими, нежными, задумчиво-тихими днями*».

Аксиологическая составляющая концепта «степь» формируется благодаря контекстам, в которых раскрывается связь человека с природой. А.М. Амур-Санан неоднократно подчеркивает привязанность калмыка к родной степи, акцентируя внимание читателей на том, что калмык хорошо знает степь, легко ориентируется на ее бескрайних просторах по малейшим особенностям ландшафта, рельефу местности: «*Истинный степняк как бы читает сокровенные тайны природы. Он по утренним и вечерним зорям, по движению туч и характеру ветра, по полетам птиц и по другим, ему только одному ведомым приметам предсказывает, какая будет погода через день. Утром скажет, что будет вечером, а вечером скажет, каково будет утро. Степняк тонко чувствует красоту и музыку степи*» [Амур-Санан 1987: 47]. Обитатель степи в художественном тексте характеризуется как знаток тайн природы, чувствующий красоту и музыку степи.

Следует обратить внимание на то, что в художественном тексте степь описывается через ее воздействие на эмоциональную сферу действующих лиц, чуткое восприятие ими ее изменений. В этом отношении в первую очередь важны ощущения и чувства главного героя, при их описании автор акцентирует внимание на том, что только степь понимает мальчика-бедняка, может выслушать его и

успокоить. В самом начале текста романа-хроники автор, рисуя восприятие степного пейзажа героем, подчеркивает его способность чувствовать природу родной степи, наслаждаться ее красотой и ощущать себя ее частичкой. От природы мальчик получает эмоции, на которые не способны окружающие его люди: *«Можно было подумать, что земля, как любящая мать, хочет утешить бедного, чумазого калмычонка в его горькой доле... Я невольно почувствовал эту ласку; во мне проснулась сыновняя нежность: я лег на землю и распластал руки. Мне хотелось обнять всю степь»* [Амур-Санан 1987: 16].

Говоря о ценностной составляющей концепта «Степь», следует обратить внимание на словосочетания *любящая мать* и *сыновняя нежность*, которые указывают на ассоциативную связь степи с высшей ценностью – человеком. На это указывает и словосочетание *милая, родная земля*. Природа помогает мальчику *«забыть отцовские побои, голод – все забыть и чувствовать только, что я весь полон любви к этой милой, родной земле»* [Амур-Санан 1987: 17]. Следовательно, для калмыка ценность степи заключается в ее умиротворяющем воздействии на внутренний мир человека, быть его утешением.

В художественном тексте романа-хроники наблюдается противопоставление двух миров: жестокого мира людей, в котором обижают, унижают бедных и слабых, и мира природы, которая утешает, успокаивает своих детей. Под влиянием красоты родной степи Антон впервые отдыхает душой в окружении трав и цветов; ему кажется, что природа готова доверить ему свои тайны. Через разнообразную лексику, связанную тематически со степной природой, автор не только создает образ калмыцкой степи в самую романтическую пору пробуждения от долгой холодной зимы, но и проводит мысль о том, что благодаря родной природе мальчик справляется с трудностями бедняцкой жизни: *«Обвеянный лаской природы, я с легкой грустью переживал свои первые детские впечатления. А первыми детскими впечатлениями были – увы! – побои»* [Амур-Санан 1987: 16]. Только в окружении природы Антон забывает унижения и побои, родная степь дает ему силы пережить

тяготы жизни. Следовательно, ценностная составляющая концепта «Степь» указывает и на его связь с концептом «Жизнь».

Анализ показывает, что «если весна и зима присутствуют в тексте как фон для изложения событий и переживаний героев довольно часто, то к описанию осенней степи автор обращается лишь в своих воспоминаниях» [Есенова 2022b: 153]. На наш взгляд, дискурсивная реализация ценностной составляющей концепта «Степь» прослеживается и в тех контекстах, в которых именно под воздействием неприветливой, промозглой погоды мальчик решает покинуть родные края и отправиться на чужбину: *«...был холодный пасмурный день. Дул резкий ветер, и шел мокрый снег. Кругом расстилалась безотрадная бурая степь ... Снег забивался под воротник, и холодные струйки текли по спине»* [Амур-Санан 1987: 38]. В текстовом фрагменте прослеживается антропоцентричность описания степи: состояние природы подталкивает героя сделать решительный шаг в неизвестность: *«Я был одинок, ничего не ел с утра, а рваная одежда плохо защищала от непогоды тело... Чувство горького одиночества и жалости к самому себе охватило меня. Вся жизнь представилась мне одним бесконечным страданием. Впереди снова горе, снова бедность, снова голод и побои. ... в эту безотрадную, безутешную минуту меня вдруг охватило какое-то могучее, властное чувство. Я решился отбросить сомнения и, покинув дом, уйти искать счастья на чужбине...»* [Амур-Санан 1987: 38]. Конечно, для Антона, плохо знавшего русский язык, никогда не покидавшего родной хотон и ничего, кроме хотона, не видевшего, это было смелое решение. Однако все последующие события показывают, что это был верный выбор, иначе он повторил бы судьбу своего отца: смелый, лихой наездник превратился в пьяницу-дебошира.

Итак, описание промозглой, неласковой природы помогает понять эмоционально-психологическое состояние героя: состояние природы, холод, снег глубоко воздействуют на умонастроение героя. Именно под воздействием природы Антон резко меняет свою жизнь.

Таким образом, в художественном тексте романа-хроники «Мудрешкин сын» концепт «Степь» характеризуется рядом признаков. В понятийном аспекте: безводное ровное пространство с сухим климатом. В образном плане: обозначения *просторная, обширная, бесконечная, безбрежная* и т.д. указывают на размер, обозначения *зеленая, серая, белая, снежная, желтая, черная* и др. – цвет, обозначения *ровная, плоская* и др. – форму поверхности, обозначения *теплая, прохладная, жаркая, знойная, холодная* и др. – температуру, обозначения *весенняя, летняя, осенняя, зимняя* – время, обозначения *безмолвная, наполненная стрекотаньем кузнечиков, трелями жаворонков, тихая* – звуки, обозначения *мертвая, зловещая, приветливая, ласковая* и др. – воздействие на эмоции человека. Образ степи на протяжении художественного дискурса романа-хроники меняется: это безбрежное снежное пространство с резкими холодными ветрами, метелями, буранами, шурганями (зимняя); согретое ласковым солнцем безграничное зеленое пространство, наполненное радостными звуками, благоухающее запахами трав, над которым – купол голубого неба (весенняя), безводное желтое пространство, обитатели которого испытывают усталость от изнуряющей жары и суховея (летняя), прохладное пространство «с глубокими и темными ночами, мягкими, нежными, задумчиво-тихими днями» (осенняя). Ценностный компонент указывает на ассоциативную связь концепта «Степь» с высшими ценностями – концептами «Человек» и «Жизнь».

2.2. Языковая репрезентация материального мира калмыков в романе-хронике «Мудрешкин сын»

В лингвокультурологии особый интерес представляет то, как представлена национальная культура в средствах другого языка. Рассмотрим категоризацию материального мира калмыков в художественном тексте писателя-билингва, в которой участвуют средства двух языков. В романе-хронике «Мудрешкин сын»

изображена жизнь калмыков разных социальных прослоек в конце XIX – начале XX вв. Русскоязычный читатель знакомится с обыденной жизнью в естественной обстановке, культурой, образом жизни, традиционным занятием калмыков. При этом основным средством обозначения материальной культуры калмыков является русский язык. Национальные лексемы вводятся при отсутствии в русской культуре обозначаемой реалии.

Жилище

В конце XIX – начале XX вв. калмыки вели кочевой образ жизни: перегоняли скот в сезонные кочевья и сами со всем хозяйством перемещались вслед за скотом. Выделялись традиционные летние, зимние кочевья. Подавляющее большинство калмыцких семей в то время проживало в кибитках. Кибитки семей, принадлежащих одному роду, располагались компактно, в пределах одного *хотона* ‘село, деревня’. При этом размещались кибитки не хаотично, а в соответствии с иерархией в системе родства: *«выбираем подходящее место и устанавливаем кибитку позади кибиток старших в роду»* [Амур-Санан 1987: 16].

В этнографической и исторической литературе довольно подробное освещение получила калмыцкая кибитка [Житецкий 1893; Нефедьев 1834; Бентковский 1868; Бадмаева 2012; Очиров 2008, 2014; Эрдниев 1985; Эрендженев 1985 и др.]. В тексте романа-хроники о кибитке упоминается в связи с описанием повседневной жизни калмыков. Так, например, выглядит типичная картина калмыцкой действительности того времени: *«На кровати лежал калмык, прикрытый овчинными шубами, а перед ним, на земле, застланной кошмой, лежала его жена с малышом, съезжившимся до последней возможности ... В прорехи со свистом дул холодный ветер, пороша мелким снегом-заметухой. В кибитке было почти так же холодно и неудобно, как и под открытым небом»* [Амур-Санан 1987: 168]. Кибитки знати выглядели иначе: «войлоки не так закопчены и всегда крепки, а вокруг меньше сору и грязи. Серо-желтоватый цвет

кибиточных войлоков указывает на примесь в них верблюжьей шерсти, что одно намекает на достаток жильца» [Бентковский 1868].

В серой кибитке бедняка родился и жил будущий писатель. Родительская юрта запомнилась Антону как холодное, темное жилище с едким запахом дыма от *аргсана* ‘кизьяк’, топлива для очага. Мебель включала лишь *укюг* ‘посудный шкаф, ларь’ и кровать, на которой спал хозяин, вечно пьяный отец. Другие члены семьи спали на полу, подстелив кошмы. По ночам маленький Антон от сильного холода не мог заснуть, прижимался к бабушке, которая теплом своего тела старалась согреть внука.

В описываемый период некоторая часть калмыков переходила на оседлый образ жизни. Это нашло отражение в тексте романа-хроники: показан как традиционный кочевой быт калмыков, так и зарождение нового образа жизни. В частности, Антон строит из самана теплую землянку с настоящей русской печкой, стены в ней были толстые, были и окна. В землянке все было не традиционно, как в закопченной родительской кибитке. Здесь был большой удобный стол, две лавки и четыре венских стула, здесь было тепло, не дымно и уютно. Вот как оценивает значение нетипичного для калмыков жилища Антон: *«Землянка имела для меня огромное значение. Это может понять лишь человек, живший в кибитке. В ней были окна, была некоторая мебель, значит, я мог читать и писать даже зимой. Вся обстановка моей землянки, несмотря на ее скудность, невольно располагала к умственному труду. Приходившие ко мне люди могли видеть книги, портреты писателей и соприкасались с чуждым им миром человеческого знания»* [Амур-Санан 1987: 79-80]. В тот период его представление «о счастье ограничивалось собственной землянкой, с которой ни в какое сравнение не шла старая закоптелая кибитка, мебелью, книгами» [Дорджиева 1987: 5]. Но это были лишь зачатки оседлой жизни.

Занятия

В тексте романа-хроники говорится о традиционных занятиях калмыков-скотоводов в разные сезоны. Обыденная жизнь рисуется во время перекочевков, трудовых будней, в непродолжительные минуты отдыха. Сезонные перекочевки иллюстрируются на примере переезда на новое кочевье после долгой зимы.

Трудовая жизнь калмыков показана во всем многообразии занятий скотоводов зимой, весной, летом, осенью. Изображается изнурительный труд бедняков, связанный с пастьбой скота во время зимней пурги, осенней слякоти, летнего зноя. Например, вот каким тяжелым был перегон скота: *«Голодным, истощенным коровам было тяжело выбираться из балок, они, спустившись вниз, сбивались с дороги и, поворачивая влево под гору, шли вдоль балки. ... матери приходилось слезать с лошади, привязывать к ней жеребенка, чтобы она не ушла, и, оставив коров, поодиночке перегонять их к тому месту, где оставила лошадь. <...> мать должна была держать корову за хвост, погонять ее и чуть не вытаскивать наверх. Иногда, обессиленные голодом и плохой дорогой, коровы ложились в снег, не хотели идти дальше, точно предпочитали смерть дальнейшим мучениям. Мать, сама едва держась на ногах, подымала их и гнала дальше»* [Амур-Санан 1987: 25]. Эту тяжелую работу выполняли женщины.

Дети тоже с детства помогали родителям, например, мальчики пасли скот. *«Трудно было восьмилетнему ребенку одному в степи пасти целое стадо – свыше полсотни коров»* [Амур-Санан 1987: 25]. Трудно было и поить скот, особенно в летний зной. Тогда на помощь к ним спешили сердобольные матери: *«и всякий раз... еще издали замечал мать, которая, несмотря на зной, приходила с ведром, чтобы помочь своему мальчику налить тяжелым ведром воду из колодца»* [Амур-Санан 1987: 27].

В разных фрагментах текста изображается тяжелая доля женщин-калмычек, их бесконечная работа по кормлению животных, уходу за ягнятами, заготовке топлива, обработке шкур, дойке коров, готовке молочных продуктов; шитье, кошмоваляние и т.д. В художественном тексте романа-хроники негативно

оценивается лень, тунеядство, пьянство мужчин, а также их праздный образ жизни. Вот как пишет об этом Амур-Санан: *«Ал-ха-на – подлинное несчастье калмыка. Живя полупраздной жизнью, он вечно слоняется из одной кибитки в другую, ведя бесконечнейшие и пустейшие разговоры: как, когда, кто и сколько угнал чужого скота, когда, чья дочь и за кого была засватана, как много было выпито водки и какая при этом была драка»* [Амур-Санан 1987: 64]. Описывая тяжелую трудовую жизнь женщин и детей из бедняцких семей, писатель негативно оценивает праздный образ жизни в целом мужчин и в особенности калмыцкой знати.

Одежда

Нас интересует национальный компонент в одежде калмыков и появление новых элементов в их костюме в описываемый период времени. В этой связи отметим, что данный текст можно рассматривать как источник и по истории калмыцкого костюма, т.к. в нем содержатся некоторые сведения о деталях женского и мужского нарядов.

В целом в романе-хронике чаще сообщается об одежде бедняков: рваной грязной одежде мужчин, лохмотьях, в которые были одеты дети. Больше внимание уделено женскому камзалу ‘жилетка’, который носили калмычки с двенадцати лет, т.к. *«среди калмычек считалось, что иметь крупную грудь – стыдно. Камзал туго стягивал грудь и не давал ей развиваться, причинял сильную боль, мешал свободному дыханию, что губительно отражалось на здоровье женщин. Под руководством доктора Залкинда был разработан новый женский костюм в виде свободного с кокеткой платья, слегка суживающегося в перехваченной поясом талии и свободно спускающегося ниже икр»* [Амур-Санан 1987: 174]. Как пишет автор, внедрение нового костюма было проведено вполне в духе революционного времени. Во время женского съезда девушки *«переоделись в новые костюмы, а старые камзалы были при дружном пении «Интернационала» сожжены»* [Амур-Санан 1987: 175]. Этот акт символизировал борьбу со старым

укладом и победу новой жизни, это было уничтожение не просто *камзала*, вредного для женского здоровья, но вековых предрассудков.

Говоря о бабушке Алдэ, автор упоминает о платке ‘*альчур*’, детали женского костюма: «*она всегда развязывала платок, который обычно калмычки носят у пояса, и доставала оттуда кусочек хлеба или какое-нибудь лакомство для меня*» [Амур-Санан 1987: 21]. *Альчур* на поясе не носят современные калмычки, как не надевают и *камзал*. Таким образом, данный художественный текст важен и с исторической точки зрения, поскольку в нем сообщается о деталях женского костюма, которые в настоящее время утрачены.

В тексте не дается подробное описание мужского костюма, но можно отметить некоторые особенности, например, восприятие калмыцкой шапки русскими жителями станции Тихорецкой: «*На мне была шапка – меховой малахай, а сверху нашта красная шишечка как отличительный знак нашей буддийской секты. Всем было странно видеть нас. Обступили и смотрели, как на зверей. Мне стало неловко. Я не мог есть*» [Амур-Санан 1987: 43]. Отметим, что в наши дни возрождается традиция носить национальный мужской головной убор с красной кисточкой как отличительным знаком калмыков.

В художественном тексте говорится о деталях костюма князя Гахаева, Лидже Бугинова, деятелей советской Калмыкии, по которым можно заключить, что состоятельная и образованная часть калмыков в описываемый период носила не национальную, а европейскую одежду (костюмы, галстуки, шляпы). Кроме того, некоторые (большевики) носили кожанки, картузы.

Интерес представляет информация о нетрадиционной, новой одежде мужчин. Так, когда Антон вернулся домой после работы у князя Гахаева, его одежда (*пиджак, рубашка, брюки, ботинки, подаренные князем*) поразила земляков: «*Эта городская одежда сразу обратила на меня общее внимание, а великолепный, на блестящей шелковой подкладке, гахаевский пиджак невольно заставлял относиться к обладателю его с известным почтением. Мои мягкие с отложными*

воротниками и галстуками рубашки приглянулись кое-кому, и любящие принарядиться молодые люди стали мне подражать» [Амур-Санан 1987: 65]. Один молодой человек обратился к Антону с вопросом, почему его недавно купленный галстук превратился в тряпку. На что тот ответил, что необходимо держать в чистоте свое тело: надо умываться и чаще мыть не только лицо и руки, но и все тело. В то время степняки, не имея возможности мыться, следовали поговорке «*киртэ кун – кишкэтэ*» ‘грязный тоже счастливый’.

Пища

В художественном тексте романа-хроники содержится информация и о пище калмыков. Судя по тексту, рацион калмыков того времени был скуден, представлен мясомолочными продуктами (мясом, чаем, *чигяном*, *буданом*), при этом у бедняков и мясо, и молоко в зимнее время были редкостью. Так как кочевники не занимались земледелием, в рационе не было хлеба, фруктов, овощей. По воспоминаниям автора, около его пастбища проходила дорога, по которой ездили русские крестьяне. У них иногда можно было выпросить кусочек хлеба, выкрикивая два русских слова, которые он знал: «*Дай хлеба, дай хлеба!*». Хлеб был большой редкостью; если Антону удавалось выпросить у крестьян хлеб, счастливый, он гордо говорил матери: «*Сегодня я ел хлеб*».

Хотя калмыки занимались скотоводством, но, судя по тексту романа-хроники, мясо было большой редкостью в рационе бедняков. Автор описывает картину семейного ужина следующим образом: «*Мясо съедал обычно отец, а матери и мне с бабушкой давал по маленькому кусочку, причем настаивал, чтобы я как можно медленнее ел и дольше жевал*» [Амур-Санан 1987: 27].

В бедных семьях завтракали не *джомбой* ‘чай с молоком и маслом’, а черным чаем без молока, летом – *чигяном* ‘взболтанное кислое молоко’, которое пили для того, чтобы освежиться. Набор блюд был скуден: «*обед и ужин большей частью состояли из будана. Обычно клали в котел несколько небольших кусочков мяса и*

варили. Когда жидкость закипала, туда сыпали муку и размешивали. Если муки сыпали мало, это было супом, больше – кашей» [Амур-Санан 1987: 27].

Большое внимание в тексте романа-хроники автор уделяет *араке* ‘водка, приготовляемая из коровьего или кобыльего молока’, которую варили летом. Автор с болью пишет о том, что у калмыков без араки не обходилось ни одно важное событие. На поминках, похоронах, сватовстве, посещении родственников и т.д. пили араку. А так как у бедняков было мало коров и не было достаточного количества араки, то они вынуждены были собирать араку по хотону, но *«с трудом собранную араку разом уничтожает множество гостей, выражая при этом недовольство тем, что араки мало»* [Амур-Санан 1987: 72].

Автор негативно оценивает употребление араки, называя ее проклятьем. Судя по изложению, в тот период употребление араки имело большое распространение среди калмыков.

В начале XX в. часть калмыков постепенно начинает приобщаться к русской кухне: *«...мне пришла в голову мысль сделать кухню орудием пропаганды хотя бы материальной культуры среди моих земляков. “Хорошо?” – спрашивал я своего гостя, когда видел, что глаза посетителя становились масляными и им овладевало приятное чувство тепла и сытости... А если хорошо, почему не варишь борща? Почему не разводишь огорода? Почему не пашешь?»* [Амур-Санан 1987: 83]. Как известно, этот с трудом начинавшийся в начале XX в. процесс расширения рациона калмыков, ускорился в последующие годы.

Итак, отдельные ремарки, эпизоды создают представление о традиционной культуре калмыков, а также о заимствовании ими отдельных элементов русской и европейской культуры в данный период времени. Описание материальной культуры калмыков строится на базе русского языка. С этой целью используется лексика, связанная с материальной культурой: *кибитка, кровать, постель, изба, стол, стулья, печь, окна* и др. (жилище); *перегон скота, дойка, пастьба, стрижка, кошмоваляние* и др. (занятие); *костюм, рубашка, платье, пиджак,*

сапоги, галстук, шапка и др. (одежда); *чай, суп, каша, хлеб, мясо, молоко, овощи* и др. (пища). Для обозначения элементов культуры, не имеющих номинаций в русском языке, автор использует национальные единицы, например: *баран* ‘комод, ящик, скарб’, *джомба* ‘чай с молоком и маслом’, *арака* ‘молочная водка’, *будан* ‘каша’, *чигян* ‘кислое молоко’, *камзал* ‘жилетка, камзол’, *махла* ‘шапка с красной кисточкой’ и т.п.

2.3. Духовный мир калмыков и его языковая репрезентация в романе-хронике «Мудрешкин сын»

В художественном тексте романа-хроники содержится информация о духовном мире калмыков: обычаях, обрядах, верованиях, поверьях, поведении, привычках и т.п. При описании элементов духовной культуры калмыков используются средства русского и калмыцкого языков. При этом основные сведения приводятся на русском языке, калмыцкие языковые элементы вводятся для создания национального колорита и передачи лингвокультурных реалий, не имеющих эквивалентов в русской лингвокультуре.

Обряды

Шюр

В самом начале повествования автор знакомит читателя с обрядом очищения огнем (*шюр*). При этом в тексте дается этническое название обряда, а его содержание раскрывается разноуровневыми средствами русского языка: *шюр* калмыки проводят при перекочевке на новое место. «*Впереди по краям дороги, в нескольких сажнях друг от друга мать раскладывает два костра. Когда они разгораются, бросает в них по горсточке соли. Между кострами прогоняется весь скот. ... После стада между кострами медленно проходит наша кибитка, и мы гурьбой плетемся за ней*» [Амур-Санан 1987: 16]. Назначение обряда сводится к освобождению от нечисти, которая накопилась за зиму, «защите людей, дома,

домашнего скота от стихийных бедствий, тяжелых болезней» [Сарангаева 2009: 80].

Огонь участвует в обряде не случайно, т.к. *«огонь у калмыков – самое чистое, что есть на свете; огонь очищает все. Отсюда и родился обычай при всяком начинании, переселении устраивать шюр. За зиму завелось немало всякой нечисти; через огонь эта нечистая сила не пройдет, и таким образом можно освободиться от нее. «Сгинь, пропади, нечистая сила!» – говорят калмыки в таких случаях»* [Амур-Санан 1987: 16]. Среди современных калмыков огонь так же связывается с семантикой очищения, например, обряд очищения огнем проводится после посещения *бузр хазр* ‘грязных мест’, например, кладбища. Такую же очистительную семантику имеет и сжигание старых вещей, в которых, по поверьям калмыков, скапливается негативная энергия.

Большое внимание автор уделяет свадебному обряду калмыков, который довольно подробно изучен в исторической и этнографической литературе, часто цитирующей текст романа-хроники как источник знаний по данному вопросу [Ользеева 2007; Шараева 2010; Эрдниев 1985 и др.].

Яслга

Обряд *яслга* ‘справление’, как пишет автор, в жизни калмыка играет огромную роль: *«женится ли он, родится ли у него ребенок, болен ли кто из членов семьи или умирает – обязательно делается яслга. Если у калмыка нет сына или рождающиеся сыновья умирают, бездетные супруги делают большой и дорогостоящий яслга, называемый «абдрин керег» ‘сундучное дело’.* Действительно, *гелюнги* в это время забирают у калмыка не только его баранов, лошадей и коров, но и то, что есть в сундуках» [Амур-Санан 1987: 63]. Как видим, автор разъясняет обозначенные безэквивалентными лексемами элементы этнической культуры калмыков, которые не знакомы русскоязычному читателю. Отметим, что обряд заключается в том, что *гелюнги* ‘буддийские монахи’ читают молитвы, направленные на сохранение имущества членов семьи, устранение

препятствий, мешающих здоровью, счастливой жизни, при этом делаются подношения деньгами, одеждой, отрезами ткани, скотом и т.п. Он культивируется и среди современных калмыков, осмысливается как обряд устранения наносящих вред человеку негативных явлений.

Хадмлхн

Калмыцкому обычаю *хадмлхн* ‘табу, запрет замужней женщине произносить имена старших родственников мужа’ посвящена обширная научная литература [например, Аалто 1961; Биткеева 2016 и др.]. Текст романа-хроники можно рассматривать как источник ценной информации и по данному, ставшему уже историей обычаю калмыков. По поводу данного обычая прозаик пишет: *«На другой день замужества калмычка, под страхом тягчайшего наказания в загробном мире и сурового общественного осуждения в этом, теряет право произносить имена старших в роду ее мужа. Если кто-нибудь младший из рода или просто чужой носит тождественное имя с представителем “хадма”, то калмычка называет его как-нибудь иначе, искажая его имя, но ни в коем случае не называя точно»* [Амур-Санан 1987: 62]. В художественном тексте романа-хроники *хадма* является лексико-семантическим маркером гендерной особенности калмыцкого общества: обычай соблюдали только женщины, выражая почтительное отношение к мужчинам. Из-за соблюдения обычая речь замужней калмычки заметно отличалась от речи мужчин, что дало основание некоторым авторам говорить о «существовании своеобразного женского языка» [Аалто 1961].

Семейная этика

В художественном тексте в описаниях семейных взаимоотношений присутствуют представления о семейной этике калмыков, согласно которой главой семьи признается отец, каким бы жалким он ни был. Поэтому и жена, и дети подчиняются отцу. Такой закон существовал и в семье Антона. Как бы Мудре ни мучил членов семьи, ни пропивал деньги, все поддерживали его высокий статус главы семьи: не перечили, беспрекословно подчинялись; только он спал на кровати,

остальные – на полу, только он ел мясо, остальные – огрызки. В художественном тексте функция описаний взаимоотношений супругов заключается в создании калмыцкой национальной картины мира. Фрагменты текста создают представление об отношениях супругов в традиционной калмыцкой семье. Так, обычно супруг, *«не вставая, освобождает из-под лежащих на нем шуб ногу и с размаху ударяет жену: “Босс! Вставай!”*. Потом быстро прячет ногу под шубу и, повернувшись, опять засыпает. Когда чай готов, жена осторожно будит: *“Вставайте, чай Ваш готов”*» [Амур-Санан 1987: 64]. Такой порядок был заведен в семьях калмыков, поскольку женщина в патриархальном калмыцком обществе полностью зависела от отца, братьев, а после замужества – мужа и его родственников. Тяжелое положение женщины освещается в разных главах романа-хроники.

Говоря об отношениях в калмыцких семьях, автор пишет о том, что продолжателем рода считается сын, который должен *«провозглашать имя отца»*, а *«неимение сына считается несчастьем»*, что свидетельствует о патриархальности калмыцкого общества, ориентированного на главенство мужчин.

В художественном тексте романа-хроники среди иноязычных включений заметное место занимает существительное *оруд* ‘вошедший, чужой’, объясняющее положение членов семьи Антона и отношение к ним посторонних: отец Антона, Мудре, был *орудом*, отпрыском по женской линии, который, хотя и считался родственником богатым родичам, но *«чужой кости»*. Из-за орудства семья Мудре подвергалась унижениям и оскорблениям: *«за своего можно и должно заступиться. Не то, конечно, “чужая кость”*» [Амур-Санан 1987: 18]. Автор с горечью пишет: *«Мы были чужими среди чужих людей. Не было среди нас ни одного эврэ кюна – своего человека»* [Амур-Санан 1987: 28].

В художественном пространстве романа-хроники словосочетания *эврэ кюн* ‘свой человек’ и *кююня кюн* ‘чужой человек’ можно рассматривать в качестве лексико-семантических маркеров особенности организации калмыцкого общества,

которое построено на противопоставлении «свой-чужой». По мнению автора, понятия *эврэ* и *кююня* являются порождением родового строя, в котором «*эвря кюн*» – люди одной кости, находящиеся под защитой рода, а «*кююня кюн*» – это чужие, на которых не распространяется покровительство рода. За *кююня кюн*, *орудов* некому заступиться, никто не скажет ни одного «*теплого слова*» в их защиту. Испытав все тяготы жизни оруды, Антон приходит к мысли о необходимости борьбы с родовизмом.

Наречение именем

Художественный текст романа-хроники отражает и такой пласт культуры калмыков, как система личных имен, которая исторически формировалась под влиянием разных культур: тибетской, санскритской, китайской, русской, европейской. Однако калмыцкий именовослов в первую очередь отражает особенности духовной культуры калмыков, их верования. В частности, многие калмыцкие имена возникли под влиянием обычая *хадмлхн*: «*если старшего родственника мужа звали Санджи, она называла его Анджи, соответственно: Манджи – Шибэ, Цаган – Гилян, Эренцен – Энчи и т.д.*» [Шалхаков 1982: 58].

Об особенностях речи женщины, соблюдающей обычай *хадмлхн*, А.М. Амур-Санан пишет следующее: «*Жил калмык по имени Галун – Гусь, разумеется, и калмычка, не имевшая права произносить его имя как старшего в роде мужа. И вот однажды, угощая по обычаю, с пением гостей водкой, она должна была обойти слово “гусь”. Что же получилось? “Птица, которая носит имя зятя старшего брата, т.е. мужа старшей сестры мужа”* [Амур-Санан 1987: 56].

Имена собственные, использованные в данном художественном тексте, реализуют лингвокультурологическую функцию, например, передают сведения о традициях калмыков в наречении именем: «*У калмыков заведено давать имена, употребляя названия каких угодно понятий, предметов, кличек, прозвищ, существ природы... Например: Хар – Черный, Наран – Солнце, Тула – Заяц, Бурхэ – Прореха,*

Аргсан – Кизяк. Мне лично известны калмыки Сосунок Сивухинов, Болячка Карманов» [Амур-Санан 1987: 62].

Говоря о своем имени, автор сообщает о влиянии буддизма на наречение именем младенцев следующее: *«родители мои были калмыки-буддисты, все дети, родившиеся у них до меня, умирали. Тогда, по известному у нас поверью, решено было просить какого-нибудь многосемейного русского хуторянина быть приемником ребенка ... меня назвали Антоном. Поверье на этот раз оправдалось, и я остался жить» [Амур-Санан 1987: 23].* Если же новорожденный после наречения его именем заболел, совершался обряд отречения от имени и больному давали новое имя. По свидетельству Н. Нефедьева, *«зайсанг Церен Дорджи (бывший Башу Насун) ... своим выздоровлением обязан тому, что изменил свое имя» [Нефедьев 1834: 230].*

Поведение

Определенный интерес представляют фрагменты текста, описывающие внешний вид, поведение мужчин и женщин. Так, автор сообщает о том, что *«у калмыков-мужчин левое ухо считается привилегированным» [Амур-Санан 1987: 45], «женщины, по обычаю, раскуривают трубки и подносят гостям» [Амур-Санан 1987: 19], «а молодая сноха с песнями разносит гостям чашки с водкой, раскуривает и раздает трубки и всячески ухаживает за ними; почтение к старшим – это одна из основных добродетелей калмыка» [Амур-Санан 1987: 59].* Автор высоко оценивает способности калмыка-всадника. Например, отмечает, что, *«когда калмык идет пешком, он скорее споткнется и упадет. Плохие пешеходы преображаются верхом на коне. Человек может сорваться с коня, только если лошадь делает свечку, становится на дыбы и при этом порвутся поводья, или же на полном скаку лопнет подпруга, или же лошадь перевернется через голову. При обычном положении калмык с лошади никогда не падает» [Амур-Санан 1987: 158].* Все эти описания, а также текстовые пояснения вводят иноязычного читателя в мир калмыцкой культуры.

Представление о правилах поведения в чужом доме, «вежливости-невежливости» русскоязычный читатель получает из следующего эпизода: *«Без хозяев, хотя и очень голодный, Бадгэ не хотел прикоснуться к еде, т.к., по калмыцким понятиям, это считалось совершенно неприличным и неделикатным ... отец рассказывал про своего приятеля Бадгэ, какой он тонкий, деликатный человек, и как из-за своей калмыцкой порядочности он целый день сидел у нас голодный»* [Амур-Санан 1987: 184]. В данном контексте, как и во многих других, поведение гостя в чужом доме излагается через средства русского языка, указание на иноязычность дается через вводную конструкцию *по калмыцким понятиям* и имя собственное *Бадгэ*.

Жесты

Картина мира калмыков в русском тексте воссоздается и через описание жестов, характерных для этнокультуры калмыков. При этом в тексте может приводиться калмыцкое обозначение жеста и его пояснение на русском языке: *«ул заах – показать кому-либо подошву, поднеся ее к самому носу сидящего»* [Амур-Санан 1987: 105]. Данный жест применялся для оскорбления человека [Пюрбеев 1982, Артаев 2020], среди современных калмыков не используется.

В тексте описывается следующий приветственный жест: *«Самый старый из калмыков поднял обычным жестом приветствия правую руку, сжал ее в кулак и недолго продержал на уровне подбородка. Сидя на верблюдах, мы ответили тем же жестом»* [Амур-Санан 1987: 148]. В тексте не приводится калмыцкая номинация данного жеста, который так же уже не используется в коммуникации современных калмыков [Артаев 2020], в связи с чем усиливается историко-культурологическое значение романа-хроники А.М. Амур-Санана. В тексте сообщается о почитании калмыками неба: *«он поднял руки к темному небу»* [Амур-Санан 1987: 145], однако не приводится национальное название жеста *намчлһн*.

Представления

В тексте романа-хроники содержатся сведения о представлениях калмыков о душе: *«Очутившись в безвыходном положении, калмыки говорят: “Надо взять душу в руки”. По поверью калмыков, “душа трепетна, как лань, труслива, как заяц. Чтобы удержать ее на месте, а ведь без души не проживешь, – нужно схватиться за нее по крайней мере двумя руками”»* [Амур-Санан 1987: 152]. В художественном тексте описание представления калмыков о душе строится на русском языке, отнесенность его к культуре калмыков дается через пояснения *калмыки говорят, по поверью калмыков*. Следует отметить, что концепт «Душа» детально изучен в работах лингвистов, которые опираются на художественный текст А.М. Амур-Санана [например, Пюрбеев 2015].

В романе-хронике приводится информация о представлении калмыков о счастливых и несчастных днях: *«...нас стали удерживать, потому что был несчастный, так называемый “путаный” день. В этот день, по калмыцким поверьям, нечистый дух Тушу получает большую власть: он путает людям дорогу, обращается в огромного чернолысого быка, бросается на едущих, опрокидывает их и давит»* [Амур-Санан 1987: 29]. Так и случилось: украли лошадь, вышло по поверью. В тексте приводится перевод калмыцкого обозначения несчастного дня (*тушута*, образованного от имени собственного *Тушу* с помощью аффикса *-та*) – ‘путаный’, а приведенное на русском языке текстовое пояснение раскрывает содержание представления.

В художественном тексте отмечены интересные метеорологические представления калмыков, которые очень важны для скотоводов, поскольку вся их трудовая и повседневная жизнь зависит от колебаний погоды: *«Черные всклокоченные, лохматые тучи плыли, заслоняя жаркое солнце. Такой день с заслоняющими солнце тучами называется по-калмыцки “чатыртэ” – “день с зонтиком”»* [Амур-Санан 1987: 192]. Отметим, что в тексте даны калмыцкое обозначение дня “чатыртэ”, которое вводится словосочетанием *называется по-калмыцки*, его перевод на русский язык “день с зонтиком” и описание на русском

языке. Все это органично вводит русскоязычного читателя в мир кочевой культуры степняков.

В тексте романа-хроники приводятся сведения о калмыцком календаре: «...каждый месяц у калмыков имеет свое название: укюр – корова; бар – барс; тула – заяц; лу – дракон; мога – змея; мерн – лошадь; хён – овца; мечн – обезьяна; така – курица; ноха – собака; гаха – свинья; хулгн – мышь. Под этими же названиями чередуются и годы» [Амур-Санан 1987: 59]. При этом все названия месяцев даны на калмыцком языке с переводом на русский язык. Национальные обозначения вводятся предложением *каждый месяц у калмыков имеет свое название*.

Важны содержащиеся в тексте описания представления калмыков о совместимости людей: «...зная, в какие годы родились жених и невеста, зурхаче определяет, подходят ли они друг другу» [Амур-Санан 1987: 59]. В контексте используется национальное обозначение *зурхаче* без перевода на русский язык (астролог). Современные калмыки так же стараются учитывать астрологическую совместимость жениха и невесты. Если же выявляется их несовместимость, то с помощью специального обряда устраняются препятствия.

По тексту романа-хроники читатель знакомится с символикой чисел калмыков, например, узнает, что «семь – несчастное число. Может, поехало бы нас шестеро, а не семеро, не было бы несчастья» [Амур-Санан 1987: 19].

Итак, в романе-хронике «Мудрешкин сын» разноуровневые средства русского языка используются для репрезентации духовной культуры калмыков, представлений народа о понятиях «свой-чужой», «счастье-несчастье», «прилично-неприлично», «вежливо-невежливо». Отдельные фрагменты текста включают детали этикета, поведения, обрядов, обычаев, поверий, жестов, календаря, семейной этики калмыков рубежа XIX – XX вв. В тексте для передачи культурных смыслов, не имеющих в русском языке эквивалентных обозначений, используются калмыцкие единицы (*шюр, хадмлхн, яслга, абдрин керег, оруд, ул*

заах, чатыртэ и т.д.), которые органично вводятся в контекст пояснениями как *верят калмыки, называется по-калмыцки, по калмыцким поверьям* и т.п. Роман-хроника знакомит читателя с некоторыми обычаями и обрядами калмыков, которые в наши дни не культивируются. Налицо историко-культурная ценность художественного дискурса романа-хроники, зафиксировавшего бытование этнической культуры на рубеже XIX и XX вв.

2.4. Передача национально-специфических особенностей картины мира калмыков средствами русского языка

Ниже рассмотрим то, как передаются национальные особенности мира калмыков в средствах русского языка на примере глаголов речи. Данная группа лексики довольно информативна, т.к. передает особенности голоса, интенсивность, экспрессивность, характер протекания речи в тот или иной момент, эмоциональное состояние говорящего лица, его отношение к происходящему и участникам коммуникации, т.е. их функция заключается в характеристике персонажей и ситуации, в которой происходит действие.

Анализ показал, что арсенал глаголов речи, использующихся в романе-хронике, небольшой. Данная группа глаголов чаще всего употребляется для характеристики персонажей, их взаимоотношений, выражения самых разных отношений к событиям, персонажам, ситуации и т.п. В художественном тексте чаще всего употребляются нейтральные глаголы речи: *«говорить»*, *«ответить»*, *«сказать»*, *«спросить»* и т.д. Так как нас интересует то, как через русские глаголы речи передаются особенности общения, поведения, мироощущения калмыков, нами были рассмотрены контексты, в которых встречаются все глаголы речи.

Глаголы речи, использующиеся в романе-хронике, условно можно объединить в две группы с точки зрения интенсивности речи. В первую группу входят глаголы речи с семой 'невысокая интенсивность': *«Отец мой, робко сняв*

шапку, весь съезжившись, испуганно вышел из толпы и промолвил: “Ваше сиятельство, я тут!”» [Амур-Санан 1987: 74]; «...отец робко хотел доложить, разъяснить» [Амур-Санан 1987: 74]. Такие глаголы, как правило, используются для характеристики речи, поведения бедняков, в том числе Антона и его отца, бедняка-оруда.

Холодное, безразличное отношение знати к бедным, нежелание принимать участие в их судьбе иллюстрирует следующий фрагмент: «Нет, – равнодушно ответили родичи, – кажется, отец бил ее опять, а куда делась – не знаем» [Амур-Санан 1987: 27]. В данном эпизоде отношение родичей к Антону и его матери определяется сословным неравенством действующих лиц, а не их кровнородственными связями, что передается словосочетанием «равнодушно ответили».

Вторую группу образуют глаголы речи, в семантике которых присутствует значение ‘повышенная интенсивность’. Такие глаголы в основном употребляются для характеристики поступков, поведения не бедняков, а представителей знати (например, *нойонов*), а также бывших бедняков, получивших права после революции. Это глаголы «кричать», «орать», «восклицать», «рычать» и их дериваты. Чаще всего из глаголов речи со значением ‘повышенная интенсивность’ в произведении употребляются глагол «кричать» и его производные: «А, старая собака, ты все еще коноводишь! – закричал он (нойон) и замахнулся. Нойон в ярости закричал: «Не смей шевелиться!» [Амур-Санан 1987: 48]; «Чабан! – гневно и весь побагровев крикнул он» [Амур-Санан 1987: 65]; «Он стал еще громче и яростнее кричать. “Встать! – во всю силу легких закричал он”» [Амур-Санан 1987: 89]; «При этом я так сильно кричал, что мой голос, казалось мне, буквально покрывал звериный вой толпы людей, оравших вокруг меня с налившимися кровью глазами и лезших на меня с наганами и винтовками, тесня друг друга. А я все кричал, ругался и требовал начальника» [Амур-Санан 1987: 193]. Как видно из приведенных примеров, для усиления воздействия на чувства читателей автор

сопровождает глаголы речи наречиями и устойчивыми оборотами речи. В одном контексте могут использоваться слова, характеризующие речь, и бранная лексика. Например: «...меня встретили враждебным гулом и криком “Сволочи!”» [Амур-Санан 1987: 121].

Для характеристики персонажей, их поступков, состояния, поведения используются не только глаголы речи с значением ‘повышенная интенсивность’, но и слова и выражения из калмыцкого языка, в том числе бранные: «Когда его стали увозить, он встал на линейку и, грозно потрясая в сторону неприятеля кулаком уцелевшей руки, прокричал: “Экен алдмур, танда уюзюльхев би!” (Мать, мать... Я еще покажу вам, как нужно стрелять!)» [Амур-Санан 1987: 165].

В романе-хронике для передачи эмоционального состояния персонажа нередко употребляется глагол «воскликнуть»: «Он вскинул глаза и почти с отчаянием воскликнул: “Да, не вышло у нас свободного времени, чтобы поговорить о народе!”» [Амур-Санан 1987: 144].

О повышенной эмоциональности, возбужденном состоянии действующих лиц свидетельствуют и риторические вопросы и восклицания, оценочные и бранные слова, вложенные в уста персонажа. Например: «Маслов сжал кулаки и тут же за калиткой воскликнул: “Что же это такое?! И кто эти люди? Собаки, подлые твари!”» [Амур-Санан 1987: 145].

Для передачи чувств, переживаемых действующими лицами в том или ином эпизоде, автор дает характеристику голоса. Например: «Голосом, несколько хриплым от удивления, калмык азартно по-русски воскликнул: “Ох, оказывается, тут очень важные дела!”» [Амур-Санан 1987: 150]; «Убрать? – не своим голосом спросил он меня» [Амур-Санан 1987: 101].

Глагол «рычать» и его дериваты в тексте используются для обозначения грубого крика, чаще всего с неодобрительной коннотацией: «Эренджен Шарманджиев в бессильной злобе зарычал» [Амур-Санан 1987: 108].

В создании калмыцкой национальной картины мира большую нагрузку несут лексические средства выражения умолчания. Эти средства, как правило, используются для передачи тяжелого, бесправного положения калмыков-бедняков, например: *«Мы молча шли к себе»* [Амур-Санан 1987: 28]. Кроме того, они используются для обозначения крайне эмоционального состояния героев: *«изумился до немоты»* [Амур-Санан 1987: 101], а также передачи одобрения, поддержки: *«Их лица были обветрены, но выглядели свежо, отдохнувшими, хотя в глазах притаилась тревога и настороженность. Они подолгу задерживали ладони и с ласковым видом помалкивали»* [Амур-Санан 1987: 143]. По нашему мнению, эти средства также передают национальную специфику общения калмыков, немногословность, сдержанность.

Как известно, кровнородственные связи важны для калмыков, т.к. обеспечивают поддержку, помощь члену сообщества. В художественном тексте романа-хроники говорится о том, что по отношению к бедным традиции родства, уважения, почитания не соблюдаются: *«... ее, как приписанную к роду, так же мало уважали и так же унижали, как и моего отца, – даже больше, потому что она была женщиной, то есть полное ничтожество»* [Амур-Санан 1987: 24]. Эта особенность калмыцкого социума в романе передается через фигуру умолчания: *«... мы... не упоминали о тетушке Ботохэ: ведь это такое ничтожество, о котором настоящим кровным представителям рода и говорить стыдно»* [Амур-Санан 1987: 24]. Сами бедняки так же прибегают к умолчанию: *«Мы тоже ... не называли имени тетушки»* [Амур-Санан 1987: 24].

В романе-хронике упоминается о непрямой коммуникации, тактике избегания: *«Уже в раннем детстве я узнал печальную необходимость избегать прямых ответов. На вопросы о своем происхождении я предпочитал смущенно молчать, когда заходила речь о моем роде. Ведь я был орудом, а орудю можно обидеть, оскорбить, побить»* [Амур-Санан 1987: 18].

Говоря о роли глаголов речи в изображении картины мира калмыков, обратим внимание на речевой этикет. В ситуации знакомства у калмыков принято спрашивать, к какому роду человек принадлежит, с кем находится в родстве [Хабунова 2010; Артаев 2020]. В рассматриваемом художественном тексте с помощью глаголов речи показано, что по отношению к беднякам эта стратегия установления контакта используется с целью унижения: «*А ну скажи, кто твой дед? – снова спрашивали с усмешкой*» [Амур-Санан 1987: 18].

В романе-хронике, помимо глаголов речи, для передачи отношений людей нередко используются междометия из русского и калмыцкого языков. В частности, они употребляются для передачи насмешек, которым подвергаются бедняки: «*Что ж, две-три шубы найдутся. Ха-ха-ха! Да, пожалуй, и провожатых не менее двух-трех наберем. Ха-ха-ха!*» [Амур-Санан 1987: 65]. Чувство досады, боли передают калмыцкие междометия: «*Жена заахала, заахала: “Ях, ях, ях!”*» [Амур-Санан 1987: 168].

Таким образом, средства русского и калмыцкого языков создают картину мира калмыков рубежа XIX – XX вв. Достоверная калмыцкая действительность описываемого исторического периода, взаимоотношения людей в калмыцком обществе и семье передаются через глаголы речи. Глаголы речи с семой ‘пониженная интенсивность’ характеризуют представителей калмыцкой бедноты, в то время как для характеристики представителей знати и бывших бедняков, после революции получивших власть, употребляются глаголы речи с семой ‘повышенная интенсивность’. Средства обозначения умолчания, жестов, а также междометия, национальные слова, стратегии речевого этикета создают панораму калмыцкой жизни рассматриваемой исторической эпохи.

Выводы по Главе II.

1. В художественном тексте романа-хроники «Мудрешкин сын» концепт «Степь» характеризуется рядом признаков. В понятийном аспекте: безводное ровное пространство с сухим климатом. В образном плане: обозначения *просторная, обширная, бесконечная, безбрежная* и т.д. указывают на размер, обозначения *зеленая, серая, белая, снежная, желтая, черная* и др. – цвет, обозначения *ровная, плоская* и др. – форму поверхности, обозначения *мертвая, зловещая, приветливая, ласковая* и др. – воздействие на эмоции человека, обозначения *теплая, прохладная, жаркая, знойная, холодная* и др. – температурную характеристику, обозначения *весенняя, летняя, осенняя, зимняя* – временную характеристику, обозначения *безмолвная, наполненная стрекотаньем кузнечиков, трелями жаворонков, тихая* – звуковую характеристику концепта «Степь». Образ степи в пространстве художественного дискурса романа-хроники меняется: это безбрежное снежное пространство с резкими холодными ветрами, метелями, буранами, шурганями (зимняя); согретое ласковым солнцем безграничное зеленое пространство, наполненное радостными звуками, благоухающее запахами трав (весенняя), безводное желтое пространство, обитатели которого испытывают усталость от изнуряющей жары и суховеев (летняя), прохладное пространство «с глубокими и темными ночами, мягкими, нежными, задумчиво-тихими днями» (осенняя). Ценностный компонент указывает на ассоциативную связь концепта «Степь» с высшими ценностями – концептами «Человек» и «Жизнь».

2. Категоризация действительности в картине мира степного народа, воссозданная средствами русского и калмыцкого языков, является результатом художественного билингвизма писателя. Через средства русского и калмыцкого языков создается картина мира калмыков описываемой эпохи: материальная (жилище, пища, одежда, занятия) и духовная культура этноса (календарь, обряды,

обычай, поверья, семейная этика, коммуникативное поведение, представления о понятиях «свой-чужой», «счастье-несчастье», «прилично-неприлично», «вежливо-невежливо»).

3. Достоверная калмыцкая действительность описываемого исторического периода, взаимоотношения людей в калмыцком обществе и семье передаются через разнообразные языковые средства, в том числе через глаголы речи. Глаголы речи с семой 'пониженная интенсивность' характеризуют представителей калмыцкой бедноты, в то время как для характеристики представителей знати и бывших бедняков, после революции получивших власть, употребляются глаголы речи с семой 'повышенная интенсивность'. Средства обозначения умолчания, жестов, а также междометия, национальные слова, средства речевого этикета свидетельствуют о характере коммуникации калмыков, создают реалистическую картину взаимоотношений членов калмыцкого общества рассматриваемой исторической эпохи.

ГЛАВА III. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ТИПАЖЕЙ В РОМАНЕ-ХРОНИКЕ «МУДРЕШКИН СЫН»

В лингвокультурологии большое внимание уделяется изучению лингвокультурных типов, «обобщенных образов людей, чье поведение и ценностные ориентиры являются индикаторами этнического и социального своеобразия общества в тот или иной период его развития» [Аксиологическая лингвистика 2005: 2; Карасик, Дмитриева 2005: 23]. В последние годы были выделены и описаны типы «кочевник» [Сарангаева 2009], «аристократ» [Босчаева 2009] и др. в калмыцкой лингвокультуре. Дальнейшие исследования в данной области позволят выделить лингвокультурные типы, которые отражают специфику калмыцкого социума в тот или иной период его развития, а материал художественного произведения даст возможность проследить дискурсивную реализацию типа.

В данной главе будут изложены результаты анализа дискурсивной реализации в романе-хронике «Мудрешкин сын» лингвокультурных типов калмыков, значимых для калмыцкого социума описываемой эпохи.

В калмыцком обществе конца XIX – начала XX вв. историки выделяют следующие социальные слои: «знать (нойоны, зайсанги), простолюдины, духовенство» [Команджаев 2000: 10]. На основе лингвокультурологического анализа текста романа-хроники «Мудрешкин сын» нами выделены типы «хар ян», «цаган ян», «калмыцкий интеллигент», «мать», «женщина-хар ян». Основанием для выделения типов послужили их понятийные, образные, ценностные характеристики, которые отражают своеобразие калмыцкого общества конца XIX – начала XX вв. Понятийное содержание, которое обуславливает образные и ценностные характеристики типов, сводится к наличию или отсутствию состояния, которое у калмыков-скотоводов, как у всех монгольских кочевников, определялось размером земли и количеством скота [Владимирцов 1934]. Цветовая метафора калмыцкого обозначения типов

цаган ясн ('белая кость' – богатый) и *хар ясн* ('черная кость' – бедный) отсылает к семантике белого цвета как «счастливого, сакрального» и черного как «несчастливого, профанного» [Жуковская 1988: 160].

3.1. Лингвокультурный типаж «калмыцкий интеллигент» в романе-хронике «Мудрешкин сын»

В тексте романа-хроники «Мудрешкин сын» мужскими действующими лицами являются главный герой (рассказчик, А.М. Амур-Санан) и персонажи второго плана: Мудра, зайсанги, нойоны, старики и др. Их с учетом признаков, составляющих понятийный, образный и ценностный компоненты, можно объединить в лингвокультурные типажи «хар ясн» и «цаган ясн». Основанием для типизации служат речь, поведение, поступки, переживания, жесты и т.д., которые свойственны всем представителям типажа и являются индикаторами их социальной общности.

По нашему мнению, Антон является воплощением нового типажа калмыцкой лингвокультуры – «калмыцкий интеллигент». Ниже рассмотрим дискурсивную реализацию данного типажа. На основании анализа речи, мыслей, поведения, поступков, чувств, переживаний Антона выделим характерные признаки.

В начале романа-хроники перед читателем предстает бедняк, сын *оруда*, *хар ясн*. Калмыцкое обозначение *оруд* подчеркивает его статус – 'вошедший, т.е. чужой'. Дело в том, что отец Антона, сирота Мудре, был усыновленным ребенком, поэтому среди родичей считался чужим. Оценку низкого положения Мудре дает и калмыцкое словосочетание *оруд ноха* 'чужая собака', которым называют Мудре однохотонцы. Устои калмыцкого родового общества заключались в том, что «хорошо жилось калмыку, который принадлежал к богатому и многочисленному роду. Он знатен, родовит и богат, все оказывают ему помощь. Но...горе-горькое безродному оруд!» [Амур-Санан 1987: 17]. Оруд чувствует себя чужим среди

чужих людей, *«не было среди нас ни одного эврэ кюна – своего человека, который бы вошел в наше положение, человека, способного хоть один раз возвысить голос против царившей несправедливости, человека, который с охотой сказал бы в нашу защиту хоть одно теплое слово»* [Амур-Санан 1987: 28].

Рано началась трудовая жизнь Антона: восьмилетним ребенком его отдают в пастухи богатому калмыку, до 16 лет он пасет чужой скот, получая ничтожное жалованье, которое отец всегда пропивал. Формирование личности мальчика-бедняка происходило в обстановке унижений, оскорблений, обид, насилия, издевательств, возмутительной несправедливости: *«Все мое раннее детство, отрочество и юность сотканы из воспоминаний обид. Мне горько и тяжело вспоминать не только бессмысленные, абсолютно ничем не вызванные отцовские побои и оскорбления, но и обиды чужих людей... Я все время видел дикие, отвратительные картины: то бьют моего отца, то отец бьет меня или мать»* [Амур-Санан 1987: 17].

Смышленому мальчику было тяжело выносить не столько материальные невзгоды голодной и холодной жизни, сколько психологические трудности, т.к. *«меня все били; над нами можно поглумиться..., потому что за орудя некому заступиться, можно обидеть, оскорбить, побить»* [Амур-Санан 1987: 18]. Как пишет автор, *«нужда, граничившая с самой неприкрытой нищетой, неотступно сопровождавшая все мое детство, давила мои плечи тяжелой ношей черной невзгоды»* [Амур-Санан 1987: 187].

Не найдя заступника среди людей, Антон решает учиться, чтобы стать *сян кюном* 'хороший человек', *«за всех заступаться, всем помогать, чтобы никто никого не обижал»* [Амур-Санан 1987: 33]. В один из самых холодных и голодных дней он покидает родной хотон и отправляется на поиски счастья на чужбине. Антон поступает на службу к князю Гахаеву, по его поручению посещает Москву, Варшаву, Харьков, Екатеринодар, знакомится с общественной обстановкой. Значительно расширяется его кругозор, формируются общественные взгляды,

которыми он делится с калмыцкой молодежью, понимая, что *«образование может помочь калмыцкому народу выйти из того темного тупика, в котором он находится»* [Амур-Санан 1987: 66], он помогает получить образование беднякам.

Октябрьская революция открыла перед Антоном новые горизонты. Постепенно он убеждается в том, что, как бы ни были *«чисты души сян кюнов, как бы ни были велики их энергия и самопожертвование, все равно они не смогут освободить от рабства и невежества трудящиеся массы, пока эти массы сами не возьмут в собственные руки дело своего освобождения»* [Амур-Санан 1987: 80]. Он становится революционером, сторонником радикальных изменений жизни бедняков, считает уничтожение родовых устоев единственным путем просвещения народа. Антон пропагандирует среди калмыков новые формы ведения сельского хозяйства (*молочное дело, огородничество, садоводство*), новую сельхозтехнику (*сепаратор, трактор, «альфа-лаваль»*). Постепенно к нему приходит признание земляков, его избирают в старшины.

Мечта стать образованным человеком приводит его в Московский университет А.Л. Шанявского осенью 1915 г. Именно здесь происходит окончательное формирование общественно-политических взглядов будущего организатора автономии калмыцкого народа: *«Все ранее подобранные мною крупницы разрозненных знаний, лежавшие бесформенной грудой в моем мозгу, все разноречивые понятия, хаотические, неосуществленные мечты – все стало на свое место и пришло в более или менее стройный порядок»* [Амур-Санан 1987: 92].

В тревожное революционное время А.М. Амур-Санан возвращается в Большедербетовский улус, считая, что *«мое место среди моего народа»* [Амур-Санан 1987: 101]. Здесь он разъясняет землякам суть происходящих революционных событий, призывает *«народ взять власть в свои руки»* [Амур-Санан 1987: 102]. Он становится известным общественным деятелем Юга России: в Ставрополе его избирают членом губернского исполкома и назначают заведующим губернским земельным отделом, т.к. *«вопрос земли в то время был*

самым важным» [Амур-Санан 1987: 110]. В октябре 1918 г. в Астрахани он принимает участие в съезде калмыцких советов, решает проблему мобилизации калмыков в ряды Красной Армии. В Москве на VI Всероссийском съезде Советов он докладывает о *«реальном положении калмыков»* [Амур-Санан 1987: 125].

А.М. Амур-Санан принимает участие в работе разных общественных и политических организаций, знакомится с Лениным, Сталиным, Калининым, Буденным и др. В этот период проявляется его умение анализировать ситуацию, принимать верные решения исходя из сложившейся общественно-политической обстановки, знание психологии человека. Благодаря инициативности, настойчивости и решительности А.М. Амур-Санана и его соратников были решены судьбоносные для калмыков вопросы. Так, на заседании ЦК, проходившем в Кремлевском дворце, были приняты «Обращение Совета Народных Комиссаров к калмыцкому трудовому народу», подписанное В.И. Лениным, *«новый земельный закон»* [Амур-Санан 1987: 135].

А.М. Амур-Санан был инициатором первого Общекалмыцкого съезда Советов, на котором присутствовали представители всех астраханских улусов, калмыки Терека, Дона, Ставрополя, вырабатывались основные формы государственной жизни. Вместе с А. Чапчаевым А.М. Амур-Санан становится одним из организаторов государственности калмыцкого народа. Он многое сделал для обустройства новой жизни народа. Так, после назначения в 1921 г. председателем Совнархоза Калмыцкой области налаживает промышленность: открываются кроечные, пошивочные, сапожные мастерские и т.д. А.М. Амур-Санан участвует в съезде народов Востока, монгольские делегаты избирают его своим представителем при Советской республике.

А.М. Амур-Санан проделал огромный путь от унижаемого и обижаемого бедняка к организатору государственности калмыцкого народа в 20-ые гг. XX в. Благодаря упорству, стремлению к знаниям, трудолюбию, целеустремленности,

желанию улучшить жизнь людей он смог встать на борьбу с родовизмом, стал защитником бедняков. Это убежденный большевик, ленинец.

А.М. Амур-Санан, помимо идеологической и организаторской работы, занимался литературной и публицистической деятельностью. Несмотря на то что все свои произведения он писал на русском языке, его, безусловно, можно считать калмыцкой языковой личностью. Об этом свидетельствуют следующие факты. Во-первых, становление языковой личности Амур-Санана проходило на базе родного языка, до восьми лет он не знал русского языка. Во-вторых, по воспоминаниям его супруги, при записи своих воспоминаний он вынужден был отказаться от ее помощи, т.к. считал, что она пишет по-русски, «а я тебе говорю о калмыках» [Гаврилова 1988: 8]. В-третьих, себя он посвятил будущему калмыцкого народа. О двуязычности личности писателя свидетельствует то, что материнским языком А.М. Амур-Санана был калмыцкий язык, а свое литературное творчество он посвящает калмыкам на языке приобретенной культуры.

Итак, на основании проведенного анализа авторских размышлений, высказываний, чувств, взглядов, оценок можно считать, что А.М. Амур-Санан воплощает характерные признаки типажа «калмыцкий интеллигент» [Есенова 2009]. Среди признаков выделяются в понятийном аспекте – высокое осознание гражданского долга, стремление к преобразованию родового уклада в интересах трудящихся. В образном аспекте: обозначение *оруд* указывает на происхождение из самых низов традиционного калмыцкого общества с признаками унижаемый, обижаемый, голодный; разнообразные обозначения должностей, которые А.М. Амур-Санан занимал после установления советской власти (*член губернского исполкома, заведующий губернским земельным отделом, член Совета содействия и пропаганды на Востоке, председатель Центрального бюро писателей по национальным литературам, председатель Совнархоза Калмыцкой области и др.*), указывают на высокое положение в советском обществе. В аксиологическом аспекте: высокой оценки заслуживают

деятельность по преобразованию жизни народа, организаторские способности, образованность, множественность культурной основы, знание родного и русского языков, художественная одаренность.

3.2. Лингвокультурный типаж «хар ясн» в романе-хронике «Мудрешкин сын»

Основываясь на анализе текста романа-хроники «Мудрешкин сын», научной литературе по лингвокультурным типажам [Дмитриева 2007; Карасик, Дмитриева 2005 и др.], Мудре Канкурова, отца Антона Амур-Санана, можно рассматривать в качестве представителя типажа калмыков конца XIX – начала XX вв. «хар ясн».

Автор не рисует внешний облик Мудре, не сообщает его возраст. Из всех характерных для Мудре качеств писатель выделяет те признаки, которые являются типичными для всей социальной группы, к которой принадлежит отец, – «хар ясн». Выбор признаков определяется мировоззрением автора, которое сформировалось у него в результате участия в революционном движении, свойственны ему как большевику [Убушаев 1988; Поляков 1988; Романенко 1963; Кабаченко 1967; Джимгиров 1973; Джамбинова 1988; Майоров, Поляков 1970].

В описываемый период *«положение калмыков было поистине крайне печальное»* [Амур-Санан 1987: 177]. Пороками родового строя объясняет писатель негативные поступки, недостойное поведение и отвратительный характер пьяницы Мудре, которого окружающие называли Мудрешкой. Обозначение *Мудрешка* указывает на низкое социальное положение Мудре в калмыцком обществе, пренебрежительное отношение к нему окружающих. Другие обозначения (*оруд* ‘вошедший, чужой’, *оруд ноха* ‘чужая собака’, *пьяница*, *скотокрад*, *дебошир*, *драчун* и т.п.) так же указывают на его низкий социальный статус. Из-за презрительного отношения окружающих Мудре стал пить и постепенно

превратился в пьяницу, свои обиды он вымещал на жене и маленьких детях, до полусмерти избивая их и выгоняя в мороз из кибитки.

По утрам он будил сына ударами кулака; избивал его каждый раз, когда ему казалось, что сынишка съел кусочек хлеба; за его стремление учиться; когда мальчик приходил с пустыми руками, не выпросив у соседней мясной лавки мяса или аракиса; из зависти, что повзрослевшего сына, а не его избрали в старшины и т.д. Избивал членов семьи так, *«как бил рыжую кобылу, безрогую корову и старую, всегда грустную собаку. <...> Сколько я помню случаев, когда после отцовских побоев без чувств лежала моя бедная мать. Да и у меня синяки никогда не сходили с тела»* [Амур-Санан 1987: 30]. Для Антона *«самым невыносимым было злое насилие отца. Мы не знали, когда было хуже: когда отец был пьяный или когда он был трезвый. Трезвый, в здравом уме, он тиранил нас, а пьяный истязал безумно»* [Амур-Санан 1987: 31].

Именно отношение однохотонцев является, по мнению автора, причиной недостойного поведения отца: *«родичи могли постоянно, без всякого повода и основания бить отца, мать и меня, маленького восьмилетнего мальчугана»* [Амур-Санан 1987: 22]. Всегда находились причины для избиений Мудре. Так, например, богатый родич ложно обвинил в краже скота Мудре, однако, чтобы тот не смел отрицать это, избил его. В довершение ко всему один из казаков ударил Мудре плеткой. Негативное отношение окружающих к Мудре писатель объясняет родовыми предрассудками: *«неизменная защита своего, хотя бы и неправого, хотя бы и преступника, и ожесточенная вражда против чужого, хотя бы и справедливого и разумного»* [Амур-Санан 1987: 32].

Самой отвратительной чертой Мудре рассказчик считает пьянство. В пьяном виде отец дебоширил, избивал домочадцев: *«...набросился вдруг на мать и стал ее бесчеловечно избивать. Затем принялся за меня...Избил ужасно, до бесчувствия»* [Амур-Санан 1987: 30]. Писатель приводит ряд эпизодов о том, как отец пропивал все деньги, которые с большим трудом зарабатывали мать с сыном: *«В последний*

год я заработал сорок пять рублей, большие деньги, – из них мы не видели ни одной копейки – все пропил отец» [Амур-Санан 1987: 38]. Отец ведет себя не как ответственный глава семейства, а как безответственный человек. Так, когда Антон, работавший у князя Гахаева, заболел, отец пропил деньги, взятые у князя на билет. «На станции пьяного отца обокрали, даже серьгу из уха вынули; он снова запил и пропил десять рублей, которые ему дали на обратный путь» [Амур-Санан 1987: 44]. Более того, «всю землю отец отдал в аренду за бесценок на несколько лет вперед, а деньги пропил» [Амур-Санан 1987: 58]. Семья по вине Мудре остается без скота и земли, кормильцами становятся мать и маленький сын, а глава семьи не помогает, а только мешает им. Хотя Мудре был главой семьи, он ведет себя неподобающе: «Разрушителем начинавшегося счастья выступил опять мой несчастный отец. С появлением лошадок ему буквально не сиделось. То он поедет, как сорвавшийся ветер, по аймаку, то без всякой надобности поскачет в русское село. И все это делается, чтобы поьянствовать, показать никому не нужное молодечество. Вся его психология была далека от нашей борьбы с нуждой. Он никогда ни в чем не помогал нам, а только мешал. Никудышный был человек!» [Амур-Санан 1987: 180].

Автор последовательно приводит один за другим примеры недостойного поведения Мудре. В тексте романа-хроники нет ни одного эпизода, где бы речь шла о трудовой деятельности Мудре. Напротив, описывается его безделье: он либо празднично ходит по кибиткам, хотону, либо в пьяном виде избивает домочадцев, либо его бьют богатые родичи. Перед читателем предстает пьяница, дебошир, бездельник, «*никудышный*», как оценивает его рассказчик, человек.

Впрочем, как пишет автор, было одно занятие, в котором Мудре был мастером: кража чужого скота, «*единственное ремесло, которое он знал в совершенстве*» [Амур-Санан 1987: 181]. У Мудре было своеобразное представление о честности: он воровал скот только у чужих, но «*никогда в своей жизни у своих родичей даже краешка копытца ягненка не тронул. А у русского*

хуторянина при случае, конечно, корову угоню. Ведь я честный калмык» [Амур-Санан 1987: 181]. Родичи «ценили» его за эту особенную калмыцкую «честность», за то, что он пригонял похищенный скот. Однако после того как мясо съедалось, родичи *«не стеснялись клеймить его именем бесчестного человека»* [Амур-Санан 1987: 181]. Мудре описывается как одинокий, озлобленный, презираемый окружающими людьми человек, чужой для всех: и русских, и однохотонцев как оруд. Его боятся члены семьи, его никто не уважает, никто с ним не считается.

У Мудре есть своеобразное представление не только о «честности», но и о грехе. Он боится брать на душу грех, отказывается участвовать в убийстве татарина, объясняя это тем, что у него растет сын. Автор комментирует поступок отца следующим образом: *«И хоть бы раз он дал этому сыну леденец, хоть бы раз приласкал его. Никогда! А жизнь татарина ради сына спас»* [Амур-Санан 1987: 30].

Однако *«он не всегда был таким зверем»* [Амур-Санан 1987: 30]. *«А когда-то и он был молодцом, смелым, лихим наездником, не побоявшимся как-то наказать обидчика князя Бембе, окруженного целой свитой слуг... А потом стал жалким пьяницей»* [Амур-Санан 1987: 19]. К такому концу привело отношение к нему окружающих: *«Вечное издевательство, постоянные оскорбления, несправедливость, побои... влияли на отца; он падал духом, начал пьянствовать, озлобился и жестокими побоями вымещал свое горе на матери, на мне и сестрах»* [Амур-Санан 1987: 19].

Детали внешнего вида, элементы поведения, отдельные жесты, описание поступков, слова и выражения писатель вводит в повествование, чтобы представить пороки Мудре в предельном выражении, чтобы придать им общественное звучание. В следующем описании предстает падший человек, пьяница-дебошир: *«он был совершенно пьян, на нем висели лохмотья, лицо было изранено и распухло, волосы всклокочены, все тело в кровоподтеках и синяках. По всему было видно, что он с кем-то отчаянно дрался. Шапку и бешимет он потерял»*

[Амур-Санан 1987: 185]. По мнению автора, виной падения Мудре являются пережитки родового строя, согласно которому люди делятся на «своих» и «чужих». Чужих, *кююня кюн, орудов, хар ясн* можно унижать и обижать, в то время как своих, *эвря кюн* надо защищать: они находятся под покровительством рода.

Таким образом, в художественном тексте романа-хроники «Мудрешкин сын» представителем лингвокультурного типажа «хар ясн» конца XIX – начала XX вв. является Мудре. Основываясь на изложенных выше наблюдениях о дискурсивной реализации типажа «хар ясн», можно выделить следующие характерные признаки. В понятийном аспекте – отсутствие имущества (скота, земли); в образном аспекте: обозначения *хар ясн, Мудрешка, оруд, оруд ноха, драчун, пьяница, дебошир, скотокрад, бездельник, никудышный человек* указывают на низкий социальный статус. Аксиологический аспект: негативной оценки заслуживают пьянство, рукоприкладство, безответственное отношение к семье; положительного отношения заслуживает своеобразное представление о честности. По мнению автора, некогда смелый мужчина, лихой наездник превратился в ничтожного человека из-за пережитков родового строя. Этот вывод отражает общественно-политические взгляды А.М. Амур-Санана, идейного сторонника советской власти, убежденного большевика.

3.3. Лингвокультурный типаж «цаган ясн» в романе-хронике «Мудрешкин сын»

В романе-хронике выделяются представители лингвокультурного типажа «цаган ясн»: нойон Гахаев, зайсанг Бегеле Онкоров, богатые калмыки Монцхор Джимбеев, Лидже Бугинов и др. Первые два человека «являются представителями калмыцкой степной аристократии (*нойон* ‘князь’, *зайсанг* ‘представитель дворянского сословия’), унаследовавшими титул и состояние от предков. Вторые представляют собой класс богатых калмыков неаристократического

происхождения, владельцев обширных пастбищ и большого количества скота» [Есенова 2022b: 93].

Несмотря на отдельные различия, у всех представителей лингвокультурного типажа «цаган ясн» присутствуют общие признаки. Общим признаком является состоятельность: все они владеют обширными пастбищами, скотом, насчитывающим тысячи голов 4 видов скота (верблюдов, лошадей, овец, коров), которых традиционно разводят калмыки. Как пишет А.М. Амур-Санан, *«Богатые жили в свое удовольствие: держали много скота, имели много слуг и ничего не делали, почти не интересовались ничем, что выходило за грань их привычной жизни»* [Амур-Санан 1987: 82].

Материальное богатство обуславливает присутствие таких признаков, как пренебрежительное отношение к знаниям, высокомерное, грубое отношение к бедным, вседозволенность в поведении и поступках, необузданный, взрывной темперамент и др. Прозаик характеризует представителей цаган ясн как типичных рабовладельцев, которые самолично вершили суд, расправлялись с зависимыми от них работниками по своему усмотрению, распоряжались их имуществом, женами и даже жизнью. Они могли беспричинно избивать бедняков, заставляли исполнять все их желания и прихоти, отнимали жен у одних, передавали их другим, как вещь, простолюдинов продавали, как скот, наказывали за пустяки. По мнению рассказчика, *«отношение привилегированного класса к «черной кости» было сплошным насилием»* [Амур-Санан 1987: 45].

Следующей общей чертой представителей цаган ясн является пренебрежительное отношение к простолюдинам. *«Родовитые калмыки считали себя аристократами, стоящими выше орудов. У них всегда на устах: “У них хорошие корни, у них хорошее происхождение”»* [Амур-Санан 1987: 32]. Сами аристократы держались за родовой уклад, потому что при случае он давал возможность, не церемонясь, поступить с орудом так, как того требовали их интересы.

Представителей лингвокультурного типажа «цаган ясн» объединяет и то, что они ведут себя как хозяева, например, *«запросто приезжали в юрту калмыка, имевшего красивую молодую жену. Если муж оказывал сопротивление, дело кончалось печально для мужа»* [Амур-Санан 1987: 45-46].

Наконец, они пренебрегали знаниями, для большинства цаган ясн книги были лишь *«рябой бумагой»*. Многие считали, что *«книги и образование допустимы только для богатых людей»* [Амур-Санан 1987: 82].

После выделения общих признаков представителей типажа «цаган ясн» перейдем к рассмотрению отдельных представителей.

Нойон Гахаев

Князь Гахаев был типичным представителем калмыцкого нойонства, до 1892 года имел своих крепостных. После отмены крепостного права он за своих крепостных от казны и дворянского земельного банка получил несколько миллионов рублей. Ему было трудно без подданных приравниваться к новому быту, и *«немало неприятных историй пришлось пережить гордому и заносчивому князю»* [Амур-Санан 1987: 46]. Однако в своем аймаке он вел себя по-прежнему как полновластный хозяин. Так, привыкший получать все желаемое, он заявился в кибитку бедняка Шатурэ, у которого была молодая красивая жена. Но неожиданно для себя князь получил отказ и вынужден был уйти, не добившись цели. Он затаил злобу на бедняков, а позже отомстил им, отправив несговорчивого Шатурэ в Сибирь.

Князь, по мнению автора, был большим самодуром и очень вспыльчивым человеком, *«чуть что, начинал драться»* [Амур-Санан 1987: 57]. Князь вымещал свою злость на подданных. Так, он перепорол сотню ни в чем не повинных калмыков после того, как *«царь Александр III в Минеральных Водах во время представления знатных дворян народов Северного Кавказа не подал ему руки»* [Амур-Санан 1987: 46].

В романе приводятся многочисленные примеры избиения князем работников. Так, *«нойон, черный, как грозовая туча, злой, как коршун, летел, минуя всех, прямо к товарищу. Засвистел хлыст...»* [Амур-Санан 1987: 49]. Он мог для наказания *«ослушника, который лишь проскакал мимо кибитки князя, и в назидание потомству приказать каленым железом проткнуть мочку уха “бестактного человека”»* [Амур-Санан 1987: 45].

Князь вел себя необузданно не только со своими работниками-калмыками, но и с чужими. Например, в Петербурге в Александринском театре он избил царского сановника, разбил ему глаз, а в качестве компенсации предложил пострадавшему сорок тысяч рублей. Когда его деньги не приняли, ему пришлось *«вести пренеприятный разговор и немедленно отбыть на гауптвахту. Правда, он не особенно оскорбился этим и с успехом прокутил за две недели на гауптвахте сорок тысяч, которые от него отказались принять»* [Амур-Санан 1987: 50].

Гахаев считал, что простолюдинам незачем учиться: *«Учиться... ха-ха-ха! Учиться... Глупости все это! Учиться тебе незачем. Ты лучше поступай ко мне на конюшню...»* [Амур-Санан 1987: 41].

По обычаям родовитого дворянства того времени, Гахаев в молодости служил офицером в одном из привилегированных кавалерийских полков. В 1877 г., во время турецкой кампании, был добровольцем. Так как буддийское вероисповедание казалось ему несовместимым со званием офицера, Гахаев крестился, его восприемником был великий князь Михаил Николаевич; после чего стал называться Михаилом Михайловичем. *«Это обстоятельство льстило самолюбивому князю и было причиной многих диких выходов заносчивого самодура»* [Амур-Санан 1987: 46].

Автор, в соответствии со своими общественно-политическими взглядами, в целом негативно оценивает поведение и поступки князя Гахаева, обращает внимание, в основном, на некорректность поведения, отрицательные черты характера. Однако при всем своем негативном отношении к представителям «цаган

ясн» автор признает: *«он, видимо, хорошо относился ко мне и был добрым человеком, но в то же время был князем до мозга костей, со всеми предрассудками»* [Амур-Санан 1987: 57]. Автор пишет, что князь за труды давал Антону, как и другим работникам, деньги, делал подарки, например, подарил пятнадцать испанских овец и барана, вещи, которые с удовольствием носил молодой человек, а на прощание – свой портрет. Гахаев неоднократно давал деньги на проезд отцу Антона, которые тот пропивал. Больного тифом Антона князь отправил на лечение к гелюргу, знатоку тибетской медицины. Симпатия автора прослеживается и при описании внешнего облика Гахаева: *«Князь был видный мужчина, плотный. И одет был по-княжески: поддевка из тонкого сукна, сапоги лаковые, так и горят. На голове фуражка с красным верхом, с кокардой, на груди орден – Георгий»* [Амур-Санан 1987: 48].

Таким образом, князь Гахаев обнаруживает отрицательные (самодурство, драчливость, несдержанность, вспыльчивость, жестокость, пренебрежительное отношение к знаниям) и положительные (отзывчивость, доброта) характеристики. Негативные качества преобладают, поскольку, как считает автор, он был типичным представителем калмыцкой аристократии, чуждым нуждам бедняков.

Зайсанг Бегеле Онкоров

Бегеле Онкоров был одним из самых крупных владельцев Багацохуровского улуса. Одних лошадей у него было более восьми тысяч. Богач был очень скуп: своим многочисленным работникам платил гроши. Все перед ним трепетали. Имя его нельзя было произносить недостойными устами маленьких людей, можно было называть только иносказательно: *Наш отец, Наш благодетель*. Бегеле Онкоров был убежденным противником народного образования. Он не только не учреждал школы, но даже мешал их устройству. *«Незачем вам школы, – говорил он. – На небе бог, на земле – я. А больше вам ничего не нужно»* [Амур-Санан 1987: 67]. Окружающие трепетали перед ним, даже после 1920 г., когда в регионе стали устанавливаться новые порядки, бедняки нисколько не изменили свое отношение

к нему. В их глазах он продолжал оставаться тем же могущественным зайсангом, хотя богатства и власти у него уже не было.

Автор описывает изменение внешнего облика и поведения зайсанга после того, как Антон, как представитель новой власти, дает ему отпор: *«Я поднял голову и увидел крупного роста, с большими седыми усами, очень благообразной наружности старика. Он величественно стоял и ждал учтливое с моей стороны предложения сесть. Но ... вместо почестей и низкопоклонства, к которым он привык в течение 84 лет, я обругал его в присутствии только что благоговейно трепетавших перед ним калмыков. Уже не величественный зайсанг с румяным породистым лицом стоял передо мной, а жалкий, трясущийся старик. Мои слова для него были так неожиданны, что никогда ничего подобного не встречавший и не переживавший старый зайсанг разрыдался как маленький ребенок. Тут я объявил, что он как враг народа арестован и будет посажен в тюрьму»* [Амур-Санан 1987: 113-114]. Только получив неожиданный отпор, Бегеле Онкоров превращается в беспомощного старика, теряет былое величие.

Итак, Бегеле Онкоров заносчив, пренебрежителен с простолюдинами, привык к поклонению и трепетному отношению окружающих. Он крайне скуп, хотя обладает несметными стадами скота. Его положение резко меняется после утверждения в калмыцкой степи советской власти: вместо сытой жизни среди благоговеющих перед ним бедняков его ждет тюрьма. В образе Бегеле Онкорова писатель показывает судьбу калмыцкой знати после утверждения в калмыцкой степи советской власти.

Монцхор Джимбеев

Монцхор Джимбеев происходил из богатого, но неаристократического рода, владел большим количеством скота, который пасли бедняки, в том числе Антон. Он чванлив, жесток по отношению к хар ясн и орудам. Монцхору Джимбееву доставляет удовольствие издеваться над бедными и слабыми и унижать их.

Например, он раздает гостинцы детям родичей, а мальчика-оруда презрительно гонит: *«Ты чего пришел? Вон отсюда!»* [Амур-Санан 1987: 20].

Монцхор Джимбеев, как многие знатные калмыки, в пьяном виде *«ругается, бессмысленно и жестоко оскорбляет людей, особенно если между ними находится не свой и беззащитный человек»* [Амур-Санан 1987: 19]. В тексте приводятся примеры его избиений оруды Мудре, глумлений над ним.

Он лжив и труслив. Так, испугавшись, что Мудре умрет после его избиений, Монцхор Джимбеев заявляет казакам, что пьяница Мудре сам напал на него, а он, *«защищаясь»*, ударил его по голове палкой.

Итак, для Монцхора Джимбеева характерны такие признаки, как жадность, спесь, чванство, презрительное отношение к людям более низкого, чем он, социального статуса, рукоприкладство. Он способен солгать, обвинить невиновного в преступлении, которое тот не совершал.

Лидже Бугинов

Лидже Бугинов, один из состоятельных людей Большедербетовского улуса, пользовался в округе огромным авторитетом, недаром его называли *«Лидже Великий»*. Он держался всегда надменно и презрительно относился к окружающим.

Автор через описание его внешности передает высокую самооценку Лидже Бугинова, называет его фигуру *«важной»*: *«на нем великоленная русского покроя поддевка на белой мерлушке и высокая бухарская шапка. Он опирается на длинную палку и медленной величавой поступью подходит к собравшимся»* [Амур-Санан 1987: 103].

Нрав у Лидже был не из приятных. Ему казалось недостаточным то преклонение, с которым к нему относились все окружающие. Толкнуть, ударить кого-нибудь ни за что ни про что, *«сделать оскорбительный жест, сорвать шапку с головы человека и сесть на нее – все это было обычной повадкой зазнавшегося гордеца и драчуна Лидже Бугинова»* [Амур-Санан 1987: 104]. Он прибегал к оскорбительным жестам, чтобы унижить бедняков, и это доставляло ему особое

удовольствие. Так, *«поздней осенью, когда дул пронзительный, ледяной ветер, Бугинов сорвал с ямщика шапку и сел на нее. Ямщик, безродный подросток-калмык, не стал протестовать и ехал всю дорогу без шапки. После этого он заболел воспалением мозга и умер. Лидже Бугинов был «ни при чем»* [Амур-Санан 1987: 104].

Однако после установления советской власти, утверждения новых порядков в калмыцком обществе меняется отношение людей к Бугинову: *«Его величие как бы снесло порывом ветра. Когда он по прежней повадке, желая унижить молодого калмыка, показал ему свою подошву, калмык схватил его за поднятую ногу, свалил на землю и отколотил. Оказалось, что Лидже Бугинова можно даже бить, что он не только не лучше других людей, но, пожалуй, хуже»* [Амур-Санан 1987: 105].

Итак, для Лидже Бугинова как представителя типажа «цаган ясн» характерны грубость, надменность, спесивость, унижительное отношение к хар ясн, орудам. Его положение резко меняется с приходом новой власти: он лишается не только имущества, но и прежнего благоговейного отношения окружающих.

Таким образом, в романе-хронике «Мудрешкин сын» выделяются персонажи, которые представляют лингвокультурный типаж калмыков описываемой эпохи «цаган ясн». Для них характерен ряд общих признаков. Понятийный аспект: большое количество скота, земли, работников; образный аспект: обозначение «цаган ясн» указывает на высокое положение по отношению к «хар ясн»; в ценностном аспекте негативного отношения заслуживают грубость, самодурство, рукоприкладство, заносчивость, высокомерие, пренебрежительное отношение к хар ясн, орудам, что фиксируют обозначения *самодур*, *драчун* и др.; положительного отношения заслуживает доброта (князь Гахаев). Н.Ц. Босчаева, рассматривающая типаж «аристократ» в калмыцкой лингвокультуре, отмечает «тенденциозность произведений советского периода, посвященных жизни и быту степного народа до революции» [Босчаева 2009: 211]. Действительно, в романе-хронике А.М. Амур-Санан представителей типажа «цаган ясн» оценивает

негативно, называет их кровопийцами: *«богатые просвещенные калмыки являлись паразитами, тунеядцами, питавшимися соками своего народа. Они процветали от избытка этих соков, ничего не давая взамен вскормившему их народу»* [Амур-Санан 1987: 83]. Эта оценка отражает взгляды автора, писателя-большевика.

3.4. Лингвокультурный типаж «мать» в романе-хронике «Мудрешкин сын»

В художественном тексте романа-хроники представлено несколько женских персонажей. Среди них главным, бесспорно, является мать. Представлены, кроме того, женские персонажи второго плана. Они вводятся, по нашему мнению, для того чтобы акцентировать внимание читателей на крайне тяжелом положении женщин в обществе того времени. В данном разделе рассмотрим женские типажи, начнем с лингвокультурного типажа «мать».

В образе матери, как нам представляется, с одной стороны, отражены характерные черты женщины традиционного калмыцкого социума, а с другой – наблюдается зарождение новых качеств.

Детские воспоминания автора запечатлели горькую, безрадостную, унижительную жизнь матери. Прозаик не рисует внешний облик матери, не говорит о ее возрасте – изображает социально-психологический портрет матери.

Обозначения, которые используются в тексте (*сирота, хар яси, замужем за орудом*), свидетельствуют о низком социальном положении матери. Мать была сиротой, вышедшей замуж за пьяницу-оруда. По представлениям калмыков, *«садта кун – салата модн»* ‘человек, у которого есть родня, что ветвистое дерево’, т.е. он находится под защитой. Сирота же – это самое незащищенное существо, его может любой человек обидеть и унижить: *«Моя мать очень рано осталась сиротой... Обе стояли на последней ступени общественной лестницы: обе сироты, обе презираемые, обе несчастные»* [Амур-Санан 1987: 29].

Замужеством за орудя мать обрекла на презрение себя и своих детей: *«Было горько, обидно за все поношения, за все издевательства, которым подвергалась вся наша семья. И страшно потому, что властные родичи... могли постоянно, без всякого повода и основания, бить отца, мать и меня, маленького восьмилетнего мальчугана»* [Амур-Санан 1987: 28].

В тексте романа-хроники мать изображается как самое бесправное существо, терпящее унижения со стороны мужа и посторонних людей. Это происходило от того, что жизнь калмычки после замужества сводилась к полному подчинению мужу и его родственникам: *«Отношения к женщине в родовом быту калмыков невероятно дики. Вышла замуж – стала чужой для прежнего рода. А в новом роду не имеет права первая заговорить со свекром, со старшими братьями своего мужа, с его дядями, тетками. Если родовой быт для мужчины обозначал собою рабство, то для женщины это было рабство вдвойне»* [Амур-Санан 1987: 28].

Установленные вековыми обычаями правила поведения замужней женщины предписывают ей подчиняться всем. Так, она не может есть одновременно со всеми, а только после всех и только огрызки. Бесправие, незащищенность, непосильный труд – таково социальное положение замужней калмычки. Именно такой предстает мать в художественном тексте романа-хроники.

Низкий социальный статус женщины, неуважение жены, матери можно вынести из тех правил жизни, которые были установлены родовыми устоями в семье Мудре. Мать не имела таких же прав, какие имел отец. Это следует из существующих обычаев: *«Муж спит на кровати. Жена, по старинным обычаям, спит на полу. Муж утром, проснувшись, кричит: “Эй, вставай!”»* [Амур-Санан 1987: 64].

К несчастью, мать вышла замуж не просто за орудя, а тунеядца, пьяницу и дебошира. Страшные побои терпела мать от мужа, вымещавшего на ней обиду за унижения, которые он сам терпел со стороны богатых. Воспитанная в традициях родовых обычаев слепого подчинения мужу, она не смела перечить мужу.

Воспоминания автора о тяжелом прошлом создают картину унижительной жизни: *«Я побежал искать мать и наконец нашел ее всю избитую, в слезах, в каком-то сарае. Она еле шевелилась – так была избита. Я начал, как мог, утешать ее и, глядя на нее, плакал сам... Оказалось, что отец, вернувшийся откуда-то по обыкновению пьяным, избил мать, выгнал ее из кибитки»* [Амур-Санан 1987: 27-28].

Никаких других чувств, кроме страха, мать не испытывает к мужу. Щемяще трогательны скупые ласки матери, вечно усталой и страшно запуганной, к своему сыночку, который клянется поскорей вырасти и стать защитником матери: *«Мать не будет больше плакать, я никому не дам ее обижать и, если увижу, что кто-нибудь обижает, вступлюсь за нее и скажу обидчику, что так поступать нельзя, нехорошо»* [Амур-Санан 1987: 33]. Исполнены тепла и нежности чувства, с которыми вспоминает автор свою мать. Его воспоминания о прошлом лишены диалогов – они воссоздаются через ощущения маленького мальчика, в душе которого запечатлены самые яркие и потому запомнившиеся картины прошлого. В его воспоминаниях скупые ласки матери – это не слова утешения, а невербальные знаки – поглаживание, взгляд, объятия: *«У матери не было слов утешения. Она только взяла меня на колени и стала тихо ласкать. Да, если и было что отрадного и светлого в моем детстве, так это ласки моей матери. С ней, только с ней связаны лучшие мои воспоминания»* [Амур-Санан 1987: 20].

Мать делает многочисленную работу по хозяйству: поит скотину, доит коров, занимается к богатым стричь овец, сбивать кошму и т.д. Особенно невыносимым был перегон коров в непогоду: *«Мать, сама едва держась на ногах, подымала их (коров) и гнала дальше. Надвинулся вечер, в темноте идти труднее, а снег по-прежнему падал. Остановиться – значит умереть. А что тогда станет с нами – со мной, с бабушкой Алдэ, с отцом? И собирая последние силы, мать двигалась дальше. Шатаясь от голода и слабости, она продолжала пробираться вперед, несмотря на холод, снег и темноту»* [Амур-Санан 1987: 25].

Изображая мать в ее ежедневных тяжелых буднях, автор создает портрет труженицы, занятой бесконечными заботами о пропитании семьи. В безропотной, избиваемой пьяницей-мужем женщине живет бесстрашная, жертвенная мать. Она не думает о себе, во имя детей и старой свекрови готова умереть, т.к. понимает, что только ей суждено спасти их от голодной смерти. Материнские чувства являются тем стержнем, благодаря которому она выдерживает страшную нищету, сносит жестокие побои мужа, жертвует собой во имя детей. Несмотря на усталость, жару, мороз, каждый раз мать приходит на помощь своему сыночку *«наливать тяжелым ведром воду из колодца»* [Амур-Санан 1987: 27]. Чувства сына к матери передают такие обращения, как *мини эк* ‘моя мама’, *ээджи мини* ‘моя матушка’, *кооркм* ‘моя милая’. Отношение сына к матери полны нежности и сострадания.

Данный роман-хроника был написан под влиянием романа «Мать» А.М. Горького, высоко оценившего дарование калмыцкого прозаика. Фактами из биографии писателя можно объяснить новые качества, которые выделяет писатель в матери – осознание социальной важности миссии сына быть защитником бедняков. В приведенном ниже диалоге прослеживается рост сознания матери: *«“Нам теперь хорошо, но сколько людей продолжает страдать! Надо бороться за них, надо им помочь”*. Она поняла меня и сказала: *“Иди, мой сын!”»* [Амур-Санан 1987: 170]. А ведь ранее, когда сын еще работал у князя, мать умоляла его вернуться домой, не в силах жить без него. Однако теперь, после революционных событий в калмыцкой степи, позиция матери меняется: она мыслит уже не узко, а масштабно. Ради лучшей доли тысяч и тысяч бедняков мать расстается с сыном, отпускает его на борьбу с нищетой и отсталостью. Писатель, в соответствии с идейно-политическими установками своего времени, показывает то, как меняется мироощущение матери. Подчеркивается ее духовный рост: от матери конкретного сына – к Матери всех сыновей. Новые признаки в матери (социальная ответственность, моральное возвышение над индивидуальностью) можно объяснить как личностью самого автора (большевик, ленинец), так и

историческими особенностями той эпохи, в которой создавался роман, и социальным заказом, который выполнял роман.

Итак, анализ дискурсивной реализации лингвокультурного типажа «мать» позволяет выделить характерные признаки. Понятийный аспект: отсутствие имущества (скота, земли), неудачное замужество; образный аспект: обозначение *хар ясн* указывает на низкое социальное положение, на гендерный и родственный признаки указывают обозначения *мама, мать, эк* ‘мать’, *мини эк* ‘моя мама’, *ээджи* ‘мама’, *ээджи мини* ‘моя матушка’, *кооркм* ‘моя милая’; ценностный аспект: положительная оценка таких признаков, как терпение, трудолюбие, забота о семье, любовь к детям, социальная активность, возвышение над индивидуальностью. Последние два признака проявляются по мере усиления общественно-исторической составляющей романа-хроники, связаны с эпохой, в которой создавался роман, и идеологическими взглядами автора.

3.5. Лингвокультурный типаж «женщина-хар ясн» в романе-хронике «Мудрешкин сын»

В целом в лингвокультурном типаже «женщина-хар ясн» отмечаются «признаки, указывающие на второстепенное положение женщины в традиционном калмыцком социуме» [Есенова 2021b: 57].

Лингвокультурный типаж «женщина-хар ясн» в тексте романа-хроники воплощается в Ботохэ и Буштынъ.

Ботохэ

При изображении матери акцентируется внимание не только на социальном положении женщины в калмыцком обществе, но и на мыслях и переживаниях главного героя. В частности, описываются чувства сострадания к мучениям матери, беспомощности, ведь маленький мальчик был не в состоянии заступиться за нее, облегчить ее физические и моральные страдания. При изложении рассказа о

Ботохэ и Буштынэ звучит голос писателя-реалиста, обличителя пороков родового общества.

Ботохэ была двоюродной сестрой Мудре. Ее так же не уважали и так же унижали, как и орудя Мудре, – даже больше, потому что *«она была женщиной, то есть полным ничтожеством»* [Амур-Санан 1987: 30]. Ботохэ и мать Антона связывала крепкая дружба, т.к. обе были беззащитными сиротами, за них никто не мог заступиться, никто не мог сказать ни одного *«теплого слова»* в их защиту.

На примере Ботохэ автор показывает всю тяжесть жизни калмычки-хар яси в родовом обществе, где положение человека зависело от знатности рода и количества скота, которым владела семья. В тексте показано, что жизнь Ботохэ еще более ухудшается после замужества: она становится бесплатной рабочей силой в семье мужа, *«в буквальном смысле слова она “и жнец, и швец, и в дуду игрец”»* [Амур-Санан 1987: 62]. Автор пишет о том, что даже родственники, сопровождавшие после замужества Ботохэ, среди родичей мужа вынуждены не упоминать ее имя, придерживаются тактики избегания, умолчания. В новой семье Ботохэ прислуживает многочисленным родственникам мужа, каждый раз показывая уважение к ним: обращается ко всем только на «Вы», не произносит имена старших родственников мужа, а пользуется иносказательными словами и синонимами, не ест со всеми вместе, а только после всех доедает объедки. Многочисленные запреты ограничивали свободу замужней женщины, регламентируя ее поведение, заставляя соблюдать разные обычаи. Ботохэ смиренно сносит унижения со стороны окружающих, вынуждена молчать и терпеть, ведь за нее некому заступиться.

Таким образом, Ботохэ усиливает социальное звучание романа-хроники: акцентируется внимание на второстепенном положении женщины как в калмыцком обществе в целом, так и в семье. Ботохэ характеризуют такие признаки, как низкий социальный статус, покорность, смирение, терпение, выносливость.

Буштынэ Чабанова

В художественном тексте романа-хроники представлен еще один женский персонаж – Буштынь Чабанова. Среди признаков, которые характерны для героини, отмечены зачатки новых черт, не типичных для традиционной калмычки. В описываемый период образованных калмыков, особенно женщин, было мало, т.к. идея о необходимости образования не поддерживалась знатью и тем более простолюдинами. Поэтому Буштынь – «знаковая фигура повествования, женщина-хар ясн, мечтающая стать образованным, независимым человеком» [Есенова 2021b: 59].

Буштынь училась в 4 классе Ставропольской женской гимназии, была способной девушкой, мечтавшей стать образованным, свободным, независимым человеком. Она не стремилась к замужеству, не видела себя в роли жены, обслуживающей членов семьи, мужа и его родственников. Однако ее мечте не суждено было исполниться, т.к. на нее обратил внимание зайсанг и во время каникул взял в жены одному из своих сыновей. Этому факту писатель дает следующее объяснение: она была миловидна, стройна и гибка станом, у нее не было влиятельных родственников, которые могли бы заступиться за нее, она была из слабого рода, у нее был лишь старый отец. Автор критикует родовые устои, когда бедных могли унижать богатые; не считаясь с их мнением, распоряжаться их судьбой, как это случилось с Буштынь. Девушка, как могла, сопротивлялась замужеству, но старый отец-бедняк согласился выдать ее за сына зайсанга. В среде зайсангов Буштынь не хотела и не смогла прижиться: *«Буштынь чувствовала себя в зайсангской среде чужой, случайной, чужеродной. Зайсанги издевательски заставляли ее называть простолюдинов, с которыми она была кровно связана, поганой чернью. Они не хотели считаться с ней, с беззащитной беднячкой. За непокорность оскорбляли и унижали ее»* [Амур-Санан 1987: 71].

Несчастья продолжали преследовать ее и после утверждения советской власти: новая власть, посчитав Буштынь зайсангшей, лишила ее избирательного права. Героиня, не желая мириться с несправедливостью, обращается в

избирательную комиссию с требованием восстановить ее в правах. Буштынь занимает активную позицию, упорно борется за свои гражданские права и добивается справедливости. Автор на этом обрывает свой рассказ о Буштынь, ее дальнейшая судьба остается неясной.

Итак, хотя природа наделила Буштынь умом, волей, сильным характером, она не смогла противостоять законам общества, в котором были сильны родовые устои, которое не считалось с мнением бедных. В Буштынь наблюдаем зачатки новых, нетипичных признаков калмычки: стремление к образованию, социальная активность. Однако, на наш взгляд, этот образ остается незавершенным. Общественно-политические изменения первой трети XX в. еще не привели к формированию качеств новой калмычки, калмычки XX в., свободной, равноправной, образованной, смелой и независимой.

Таким образом, в художественном тексте романа-хроники «Мудрешкин сын» Ботохэ и Буштынь представляют лингвокультурный типаж «женщина-хар ясн», актуальный для описываемой эпохи. Основываясь на данных проведенного анализа дискурсивной реализации типажа «женщина-хар ясн», сделаем выводы о характерных признаках. В понятийном аспекте: отсутствие имущества (скота, земли); в образном аспекте: обозначение «*хар ясн*» указывает на низкое социальное положение, гендерное обозначение «эм» 'женщина' так же подчеркивает второстепенное положение в калмыцком обществе; в ценностном аспекте: положительного отношения заслуживают трудолюбие, уважительное отношение к людям, отрицательного – терпение, смирение. Отмечается зарождение нового признака: стремление к образованию, социальная активность.

Выводы по Главе III.

1. Выделенные в пространстве художественного дискурса романа-хроники «Мудрешкин сын» лингвокультурные типажи калмыков («цаган ясн», «хар ясн»,

«калмыцкий интеллигент», «мать», «женщина-хар ясн») актуальны для традиционного калмыцкого общества конца XIX – начала XX вв.

2. А.М. Амур-Санан воплощает признаки лингвокультурного типажа «калмыцкий интеллигент». В понятийном аспекте: высокое осознание гражданского долга, стремление к преобразованию родового уклада в интересах трудящихся. В образном аспекте: обозначение оруд указывает на происхождение из самых низов традиционного калмыцкого общества с признаками унижаемый, обижаемый, голодный; разнообразные обозначения должностей, которые А.М. Амур-Санан занимал после установления советской власти (*член губернского исполкома, заведующий губернским земельным отделом, член Совета содействия и пропаганды на Востоке, председатель Центрального бюро писателей по национальным литературам, председатель Совнархоза Калмыцкой области и др.*), указывают на высокое положение в советском обществе. В аксиологическом аспекте: высокой оценки заслуживает деятельность по преобразованию жизни народа, организаторские способности, образованность, множественность культурной основы, знание родного и русского языков, художественная одаренность.

3. Характерными признаками лингвокультурного типажа «хар ясн» являются в понятийном аспекте: отсутствие имущества (скота, земли); в образном аспекте: обозначения *хар ясн, Мудрешка, оруд, оруд ноха, пьяница, драчун, скотокрад, никудышный человек* указывают на низкий социальный статус. Ценностный компонент указывает на негативное восприятие признаков пьянство, рукоприкладство, безответственное отношение к семье; положительного отношения заслуживает своеобразное представление о честности. По мнению автора, падение Мудре связано с устоями родового строя. Данный тезис отражает общественно-политические взгляды автора, который был идейным сторонником новой власти, убежденным ленинцем.

4. Признаками лингвокультурного типажа «цаган ясн» являются в понятийном аспекте: большое количество скота, земли, работников; в образном аспекте: обозначение «цаган ясн» указывает на высокое положение по отношению к «хар ясн»; в ценностном аспекте: негативного отношения заслуживают грубость, самодурство, рукоприкладство, заносчивость, высокомерие, пренебрежительное отношение к бедным; положительного отношения заслуживает доброта князя Гахаева.

5. Характерными признаками лингвокультурного типажа «мать» являются в понятийном аспекте: отсутствие имущества (скота, земли), неудачное замужество; в образном аспекте: обозначение «хар ясн» указывает на низкое социальное положение, на гендерный и родственный признаки указывают обозначения *мама*, *мать*, *эк* ‘мать’, *мини эк* ‘моя мама’, *ээджи* ‘мама’, *ээджи мини* ‘моя матушка’, *кооркм* ‘моя милая’; в аксиологическом аспекте: положительная оценка таких признаков, как терпение, трудолюбие, забота о семье, любовь к детям, социальная активность, возвышение над индивидуальностью. Последние два признака проявляются по мере усиления общественно-исторической составляющей произведения, связаны с эпохой, в которой создавался роман, и идеологическими воззрениями автора.

6. Для лингвокультурного типажа «женщина-хар ясн», актуального для описываемой эпохи, характерны следующие признаки. В понятийном аспекте: отсутствие имущества (скота, земли); в образном аспекте: обозначение «хар ясн» указывает на низкое социальное положение, гендерные обозначения *женщина*, «эм» ‘женщина’ указывают на второстепенное положение в калмыцком обществе; в ценностном аспекте: положительного отношения заслуживают трудолюбие, уважительное отношение к людям, отрицательного – терпение, смирение. Отмечается зарождение новых признаков: стремление к образованию, социальная активность.

7. Основные типажные характеристики романа-хроники «Мудрешкин сын» показывают следующие доминанты поведения в калмыцкой культуре описываемого исторического времени: уважительное отношение к мужчинам, старшим по возрасту и положению; пренебрежительное отношение к женщинам и людям низкого социального статуса (*хар яси, оруд, эм*); покровительственное отношение к «своим» (*эвря кюн*) и пренебрежительное отношение к «чужим» (*кююня кюн*).

8. Выделенные лингвокультурные типажи и их признаки актуальны для определенного общества (традиционный калмыцкий социум), определенной эпохи (рубеж XIX – XX вв.), выделяются в определенном дискурсе (роман-хроника «Мудрешкин сын»), отражают воззрения автора (представителя первого поколения калмыцкой интеллигенции, происходящего из социальных низов калмыцкого общества, убежденного коммуниста-ленинца).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе осмысление феномена художественного билингвизма проводится с использованием достижений теории дискурса: художественное произведение рассматривается с учетом общественно-политического, историко-культурного контекста эпохи, социо- и этнокультурных особенностей личности автора и читателя. Художественный дискурс в работе понимается как совокупность высказываний, посредством которой происходит обмен знаниями, эмоциями и впечатлениями в процессе взаимодействия автора и читателя при восприятии художественного текста. К важнейшим составляющим художественного дискурса отнесены языковые и неязыковые компоненты: контекст, автор, читатель / слушатель, ситуация.

Писатель-билингв А.М. Амур-Санан, используя средства русской и калмыцкой лингвокультур, создал глубоко национальный художественный текст с ярко выраженной этнической спецификой, которая определяется обращенностью к самобытному миру калмыков-кочевников, культура которых формировалась под влиянием степной природы, буддийского вероисповедания, скотоводческого типа хозяйственной деятельности и кочевого образа жизни. Основным языком повествования в художественном тексте романа-хроники «Мудрешкин сын» является русский язык, при этом картина мира калмыков передается средствами двух языков.

В тексте романа-хроники использовано свыше 250 калмыцких единиц (слов и словосочетаний, пословиц, поговорок, этикетных формул), которые обозначают особенности материальной и духовной культуры, социальной организации, национального характера, речевого этикета и коммуникативного поведения калмыков. Калмыцкие языковые единицы не нарушают графическое, семантическое, грамматическое единство русскоязычного текста. Использованные разнообразные способы передачи значения национальных единиц, а также

калмыцкие пословицы и поговорки способствуют адекватному пониманию русскоязычным читателем самобытного мира кочевой культуры калмыков описываемого исторического периода, выполняя лингвокультурологическую функцию.

Лексический состав романа-хроники, включающий разнообразные единицы русского языка из разных сфер, калмыцкие слова и выражения, создает реалистическую панораму калмыцкой действительности описываемого времени. Этническая картина мира калмыков формируется благодаря использованию безэквивалентной лексики, имен собственных, пословиц, поговорок, наименований обычаев и традиций калмыков; русской лексики, тематически связанной со скотоводческим видом деятельности, кочевым образом жизни, степной природой, элементами материального и духовного мира калмыков, а также чувствами и переживаниями персонажей. Особенность исторической эпохи передается благодаря использованию во второй части романа-хроники общественно-политической, идеологической, административной, военной лексики, а также слов и устойчивых выражений, характерных для «советского слога»; калмыцкие языковые единицы в этой части текста используются редко (*чатыртэ, тушутэ*).

Эмоциональный фон художественного текста романа-хроники формируют чувства, которые переживают персонажи и рассказчик. Характер реализации эмоций, языковые и неязыковые средства их выражения позволяют сделать вывод о преобладании в целом в произведении отрицательных эмоций. Для их выражения используется эмотивная лексика русского языка, национальная специфика переживания эмоций передается через невербальные средства. С точки зрения направленности у бедных преобладают неличные эмоции, у богатых – личные; с позиций влияния на человека у бедняков преобладают эмоции, тормозящие деятельность человека; по интенсивности проявления у бедняков доминируют слабые, у богатых – сильные эмоции. Все отрицательные эмоции в первую очередь

свойственны женщинам, самым бесправным, угнетенным и обездоленным членам тогдашнего калмыцкого общества.

В художественном тексте наблюдается постепенное изменение эмоционального фона: на смену отрицательным эмоциям приходят положительные эмоции, возникшие под влиянием идейно-политических событий эпохи. Писателю-билингву удалось передать через средства приобретенной лингвокультуры переживаемые персонажами эмоции, которые относятся к глубоко этническим компонентам лингвокультуры.

Категоризация действительности в картине мира степного народа, формируемая средствами русского и калмыцкого языков, является результатом художественного билингвизма писателя. Через средства двух языков создается картина мира калмыков описываемой эпохи: материальная (жилище, пища, одежда, занятия) и духовная культура этноса (календарь, обряды, обычаи, поверья, семейная этика, коммуникативное поведение, представления о понятиях «своей-чужой», «счастье-несчастье», «прилично-неприлично», «вежливо-невежливо»).

Достоверная калмыцкая действительность описываемого исторического периода, взаимоотношения людей в калмыцком обществе и семье передаются через разнообразные языковые средства, в том числе глаголы речи. Глаголы речи с семой 'пониженная интенсивность' характеризуют представителей калмыцкой бедноты, в то время как для характеристики представителей знати и бывших бедняков, после революции получивших власть, употребляются глаголы речи с семой 'повышенная интенсивность'. Средства обозначения умолчания, жестов, а также междометия, национальные слова, средства речевого этикета передают характер коммуникации калмыков, создают картину взаимоотношений членов калмыцкого социума рассматриваемой исторической эпохи.

В художественном тексте романа-хроники большую роль играет концепт «Степь», характеризующийся рядом признаков. Ментальный объект «Степь» представлен как безводное ровное пространство с сухим климатом, образ которого

на протяжении художественного дискурса меняется в зависимости от времени, ассоциативно связанный с высшими ценностями – концептами «Человек» и «Жизнь».

В диссертации большое внимание уделяется изучению лингвокультурных типажей калмыков конца XIX – начала XX вв.: «цаган ясн», «хар ясн», «калмыцкий интеллигент», «мать», «женщина-хар ясн». Выявлены и описаны характерные признаки каждого из рассматриваемых лингвокультурных типажей в понятийном, образном, ценностном аспектах. Основные типажные характеристики романа-хроники «Мудрешкин сын» показывают следующие доминанты поведения в калмыцкой культуре описываемого исторического времени: уважительное отношение к мужчинам, старшим по возрасту и положению; пренебрежительное отношение к женщинам и людям низкого социального статуса (*хар ясн, оруд, эм*); покровительственное отношение к «своим» (*эвря кюн*) и пренебрежительное отношение к «чужим» (*кююня кюн*). Выделенные в художественном тексте романа-хроники лингвокультурные типажи актуальны для традиционного калмыцкого общества описываемого периода и отражают мировоззрение автора (представителя первого поколения калмыцкой интеллигенции, выходца из социальных низов калмыцкого общества, убежденного большевика, коммуниста-ленинца).

Перспективой работы может служить рассмотрение художественного дискурса романа-хроники А.М. Амур-Санана «Мудрешкин сын» в контексте русскоязычного творчества писателей-билингвов Калмыкии и сравнительно-сопоставительном аспекте.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аалто, П. Халимаг бусгуйчуудийн хэлний тухай // Монголын судлал. Т. 2. Улаанбаатар, 1961. – Х. 219-227.
2. Абдокова, М.Б. Этноментальные основы литературы черкесского зарубежья: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Нальчик, 2009. – 43 с.
3. Абрамова, Т.В. Диалогическое единство «просьба – реакция» (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж. – 2003. – 20 с.
4. Аврорин, В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. – Л.: Наука, 1975. – 276 с.
5. Айылчиев, К.А. Стилиевое своеобразие двуязычного творчества Чингиза Айтматова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Бишкек, 1992. – 23 с.
6. Акматалиев, А.А. Чингиз Айтматов: Человек и Вселенная. – Бишкек: Илим, 2013. – 576 с.
7. Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи. – Волгоград: Парадигма, 2005. – 310 с.
8. Алексеев, М.П. Многоязычие и литературный процесс // Многоязычие и литературный процесс. – 1981. – С.124-148.
9. Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. – М.: Флинта, 2016. – 288 с.
10. Алефиренко, Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. – М.: Academia, 2002. – 394 с.
11. Амалбекова, М.Б. Особенности языка и публицистический тезаурус билингва М. Кул-Мухаммеда // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. – 2017. – Т. 14. – № 4. – С. 665-675.
12. Амур-Санан, А.М. Мудрешкин сын. – Л.: Прибой, 1925. – 196 с.

13. Амур-Санан, А.М. Мудрешкин сын. – Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1987. – 203 с.
14. Анисимова, Е.Е. Об аспектах изучения религиозного дискурса в отечественной лингвистике // Вестник МГЛУ. – Вып. 9. – 2021. – С. 71-84.
15. Антонова, Н.А. Педагогический дискурс: речевое поведение учителя на уроке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2007. – 24 с.
16. Арязмова, О.В. Этнокультуремы в концептосфере писателя-билингва (на материале романа Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза») // Вестник ВГУ. – 2016. – № 1. – С. 54-58.
17. Артаев, С.Н. Этнокультурная специфика вербального и невербального поведения калмыков: стереотипы коммуникации. – Элиста: Изд-во Калмыцкого госуниверситета, 2020. – 272 с.
18. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений. – М.: Наука, 1988. – 338 с.
19. Арутюнова, Н.Д. Метафора и дискурс. Теория метафоры. – М., 1990. – С. 5-32.
20. Асратян, З. Дискурс художественного произведения // Филологические науки. – 2015. – № 3. – С. 30-34.
21. Ахиджакова, М.П. Вербализация ментального пространства языковой личности автора в художественном тексте: на материале творчества Аскера Евтыха: дис. ... д-ра филол. наук. – Краснодар, 2007. – 385 с.
22. Ахиджакова, М.П., Ахиджак, Б.Н. Специфичность проявления ментальности билингвального сознания в лингвокультурном пространстве // Язык. Дискурс. Ментальность. – М.: Флинта, 2020. – С. 112-130.
23. Бабенко, Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. – Свердловск: Издательство Уральского университета, 1989. – 182 с.
24. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Издательство Воронеж. гос. ун-та, 1996. – 104 с.

25. Багиров, Х.З. Теоретические и прикладные аспекты билингвизма: на материале адыгейского и русского языков. – Майкоп: Изд-во Адыгейского государственного университета, 2004. – 316 с.
26. Багиров, Х.З., Тлехатук, С.Р. Билингвизм как тенденция развития языковой личности // Билингвизм социальный и художественный: репрезентация в языковом пространстве. – Майкоп: Изд-во Адыгейского государственного университета, 2017. – С. 7-25.
27. Багиров, Х.З., Шеуджен, Э.Д. Двухязычный писатель в адыгском языковом пространстве // Билингвизм социальный и художественный: репрезентация в языковом пространстве. – Майкоп: Изд-во Адыгейского государственного университета, 2017. – С. 128-156.
28. Балагова, Л.Х. Адыгская литературная диаспора: история, этнодуховная идентичность, поэтика. – М.: ИМЛИ РАН, 2009. – 220 с.
29. Балакаев, А.Г., Оглаев, Ю.О. Литературное наследие А. Амур-Санана: проблемы публикации // А.М. Амур-Санан – певец революции: к 100-летию со дня рождения. – Элиста: Калм. НИИФЭ, 1988. – С. 113-125.
30. Балеевских, К.В. Язык как экспликация культурного опыта писателя-билингва А. Макина: дис. ... канд. филол. наук – Ярославль, 2002. – 229 с.
33. Бадмаева, В.В. Юрта – традиционное жилище калмыков как пример оптимальной адаптации к кочевому укладу // Молодой ученый. – 2012. – 5. – С. 367-369.
34. Басте, З.Ю. Художественный текст как билингвальный феномен: лингвокультурологический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Майкоп, 2021. – 20 с.
31. Бахтикиреева, У.М. Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения). – Астана: Изд-во «ЦБО и МИ», 2009. – 259 с.

32. Бахтикиреева, У.М. Художественный билингвизм и особенности русского художественного текста писателя-билингва: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2005. – 39 с.
33. Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Сов. писатель, 1963. – 363 с.
34. Бахтин, М.М. Проблемы текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. – М.: Искусство, 1986. – С. 297-325.
35. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 258 с.
36. Бейлинсон, Л.С. Характеристики медико-педагогического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2001. – 22 с.
37. Беликов, В.И., Крысин, Л.В. Социоллингвистика. – М.: РГГУ, 2001. – 315 с.
38. Белл, Р.Т. Социоллингвистика. Цели, методы, проблемы. – М.: Международные отношения, 1980. – 318 с.
39. Бенвенист, Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 446 с.
40. Бентковский, И.В. Жилище и пища калмыков Большедербетовского улуса // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. – Ставрополь, 1868. – Вып. I. – С.84-105.
41. Бертагаев, Т.А. Билингвизм и его разновидности в системе употребления // Проблемы двуязычия и многоязычия. – М.: Наука, 1972. – С. 82-88.
42. Биткеева, Г.С. Лингвокультурные традиции калмыцкого народа. Табу и эвфемизмы. – Элиста: ЗАО «НПП «Джангар», 2016а. – 152 с.
43. Биткеева, Г.С. Социально-культурные основы эвфемизма: «язык женщин калмычек» // Oriental Studies, 2016б. – 9(5). – С. 193-198.
44. Блягоз, З.У., Багироков, Х.З., Зекох, З.З. Феномен художественного билингвизма в адыгском языковом пространстве. – Майкоп: Изд-во Адыгейского госуниверситета, 2012. – 112 с.

45. Блягоз, З.У. Двухязычие: сущность явления, формы его существования, интерференция и ее разновидности. – Майкоп: Изд-во Адыгейского государственного университета, 2006. – 150 с.
46. Бобырева, Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2007. – 45 с.
47. Болдырев, Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – №1. – С. 18-30.
48. Болотнов, В.И. Эмоциональность текста в аспектах языковой и неязыковой вариативности (основы эмотивной стилистики текста). – Ташкент: Фан, 1981. – 116 с.
49. Бондалетов, В.Д. Социальная лингвистика. – М.: Просвещение, 1987. – 159 с.
50. Борботько, В.Г. Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 288 с.
51. Борботько, В.Г. Элементы теории дискурса. – Грозный: Изд-во Чечено-Ингуш. гос. ун-та, 1981 – 113 с.
52. Босчаева, Н.Ц. Аристократ // Калмыцкие и русские лингвокультурные концепты. – Элиста: Изд-во КалмГУ, 2009. – С. 198-213.
53. Бычков, В.В., Маньковская, Н.Б. Художественность как метафизическое основание эстетического опыта и критерий определения подлинности искусства // Вестник славянских культур. – 2017. – Т. 43. – С. 220-241.
54. Булыгина, Т.В., Шмелев, А.Д. Перемещение в пространстве как метафора эмоций // Логический анализ языка. Языки пространств. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 277-289.
55. Ван Дейк, Т.А. К определению дискурса. – Л.: Сэйдж пабликэйшнс, 1998. – 384 с.
56. Ван Дейк, Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 310 с.

57. Васильев, Л.М. Общие проблемы лингвистики: теория и методы. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. – 206 с.
58. Вахтин, Н.Б., Головкин, Е.В. Социолингвистика и социология языка. – СПб.: Издательский центр «Гуманитарная академия», 2004. – 336 с.
59. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 776 с.
60. Вежбицкая, А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 272 с.
61. Верещагин, Е.М., Костомаров, В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Рус. яз., 1990. – 246 с.
62. Виноградов, В.В. О языке художественной литературы. – М.: Гослитиздат, 1959. – 654 с.
63. Виноградов, В.В. Язык Пушкина. – М.-Л.: Academia, 1935. – 454 с.
64. Владимирцов, Б.Я. Общественный строй монголов: монгольский кочевой феодализм. – Л.: Акад. наук, 1934. – 223 с.
65. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.: Наука, 1985. – 228 с.
66. Воробьев, В.В. Лингвокультурология. – М.: Изд-во РУДН, 2008. – 340 с.
67. Воркачев, С.Г. Лингвокультурная концептология и ее терминосистема // Политическая лингвистика. – 2014. – № 3 (49). – С. 12-20.
68. Воркачев, С. Г. Любовь как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2007. – 285 с.
69. Вуколов, Л. Владимир Санги. – М.: Советский писатель, 1990. – 150 с.
70. Выготский, Л.С. Мышление и речь. – М.: Лабиринт, 1999. – 352 с.
71. Гаврилова, К.В. Страницы пережитого // Теегин герл. – 1988. – № 4. – С. 106-109.
72. Гаврилова, К.В. Хотелось жить и работать. – Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1988. – 73 с.

73. Гак, В.Г. Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. – СПб.: Наука, 1996. – 228 с.
74. Гаспаров, Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М.: Нов. лит. обозрение, 1996. – 352 с.
75. Гаспарян, О.Т. Интенциональные стратегии современного рекламного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2017. – 27 с.
76. Гачев, Г.Д. Чингиз Айтматов (в свете мировой культуры). – Фрунзе: Адабият, 1989. – 483 с.
77. Гачев, Г.Д. Национальные образы мира. Кавказ. Интеллектуальные путешествия из России в Грузию, Азербайджан и Армению. – М.: Издательский сервис, 2002. – 416 с.
78. Гийому, Ж., Мальдидье, Д. О новых приёмах интерпретации, или проблема смысла с точки зрения анализа дискурса // Квадратура смысла. – М.: Прогресс, 1999. – С. 124-136.
79. Гируцкий, А.А. Белорусско-русский художественный билингвизм: типология и история, языковые процессы. – Минск: Университетское, 1990. – 175 с.
80. Григорьева, В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. – 288 с.
81. Гуляева, Т.В. Политический и художественный дискурс: точки соприкосновения // Вестник Пермского университета. – 2009. – № 2. – С. 36-39.
82. Гусейнов, А.А. Новое мышление и этика // Этическая мысль. – М.: Издательство политической литературы, 1988. – С.11-22.
83. Дадажанова, М. Природа двуязычных произведений Ч. Айтматова и проблемы художественного перевода: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1986. – 25 с.

84. Дадье, Б. Люди между двумя языками // Иностранная литература. – № 4. – 1968. – С. 245-250.
85. Демьянков, В.З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. – Вып. 2. – М.: Всесоюзный центр переводов ГКНТ и АН СССР, 1982. – 288 с.
86. Демьянков, В.З. Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория // Язык и структура представления знаний. – М.: ИНИОН РАН, 1992. – С. 39-77.
87. Демьянков, В.З. Об антропоцентрическом направлении в когнитивной лингвистике // Когнитивные исследования языка. – Вып. 27. – 2016. – С. 36-44.
88. Демьянков, В.З. Морфологическая интерпретация текста и структура словаря // Вопросы кибернетики: Общение с ЭВМ на естественном языке. – М.: Научный совет по комплексной проблеме «Кибернетика», 1982. – С.75-91.
89. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – № 3. – 2002. – С.32-43.
90. Демьянков, В.З. Функционализм в зарубежной лингвистике конца XX века // Дискурс, речь, речевая деятельность. – М., 2000. – С. 26-136.
91. Детинкина, В.В. Рекламный дискурс как способ создания социального мифа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 2010. – 24 с.
92. Дешериев, Ю.Д. Социальная лингвистика: к основам общей теории. – М.: Наука, 1977. – 382 с.
93. Джамбинова, Р.А. А. Амур-Санан и калмыцкая литература // А.М. Амур-Санан – певец революции: к 100-летию со дня рождения. – Элиста: Калм. КНИИФЭ, 1988. – С. 26-45.
94. Джамбинова, Р.А. Национальные художественные традиции в прозе Калмыкии XX века: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – Махачкала, 2000. – 48 с.
95. Джолдошева, Ч.Т. Двужычное творчество Ч. Айтматова. – Бишкек: КРСУ, 1997.

96. Джимгиров, М.Э. А.М. Амур-Санан (1888–1939) // Вестник КНИИЯЛИ. – 1973. – № 8. – С. 8-21.
97. Дмитриева, О.А. Лингвокультурные типы России и Франции XIX века. – Волгоград: Перемена, 2007. – 307 с.
98. Дорджиева, Д.Б. ...Вошла история Октября... // Амур-Санан А.М. Мудрешкин сын. – Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1987. – С. 3-12.
99. Дьячков, М.В. Социальная роль языков в межэтнических обществах. – М.: Наука, 1993. – 115 с.
100. Дымарский, М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX – XX вв.). – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999. – 284 с.
101. Дюдяева, В.Е. Роман «Ада, или Эротиада» В. Набокова как билингвальный текст: координаты семантического пространства // Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 4. – С. 194-197.
102. Есенова, Г.Б. Изобразительные лексические и синтаксические средства в художественном пространстве романа-хроники А. М. Амур-Санана «Мудрешкин сын» // Вестник Бурятского государственного университета. – 2021а. – № 2. – С. 26-31.
103. Есенова, Г.Б. Лексические особенности романа-хроники А.М. Амур-Санана «Мудрешкин сын» // Научная мысль Кавказа. – 2021б. – № 2. – С.112-118.
104. Есенова, Г.Б. Моделирование образа женщины (на материале художественных текстов писателей-билингвов) // Лингвистическое моделирование в теории коммуникации. – Грозный: Изд-во ЧГПУ, 2021с. – С. 55-61.
105. Есенова, Г.Б. О переводе романа-хроники А.М. Амур-Санана «Мудрешкин сын» // Сохрани мою речь навсегда: Роль художественных переводов в гармонизации межнациональных отношений. – Элиста: Издательство КалмНЦ РАН, 2021d. – С.166-172.
106. Есенова, Г.Б. Образ отца в романе-хронике А.М. Амур-Санана «Мудрешкин сын» // Вестник Калмыцкого университета. – 2022а. – № 3. – С. 76-82.

107. Есенова, Г.Б. Образ цаган ясн ‘белая кость, знать, богатые’ в романе-хронике А.М. Амур-Санана «Мудрешкин сын» // Векторы развития русистики и лингводидактики в контексте современного филологического образования. – Астрахань: Изд-во Астраханского государственного университета, 2022b. – С. 92-97.
108. Есенова, Г.Б. Природа в романе-хронике А.М. Амур-Санана «Мудрешкин сын» // Слово о Слове: исследования молодых ученых-филологов. – Астрахань: Изд-во Астраханского государственного университета, 2022с. – С. 148-154.
109. Есенова, Г.Б. Репрезентация национальных единиц в романе-хронике А.М. Амур-Санана «Мудрешкин сын» // Научная мысль Кавказа. – 2023. – №1. – С. 125-131.
110. Есенова, Г.Б. Художественный билингвизм как способ категоризации картины мира калмыков в средствах русского языка // Русский язык в современном научном и образовательном пространстве: материалы междунар. науч. конф., посвященной 90-летию профессора Серафимы Алексеевны Хаврониной, Москва, 28–29 октября 2020 г. / под общ. ред. В.М. Шаклеина. – М.: Изд-во РУДН, 2020. – С. 354-360.
111. Есенова, Г.Б., Джалсанов, Ц.С. Наследие А.М. Амур-Санана // Трудовой вклад народов Юга России в Победу в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.: материалы российской науч. конф., Элиста, 4 декабря 2020. / отв. ред. В.Б. Убушаев. – Элиста: Изд-во Калмыцкого госуниверситета, 2020b. – С. 240-246.
112. Есенова, Г.Б., Есенова, Т.С. Духовный мир калмыков в романе-хронике А.М. Амур-Санана «Мудрешкин сын» // Векторы развития русистики и лингводидактики в контексте современного филологического образования. – Астрахань: Изд-во Астраханского государственного университета, 2022с. – С. 97-100.
113. Есенова, Т.С. «Интеллигент» // Калмыцкие и русские лингвокультурные концепты. – Элиста: Изд-во Калмыцкого госуниверситета, 2009. – С. 191-198.

114. Есенова, Т.С., Есенова, Г.Б. Функционирование национально-региональной лексики в художественном тексте // Русский язык в современном научном и образовательном пространстве: материалы междунар. науч. конф., посвященной 90-летию профессора Серафимы Алексеевны Хаврониной, Москва, 28–29 октября 2020 г. / под общ. ред. В.М. Шаклеина. – М.: Изд-во РУДН, 2020. – С. 285-290.
115. Жельвис, В.И. Эмотивный аспект речи. Психолингвистическая интерпретация речевого воздействия. – Ярославль: Изд-во ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1990. – 81 с.
116. Жинкин, Н.И. Речь как проводник информации. – М.: Наука, 1982. – 159 с.
117. Житецкий, И.А. Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884-1886 гг. – М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1893. – 75 с.
118. Жуковская, Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. – М.: Наука, 1988. – 195 с.
119. Зайдия, С. Творчество Чингиза Айтматова и его восприятие в Сирии: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1979. – 188 с.
120. Зализняк, А.А. Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира // Русский язык в научном освещении. – № 5. – 2003. – С. 85-105.
121. Звегинцев, В.А. О предмете и методах социолингвистики // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1976. – Т. 35. – № 4. – С. 308-320.
122. Зекох, З.З. Репрезентация художественного билингвизма в адыгском языковом пространстве: когнитивный и культурологический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Майкоп, 2012. – 18 с.
123. Зимняя, И.А. Лингвопсихология речевой деятельности. – М.; Воронеж: Моск. психол.-соц. институт; МОДЭК, 2001. – 432 с.
124. Ибраев, А.Д. Айтматов как русскоязычный писатель // Современный литературный процесс и творчество Ч. Айтматова. – Фрунзе: Илим, 1985. – С. 31-36.
125. Изард, К. Эмоции человека. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – 439 с.

126. Изард, К. Психология эмоций. – СПб., 2000. – 464 с.
127. Ильин, Е.П. Эмоции и чувства. – СПб.: Питер, 2011. – 782 с.
128. Йоргенсен, М.В., Филлипс, Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. – Харьков: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2008. – 352 с.
129. Кабаченко, Е.Т. Амур-Санан. Жизнь и творчество. – Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1967. – 131 с.
130. Карасик, В.И. Дискурс // Социальная психоллингвистика. – М.: Лабиринт, 2007. – С. 162-196.
131. Карасик, В.И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. – Волгоград: Перемена, 1999 – С. 5-19.
132. Карасик, В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5-20.
133. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М: Гнозис, 2004. – 390 с.
134. Карасик, В.И. Языковое проявление личности. – Волгоград: Парадигма, 2014. – 449 с.
135. Карасик, В.И. Языковые ключи. – М: Гнозис, 2009. – 405 с.
136. Карасик, В.И., Дмитриева, О.А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 5-25.
137. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 264 с.
138. Касымалиева, К.Э. Этнокультурные идиоглоссы в авторской языковой картине мира Чингиза Айтматова и их лексикографическое представление: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2017. – 23 с.
139. Кашкин, В.Б. Введение в теорию дискурса. – М.: Восточная книга, 2010. – 152 с.

140. Кашкин, В.Б. Дискурс. – Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2004. – 76 с.
141. Кенжегараев, Н.Д. Особенности дискурсивного анализа художественного текста // Молодой ученый. – 2012. – № 4. – С. 228-231.
142. Кибрик, А.А. Дискурс // Введение в науку о языке. – М.: Буки Веди, 2019. – С. 126-163.
143. Кибрик, А.А., Паршин, П.Б. Дискурс // Онлайн Энциклопедия “Кругосвет” [Электронный ресурс]. – URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DISKURS.html.
144. Команджаев, А.Н. Калмыкия в начале XX в. – Элиста: Изд-во Калмыцкого госуниверситета, 2000. – 108 с.
145. Команджаев, А.Н. Калмыцкий хотон на рубеже XIX-XX веков (по страницам романа-хроники «Мудрешкин сын») // А.М. Амур-Санан – певец революции: к 100-летию со дня рождения. – Элиста: Калм. НИИИФЭ, 1988. – С. 138-148.
146. Команджаев, А.Н. Путешествие в калмыцкий хотон // Теегин герл. – 1988. – № 3. – С. 97-100.
147. Коровина, К.Г. Характеристики художественного билингвизма (на материале произведений В.В. Набокова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2016. – 25 с.
148. Красавский, Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. – Волгоград: Перемена, 2001. – 495 с.
149. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
150. Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М.: Гнозис, 2002. – 282 с.
151. Кремер, Е.Н. Актуальные вопросы русско-инонационального художественного билингвизма // Русский язык за рубежом. – 2009. – №1-2. – С. 38-42.

152. Кремер, Е.Н. Этническая идентичность и национальное самосознание в пространстве художественного текста автора-билингва // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. – 2015. – С. 310-320.
153. Крысин, Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. – М.: Наука, 1989. – 186 с.
154. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
155. Кузнецова, А.В. Прагматика маркеров лингвокультуры в семантическом пространстве билингвального художественного текста // Язык. Дискурс. Ментальность. – М.: Флинта, 2020. – С. 65-81.
156. Кумук, С.Х. Паремическая концептуализация языковой картины мира адыгов в художественных текстах билингвальной языковой личности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Майкоп, 2019. – 20 с.
157. Кушу, С.А. Лингвокультурные концепты как отражение языковой картины мира: на материале языка оригиналов и переводов произведений Т. Керашева с адыгейского на русский и английский языки: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Майкоп, 2004. – 21 с.
158. Лабов, У. Единство социолингвистики // Социально-лингвистические исследования. – М.: Наука, 1976. – С.5-30.
159. Леонтьев, А.А. Основы психолингвистики. – М.: Смысл; СПб.: Лань, 2003. – 287 с.
160. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.
161. Лиджиева, Б.Б. Концепция личности в творчестве А.М. Амур-Санана // А.М. Амур-Санан – певец революции: к 100-летию со дня рождения. – Элиста: Калм. НИИИФЭ, 1988. – С. 80-95.

162. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – 1993. – Т. 52. – № 1. – С. 3-9.
163. Лотман, Ю.М. Анализ поэтического текста. – Л.: Изд-во «Просвещение», 1972. – 271 с.
164. Лотман, Ю.М. О содержании и структуре понятия «художественная литература» // Избранные статьи: в 3 т. – Т. 1. – Таллинн: Александра, 1992. – С. 203-216.
165. Майоров, Б.Г., Поляков, Н.Н. Антон Амур-Санан. – Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1970. – 82 с.
166. Манджиева, Э.Б., Манджиев, Б.П. Безэквивалентная лексика в художественном тексте (на материале романа-хроники А.М. Амур-Санана «Мудрешкин сын») // Русская речь в инонациональном окружении. – Вып. 11. – 2019. – С. 31-37.
167. Манерко, Л.А. Структуры знаний, представленные в художественном и академическом дискурсах // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. – 2013. – № 1. – С. 100-118.
168. Маслова, В.А. Когнитивный и коммуникативный аспекты художественного текста. – Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2014. – 104 с.
169. Маслова, В.А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? // Политическая лингвистика. – №1. – 2008. – С. 43-48.
170. Маслова, В.А. Homo lingualis в культуре. – М.: Гнозис, 2007. – 320 с.
171. Мечковская, Я.Б. Социальная лингвистика. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 206 с.
172. Мешкова, Т.Н. Колониальный дискурс в романах Ч. Диккенса 1840-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2006. – 17 с.
173. Миловидов, В.А. Семиотика литературно-художественного дискурса. – М.: Буки Веди, 2016. – 172 с.

174. Мирза-Ахмедова, П.М. Национальная эпическая традиция в творчестве Чингиза Айтматова: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1981. – 134 с.
175. Миронова, Н.Н. Дискурс-анализ оценочной семантики. – М.: НВИ – Тезаурус, 1997. – 158 с.
176. Миронова, Н.Н. Оценочный дискурс: проблемы семантического анализа // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. – N. 4. – Т. 56. – 1997. – С. 52-59.
177. Мискичекова, З.Я. Дигнитонимы в антропонимической системе художественных текстов Ч. Айтматова // Вестник КРСУ. – 2011. – Том 11. – № 6. – С. 134-136.
178. Мусова, Н.Н. А.М. Амур-Санан – публицист // А.М. Амур-Санан – певец революции: к 100-летию со дня рождения. – Элиста: Калм. НИИИФЭ, 1988. – С. 64-79.
179. Нефедьев, Н. Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте. – СПб.: Тип. К. Крайя, 1834. – 290 с.
180. Неяченко, Р.В. А.М. Амур-Санан о судьбе женщины-калмычки // А.М. Амур-Санан – певец революции: к 100-летию со дня рождения. – Элиста: Калм. НИИИФЭ, 1988. – С. 126-137.
181. Николаев, С.Г. Феноменология билингвизма в творчестве русских поэтов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Ростов н/Д, 2004. – 46 с.
182. Николаева, Т.М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 8. – М.: Прогресс, 1978. – С. 5-39.
183. Никольский, Л.Б. Синхронная социолингвистика (теория и проблемы). – М.: Наука, 1976. – 168 с.
184. Одинцов, В.В. Стилистика текста. – М.: Наука, 1980. – 263 с.
185. Олизько, Н.С. Художественный дискурс как полилог автора, читателя и текста // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – С. 164-166.

186. Ользеева, С.З. Калмыцкие народные традиции. – Элиста: «Джангар», 2007. – 480 с.
187. Орешкина, М.В. Тюркские слова в современном русском языке. Проблемы освоения. – М.: «Academia», 1994. – 160 с.
188. Очиров, А.В. Войлочная юрта (XIX в.) // Вестник института. – 2014. – 1. – С. 31-34.
189. Очиров, А.В. Кибитка как жилище калмыков // Вестник института. – 2008. – 1. – С. 73-75.
190. Панеш, У.М. Взаимодействие языка и культуры как способ отражения ментальности автора (по материалам рукописей художественных текстов Т. Керашева) // Язык. Дискурс. Ментальность. – М.: Флинта, 2020. – С. 130-146.
191. Панфилов, В.З. Философские проблемы языкознания. – М.: Наука, 1977. – 287 с.
192. Поляков, Н.Н. Антон Амур-Санан. – Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1970. – 82 с.
193. Поляков, Н.Н. Летописец революции // А.М. Амур-Санан – певец революции: к 100-летию со дня рождения. – Элиста: Калм. НИИИФЭ, 1988. – С. 46-64.
194. Пономарева, М.Г. Своеобразие художественного исторического дискурса повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» // Чтения Ушинского. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. – С. 202-210.
195. Попов, А.Ю. Основные отличия текста от дискурса // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. – С. 41-44.
196. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. – 314 с.
197. Поспелов, Г.Н. Эстетическое и художественное. – М.: Изд-во Московского университета, 1965. – 360 с.
198. Преображенский, С.Ю. Литературная норма и стиль писателя: О романе Ч. Айтматова «Буранный полустанок» // Русская речь. – 1984. – № 1. – С.39-45.

199. Пюрбеев, Г.Ц. Исследования по языкам и культуре монгольских народов. – Элиста: Изд-во Калмыцкого госуниверситета, 2015. – 495 с.
200. Пюрбеев, Г.Ц. Речевой этикет и язык жестов у калмыков и монголов // Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. – М.: Наука, 1982. – С. 117-123.
201. Ревзина, О.Г. Дискурс и дискурсивные формации // Критика и семиотика. – 2005. – № 8. – С. 66-78.
202. Романенко, Д.И. О творчестве А. Амур-Санана // Теегин герл. – 1963. – № 3. – С. 57-72.
203. Руберт, И.Б. Текст и дискурс: к определению понятий // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. – С. 23-38.
204. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии. – М.: Питер, 2012. – 705 с.
205. Руднев, В.П. Теоретико-лингвистический анализ художественного дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1996. – 47 с.
206. Салдусова, А.Г. Роман А.М. Амур-Санана «Мудрешкин сын» (к проблеме литературного героя) // А.М. Амур-Санан – певец революции: к 100-летию со дня рождения. – Элиста: Калм. КНИИФЭ, 1988. – С. 96-112.
207. Сарангаева, Ж.Н. Кочевник // Калмыцкие и русские лингвокультурные концепты. – Элиста: Изд-во Калмыцкого госуниверситета, 2009а. – С. 184-191.
208. Сарангаева, Ж.Н. Кочевье как этнокультурный концепт. – Элиста: Изд-во Калмыцкого госуниверситета, 2009б. – 125 с.
209. Седов, К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. – М.: Лабиринт, 2004. – 320 с.
210. Серио, П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М.: Прогресс, 1999. – С. 14-53.
211. Силантьев, И.В. Текст в системе дискурсивных взаимодействий // Критика и семиотика. – Вып. 7. – 2004. – С. 98-123.

212. Смольников, Ф.М. Воюем!: Дневник фронтовика. Письма с фронта. – Классика плюс, 2000. – 310 с.
213. Стародубова, О.Ю. Анатомия текста и дискурса. – Чебоксары: Издательский дом «Среда», 2021. – 135 с.
214. Степанов, Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века. – М.: РГГУ, 1995. – С. 35-73.
215. Степанов, Ю.С. В поисках прагматики // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 325-332.
216. Степанов, Ю.С. «Закон» и «антиномия» в гуманитарных науках: От Декарта до Флоренского и Лосева // Лосевские чтения. – 1991. – С. 38-51.
217. Телия, В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
218. Тимижев, Х.Т. Историческая действительность и эволюция художественного сознания писателей черкесского зарубежья: сравнительно-типологический анализ: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Нальчик, 2006. – 46 с.
219. Тимижев, Х.Т. Историческая поэтика и стилевые особенности литературы адыгского зарубежья. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. – 358 с.
220. Тимижев, Х.Т. Литература черкесского зарубежья: проблемы генезиса и национального своеобразия: на материале писателей черкесской диаспоры Турции в разные исторические периоды: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Майкоп, 2001. – 24 с.
221. Токарев, Г.В. Лингвокультурология. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2009. – 135 с.
222. Топалова, Д.Ю. Литературная деятельность калмыцкой эмиграции (1920–1930). – Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. – 243 с.
223. Топалова, Д.Ю. Русскоязычная поэзия Калмыкии: лирика Д. Насунова и Р. Ханиновой. – Элиста: КИГИ РАН, 2014. – 256 с.

224. Туксаитова, Р.О. Речевая толерантность в билингвистическом тексте (на материале русскоязычной казахской художественной прозы и публицистики): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 2007. – 44 с.
225. Туксаитова, Р.О. Художественный билингвизм: к определению понятия // Известия Уральского государственного университета. – 2005. – № 39. – С. 198-206.
226. Туманова, А.Б. Специфика языковой картины мира в художественном дискурсе русскоязычного писателя-билингва // Вестник РУДН. – 2012. – № 2. – С. 38-45.
227. Тюпа, В.И. Анализ художественного текста. – М.: Academia, 2009. – 331 с.
228. Тюпа, В.И. Аналитика художественного. – М.: РГГУ, 2001. – 189 с.
229. Тюпа, В.И. Художественность // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. – М.: Изд-во Кулагиной – Intrada, 2008. – С. 288-290.
230. Тюпа, В.И. Художественный дискурс (введение в теорию литературы). – Тверь: Тверской государственный университет, 2002. – 80 с.
231. Убушаев, В.Б. Революционер, писатель, интернационалист // А.М. Амур-Санан – певец революции: к 100-летию со дня рождения. – Элиста: Калм. НИИИФЭ, 1988. – С. 3-25.
232. Уланов, М.С., Тюмидова, М.Е. Положение женщины в традиционной культуре калмыцкого этноса // Вестник Калмыцкого университета. – 2018. – № 3. – С. 172-179.
233. Фещенко, В.В. Художественный дискурс: к определению термина в перспективе лингвоэстетики // Новый филологический вестник. – 2021. – №1. – С. 16-35.
234. Фещенко, В.В. Эмиль Бенвенист – теоретик поэтического дискурса // Критика и семиотика. – 2018. – Вып. 2. – С. 226-237.
235. Филимонова, О.Е. Язык эмоций в английском тексте. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2001. – 259 с.

236. Филлипс, Л.Дж., Йоргенсен, М.В. Дискурс анализ: теория и метод. – Харьков: Изд-во Гуманитарного центра, 2004. – 336 с.
237. Фуко, М. Археология знания. – СПб.: Гуманитарная акад., 2012. – 415 с.
238. Хабунова, Е.Э. Формулы традиционного этикета калмыков или как стать «йоста хальмг». – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2010. – 48 с.
239. Хасанов, Б.Х. Казахско-русское художественное двуязычие. – Алма-Ата: Рауан, 1990. – 191 с.
240. Хачемизова, М.Н. Художественный мир Тембота Керашева: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Нальчик, 2005. – 49 с.
241. Хугаев, И.С. Осетинская русскоязычная литература: генезис и становление: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Владикавказ, 2010. – 47 с.
242. Хурматуллин, А.К. Понятие дискурса в современной лингвистике // Ученые записки Казанского государственного университета. – Т.151. – 2009. – С. 32-37.
243. Чернявская, В.Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс: Проблемы экономического дискурса. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. – С. 11-22.
244. Чернявская, В.Е. Дискурс власти и власть дискурса. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 185 с.
245. Шалхаков, Д.Д. Семья и брак у калмыков. – Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1982. – 85 с.
246. Шараева, Т.И. Свадебная обрядность // Калмыки. – М.: Наука, 2010. – С. 249-270.
247. Шаховский, В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1987. – 190 с.
248. Шаховский, В.И. Эмоции: долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. – М.: Книжный дом «Либроком», 2010. – 128 с.
249. Швейцер, А.Д. Современная социолингвистика. Теория. Проблемы. Методы. – М.: Наука, 1976. – 174 с.

250. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса. – Волгоград: Перемена, 2000. – 368 с.
251. Шмелев, Д.А. Могут ли слова языка быть ключом к пониманию культуры? // Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 7-13.
252. Эванс, Д. Эмоции. – М.: Астрель, 2008. – 189 с.
253. Экман, П. Психология эмоций. – М.: Питер, 2013. – 333 с.
254. Экман, П. Психология эмоций. – СПб.: Питер, 2010. – 333 с.
255. Эрдниева, У.Э. Калмыки. – Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1985. – 282 с.
256. Эрендженев, К.Э. Золотой родник. – Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1985. – 127 с.
257. Якобсон, П.М. Чувства, их развитие и воспитание. – М.: Знание, 1976. – 64 с.
258. Esenova, G. Gender-Based Upbringing In Kalmyk. In D. Karim-Sultanovich Bataev, S. Aidievich Gapurov, A. Dogievich Osmaev, V. Khumaidovich Akaev, L. Musaevna Idigova, M. Rukmanovich Ovhadov, A. Ruslanovich Salgiriev, M. Muslamovna Betilmerzaeva (Eds.) Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. – 2019. – Vol. 76. – Pp. 919-925.
259. Esenova, G.B., Jalsanov, T.S. Image Of The Mother In A.M. Amur-Sanan's Novel «Muudran Kövün» («Mudreshkin's Son»). In D. K. Bataev, S.A. Gapurov, A.D. Osmaev, V.K. Akaev, L.M. Idigova, M.R. Ovhadov, A.R. Salgiriev, M.M. Betilmerzaeva (Eds.). Knowledge, Man and Civilization // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. – 2021. – Vol. 107. – Pp. 481-487.
260. Esenova, G. Bilingualism As a Way To Categorize the Kalmyk Worldview In Russian Language. In V.M. Shaklein (Ed.) The Russian Language in Modern Scientific and Educational Environment // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. – 2021. – Vol. 115. – Pp. 644-650.

261. Esenova, G., Esenova, T. Functioning of the national and regional words in the literary text In V.M. Shaklein (Ed.) The Russian Language in Modern Scientific and Educational Environment // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2021. – Vol. 115. – Pp. 355-362.
262. Esenova, G. Positive Emotions In Novel-Chronicle By A.M. Amur-Sanan “The Son Of Mudreshka” // II International Congress on Academic Research in Society, Technology and Culture. – 2022. – Pp. 424-432.
263. Goleman, D. Emotional intelligence. – New York, A Bantam Book, 1995. – 478 p.
264. Heelas, P. Emotion talks across cultures. The Emotions. – 1996. – 2. – Pp. 234-266.
265. Izard, C.E., Kagan, J., Zajonc, R.E. Emotions, cognition and behavior. – Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1984. – 620 p.
266. Mayer, J.D., Salovey, P. What is emotional intelligence? – New York, Basic Books, 1997. – Pp. 3-31.
267. Plutchik, R. A general psychoevolutionary theory of emotion. – New York, Academic Press, 1980. – Pp. 3-33.

Словари и справочники

268. Арутюнова, Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С.136-137.
269. Муниев, Б.Д. Калмыцко-русский словарь. – М.: Русский язык, 1977. – 764 с.
270. Николаева, Т.М. Краткий словарь терминов лингвистики текста // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 8. – М.: Прогресс, 1978. – С. 467-474.
271. Пюрбеев, Г.Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. – Элиста: АУ РК «РИА «Калмыкия», 2021. – Том I. – 574 с.
272. Пюрбеев, Г.Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. – Элиста: АУ РК «РИА «Калмыкия», 2022. – Том II. – 590 с.

273. Толковый словарь иностранных слов онлайн. URL:
<https://foreign.slovaronline.com>
274. Эстетика. Энциклопедический словарь. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А.,
2005. – 285 с.